

Александра Варёнова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЛЧАНИЕ

ТАМЕЛЬНА

Александра Варёнова

Молчание Гамельна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70652041

SelfPub; 2024

Аннотация

Свобода, долгожданная свобода! Так я думала, выпустившись из школы. Наивная девочка Леона. Но тут понеслось: подпольные бои, подделка документов, похищения детей... И все ради Гамельна, который с ума сведет своим пронзительным тоскливым взглядом. Ну и что, что он старше меня больше, чем на двадцать лет? А еще у него тюрьма за плечами... Как я вообще во все это вляпалась? О, эта история шестилетней выдержки. Видите ли, меня тоже похищали... Похищал Гамельн. И благодаря этому моя жизнь перевернулась – в хорошем смысле. Я стала сильнее, с мамой отношения наладились, друзья верные появились. Но теперь мне нужно пройти через новый виток взросления. Взять на себя ответственность за чужие жизни и вернуть Гамельну семью! Как я со всем этим справлюсь? Сама не знаю. Только вот отступать я никак не намерена.

Александра Варёнова

Молчание Гамельна

Дурацкая школа осталась позади. Наконец-то! Леона почти свихнулась за последние полгода от бесконечного потока учебников, тестов и речей учителей: «Вы должны достойно войти во взрослую жизнь». Ну-ну! Если бы они реально пеклись об их будущем – Леона первой бы приходила на дополнительные занятия. Но все та же песня цвела и пахла: репутация, престиж, честь... Задолбали! Какого хрена ее должен печь чей-то статус?!

Она и так старалась не запускать учебу, а периодически вовсе развлекалась, лениво выполняя задания на высший балл. Или отвечала тему так, что весь класс ошарашенно-восхищенно тарацился. Остолопы. Синяк под глазом и сбитые кулаки мозгов ее не лишали! Знали бы они, сколько изворотливости нужно, чтобы девчонки друг друга не загрызли из-за особо модного чоппера. А еще нужно с другими бандами ухо остро держать!

Леона даже париться не собиралась о выпускных экзаменах – забрать бы аттестат, и дело с концом. Но в планы неожиданно вмешался Гамельн с веским: «Получишь средний балл – можешь ко мне больше не приходиться». Это вообще как называется, эй! Ну нафига ей универ, пусть даже спортивный. Она по-прежнему любила футбол и время от

времени носилась по площадке с мячом, но посвящать этому жизнь... Профессиональный спорт обычно только калечил.

Ну и ради чего стараться, спрашивается. Только штаны зря просиживать. Но Гамельн и слышать ничего не желал! «Однажды ты поймешь свое призвание, и хорошие оценки тебе пригодятся». Зану-у-уда.

Леона старалась пересекаться с Гамельном каждую неделю с тех пор, как они встретились вновь. Никак не получалось надышаться им, насмотреться на него, послушаться голоса и смеха, а он! «Скоро промежуточные. Ты уже выучила темы? Принеси результаты тестов, я проверю». Просто издевательство сплошное! Да кем Гамельн себя возомнил? Строгим папочкой?

Самое поганое – сопротивляться ему Леона не могла, да и не хотела. Гамельн умел держать слово и, стоило взбрыкнуть по поводу учебы, становился железобетонной стеной. «Я знаю, тебе это под силу, ты способна и на большее. Неужели струсил вместо того, чтобы открыть перед собой новые горизонты?»

Она – и вдруг струсит?! Ну и приходилось, скрипя зубами, черкать тест за тестом. Буквы расплывались перед глазами, от цифр тошнило, путешественники, завоеватели и ученые перемешивались между собой. Гамельн проверял исписанные листы, отмечал ошибки и давал подсказки. Леона выла, злилась, мутузила обнаглевшую шпану – и продолжала учиться.

Мама нарадоваться не могла и едва не боготворила Гамельна. Ну, для нее он был не Гамельном, а каким-то Нельсоном – мужчиной за сорок, который работал тренером в фитнес-клубе. Знакомство их произошло случайно-закономерно. В тот день Леона с Гамельном вымокли до нитки, и до дома Леоны в Уотфорде оказалось гораздо короче, чем до маленькой квартирki Гамельна на окраине Лондона.

«Это мой друг» Элизабет приняла удивленно, но не более того. За старшую школу она привыкла к странным и ярким друзьям дочери. Гамельн хотя бы не был громилой как Рут, «попугаем» как Шенна, с глазами навывкате как Томас и не орал на весь город как Хлоя. А что явно старше Леоны – ну и подумаешь.

Леона в конце концов волонтерила в «Оксфаме», благотворительном магазине подержанных книг, одежды и всякой всячины, а там хватало разной публики. И невзрачному клерку, и милой домохозяйке, и дерзкому подростку запросто могло понравиться одно и то же. Леона однажды разманивала студентку в мини-юбке и интеллигента с залысиной, которые чуть не разорвали фотобук с полуголым певцом. Интеллигент убеждал, что книга должна достаться именно ему. Студентка играла роль бедной и несчастной. Дело решило через камень-ножницы-бумагу, и девчонка ушла победительницей, гордо задрав нос. Позже Леона откопала еще один экземпляр и порадовала интеллигента, оставившего контакты на кассе.

Леона в работе ценила именно это – возможность легко порадовать людей и многое о покупателях узнать через выбор товара. Она часто находила собеседников по интересам среди тех, мимо кого прошла бы, даже не обернувшись.

Маме хватило часа, чтобы принять Гамельна как родного. Вот что творят пара комплиментов и благодарностей. Они беседовали о Леоне, будто та не сидела с ними за одним столом, и мама искренне смеялась! Потом еще шепнула Леоне: «Он такой хороший человек!». Леона возмутилась – Гамельн не был хорошим. Он был настоящим. Пусть сейчас и закрытым стеной, рвом с пираньями и воротами, которые пока не удавалось пробить.

Леона несколько раз порывалась поговорить о прошлом, но Гамельн всякий раз уходил в себя. Взгляд его становился стеклянным, а пальцы стискивались до побелевших костяшек. Гамельна явно терзало чувство вины. Дурак! В такие моменты Леона брала его руки в свои и давала слушать свое сердце или обнимала до тех пор, пока Гамельн не сбрасывал оцепенение. А иногда и чуточку дольше. Леоне нравилось обнимать Гамельна, вдыхать его запах, рассматривать, просто быть рядом.

Но за время подготовки к экзаменам даже этой малости не выпадало. Максимум – Леона могла вырубиться прямо за столом, а потом обнаруживала себя на кровати, заботливо укрытой одеялом. Гамельн спал неподалеку на надувном матрасе. Леона любовалась им под лунным светом – просесть

пеплом на висках, дрожащие ресницы, ястребиный нос. И думала – сколько демонов, теней и сомнений жило в Гамельне. Целое полчище!

Порой в сон прокрадывались образы, как ее прижимает к простыням горячее сильное тело. Волнующие, будоражащие картинки. Но утром, стоило выйти из ванной, Гамельн показывал недоделанные тесты и качал головой. Изверг!

И вот наконец свобода. Сво-бо-да! Леоне хотелось носиться по городу и трясти незнакомых людей на улице. По всем трем экзаменам Леона набрала «хорошо». Гамельн улыбался. «Вот ты и покорила гору. Пойдешь дальше?» Ну уж не-ет! Таким Леону не возьмешь. Хватит. Никаких больше парт и знаний. Только рабочая жизнь.

***

– Мне вот интересно, с кем ты успела подраться на торжественной церемонии? – Гамельн неспешно брел по третьему этажу торгового центра, куда они нагрянули отпраздновать знаменательное событие.

Леона позвонила ему прямо из школы: «Сможешь?». И получила в ответ: «Конечно, львенок». Давненько Гамельн так ее не называл! Леона летела к месту встречи как на крыльях. В темно-синей форме и с хитроумно заплетенной косой.

– С кем, с кем, с главным мудлом округи, конечно! Вот нечего было своей харей светить в поле моего зрения. Зна-

ет же, что меня от него тошнит. Но появился весь такой вальяжный с веником: «Выпустилась, львица? На ком же теперь будет твой прайд?» Скотина. Ну, я и взбеленилась, типа моих-то девчонок недооценивать не стоит. А он мне ка-а-ак веником в лицо залепит! «Не рычи, львица. Пожуй цветочков». Тут уж я ваще не сдерживалась! Он, конечно, не отставал. Хоть и мудро, а удар поставлен...

– Как ты теперь такая «ваще» на работу явишься?

– Да я ж на старом месте. За упорное рвение приняли в постоянный штат. А им не привыкать. Маску на рожу нацеплю – делов-то.

Гамельн вздохнул.

– Ты еще такой ребе... Осторожнее! – он вдруг бросился вперед, подхватывая женщину, которая чуть не навернулась на эскалаторе. Еще бы! Кто ж вертится при подъеме да еще и руками машет?!

– Вы в поря... Вивиан?

– Нельсон? Тебя уже отпустили? – женщина побледнела и шептала одними губами.

– Больше года назад.

– Правда? – женщина хихикнула: звук напомнил скрип старых качелей. – Как летит время... А ты как будто законсервировался: еще с выпуска не особо-то изменился.

Леона недоуменно уставилась на нее. Она знала Гамельна в прошлом?

– Дорогая! Ты в порядке? – по эскалатору поднялся муж-

чина с маленьким пакетом, на котором красовалась эмблема «Амазона». Он собирался броситься к жене, но в итоге стал тыкать в Гамельна пальцем. – А ты какого хера здесь забыл?

– Пришел за покупками, – голос Гамельна стал каким-то натянутым, будто он с силой выталкивал каждый звук.

– Дорогой, тише! Люди же смотрят... – На самом деле в основном все тусили на фудкорде и вряд ли прислушивались к перепалке, но поведение все равно было черт-те каким.

– Пусть смотрят. Пусть знают героя теленовостей! За покупками он пришел, как же. А родители девочки в курсе, с кем она якшается? – небрежный кивок в сторону Леона показал, что речь о ней. – Или завтра ждать спецвыпуск от полиции?

– Вас. Это. Не касается.

– Еще как касается. Ты мало того, что с моей женой шашни крутил, так еще с моей дочкой играл в странные игры.

Гамельна всего потряхивало. Слова мужчины явно резали его сильнее ножа. Леона тоже кое-что вспомнила. Вечера – из прошлой, украденной жизни, – когда Гамельн был сам не свой. Когда уют обустроенного домика в лесу трещал по швам, а реальность напоминала о себе. Шесть лет назад благодаря Гамельну Леона вырвалась из боли, одиночества и темноты. Издевательства в школе, слепота матери, очередной испорченный мяч – все давно позади.

– Что, вновь потянуло на деток?

Леона не выдержала – кулак действовал быстрее мысли.

Женщина охнула.

Она вся была взволнованной и какой-то мягкой: от лилового вязаного платья под горло до подведенных блеском дрожащих губ.

У мужчины из расквашенного носа шла кровь. Пакет полетел на пол, и из него выкатилась упаковка наушников. «ДжиБиЭль», надо же, раскошелились! Женщина отмерла, подхватила наушники и выудила из сумки салфетки.

– Вы извините, мэм, но это ни в какие ворота, – Леона встряхнула кистью: плохой удар вышел, теперь сутки рука болеть будет.

– Я понимаю, – она бросила беглый взгляд на Леону и какой-то тоскливый – на Гамельна. После чего обхватила мужа за плечи и повела к кафе-мороженому. – Идем, дорогой, попросим льда...

– Да на них в пофицию надо заявить! – мужчина гундосил и зыркал, но мягкая на вид женщина оказалась довольно сильной и упрямой.

Через минуту странная парочка скрылась за зонтиками кафе-мороженого.

Леона сама бы с удовольствием полакомилась, но теперь куда уж! Гамельн напоминал белый лист и смотрел не моргая.

– Пошли. Все настроение в топку, – Леона потянула Гамельна подалее отсюда. Желательно – домой.

***

Гудящая жизнь Лондона казалась надоедливой, напыщенной и пошлой. Леона каждый раз заново привыкала к шуму, яркости, скоплению народа – и с облегчением отвыкала. Не ее это. Она с удовольствием бродила по тихим улочкам, заглядывала в специализированные магазины и торчала в антикафе. Рядом с Гамельном многое сглаживалось и отходило на задний план, но сейчас буквально свербило глаза.

Р-р-р, как же бесит! У Леоны чесались кулаки начистить рожу вон тому напыщенному индюку и ушатать вон ту витрину с ряжеными манекенами. Сделать хоть что-нибудь! Лишь бы не плестись в тягостном молчании. Гамельн настолько ушел в себя, что пару раз Леона выдергивала его из-под колес машин и выуживала из жуткого торнадо толпы. Жаль, выяснять отношения посреди улицы – явно плохая идея! До одури хотелось встряхнуть – колким словом или метким ударом. А получалось только изображать хмурого сыча, которого сторонились по умолчанию. Рискнул бы какой остолоп сунуться – Леона ему все зубы пересчитала бы и приложила затылком о ближайший столб! Остолопа, увы, не находилось. И повода прижать Гамельна к стене с парочкой вопросов – тоже.

Бесило все. Даже серый облупившийся дом, в котором Гамельн снимал квартиру. Не мог чего поприличней найти? Леона не раз спрашивала его об этом, но тот только пожимал плечами: «Какая-никакая, но крыша над головой».

– Ну и кто этот хам?! Что за история с женой и дочкой? – голос Леоны разносился рыком.

Гамельн проверил замок и протопал в гостиную. На потертом диване подтянул к себе ноги и принялся растирать ступни, будто устал или замерз. Будто прятал взгляд. Наполовину открытые жалюзи расчертили его полосами света и тени. Зебра недоделанная. Спаситель мира и главное зло во вселенной!

– Я бы сказал, что этот тип – сумасбродный мужлан, но ревность его была не беспочвенной, – Гамельн вздохнул. – Хотя он и сам не без греха. Много пил и проводил время за игрой в карты, а я планомерно сближался с его семьей. Вивиан – моя бывшая одноклассница, и так получилось, что я стал тренером ее дочери. А потом подвез до дома на машине, а потом помог починить кран...

Леона нахмурилась и подперла бока руками.

– А что насчет странных игр с дочерью?

– Он однажды застал, как мы играли в «Твистер».

– Реально сумасбродный мужлан. Зря ты его выгораживаешь!

– Было бы все так просто, львенок, было бы все так просто... – Гамельн вздохнул и сильнее скрестил ноги. – Совру, если скажу, что помогал семье Вивиан без всякой корысти для себя. Мне хотелось порушить, разграбить нажитое в надежде отхватить кусочек счастья. Глупо было. Ужасно. Я не получил ничего, а потерял многое.

– Кто вообще эта Вивиан? – Леона нахохлилась, вспоминая взволнованную и слегка эфемерную женщину. Такие строят идеалы и свято их чтут.

– Моя первая, безответная, бестолковая и единственная любовь.

– А? – у Леоны определенно замкнуло мозги: такая тетка – и... да даже язык не поворачивался! – То есть как единственная? А я? А дети? А... ба?

– Это немного другое, понимаешь? Любовь проявляется в разных...

– Но она же совершенно обычная! – Леона даже ногой притопнула. Гамельн, он же такой... ни на кого не похожий, крутой, перевернувший взгляд на мир. И тут... такая?!

– Вивиан не обычная. По крайней мере, та Вивиан, которую я помню. Она могла совершенно спокойно взять за руку карманника и притащить в полицейский участок или оторвать от юбки подол и перевязать рану бродячей собаке. Вечерами и на выходных она торчала в приюте, постоянно придумывала что-то интересное. У нее не было друзей, ее считали странной и недалекой и частенько устраивали подлянки. А она помнила дни рождения всех в классе и обязательно готовила особенный, пусть и маленький подарок. Как ни странно, эти подарки никто не выбрасывал, хотя многие кривили губы. Вивиан очень искренняя в чувствах. И в их отсутствии... Она никогда меня не любила. Никогда. Даже выпрыгивай я из шкуры вон! – Гамельн низко-низко опустил

голову: волосы занавесили глаза.

Леона боялась дышать. Неужели рассказанное правда? И все это так велико и прочно, что даже пытаться влезть не стоит? Леона очень хотела влезть и заявить, что давно пора подвинуться. Давай, тетя, до свидания! Вместе со своими дочуркой и мужем.

– Я рассказывал ей о мечте! Как дурак поверил в сказку, которую сам и придумал. А в итоге не успел спасти вас... мое настоящее сокровище.

Леона неловко сгребла в объятие Гамельна, превратившегося в изваяние. Прошлое наваливалось преступно и неумолимо. Горло сковало тисками.

– Но меня... меня-то ты спас!

– Велика заслуга, – голос Гамельна звучал глухо и надтреснуто. – Я дал тебе немного веры в себя, внутреннюю львицу разбудила ты сама.

– Неправда! Неправда! Ты первый, кто увидел львицу во мне, – Леона обхватила лицо Гамельна ладонями. Гамельн смотрел на нее темным немигающим взглядом. Испытывал, изучал. Боялся. Благодарил. Внутри Леоны все заныло от такого сочетания. – Ты – первый...

Леона слепо качнулась вперед, проводя языком по губам Гамельна. Губы оказались мягкими, с древесными нотками на вкус. Голову повело. Леона навалилась на Гамельна и почти поцеловала, когда ее резко отбросило назад. Копчиком об пол. Леона обиженно засопела.

– Лео, что ты собиралась сделать?

– Как что?! А что? Это разве плохо? Должна быть какая-то особенная последовательность? Мне понравилось и так.

Гамельн вздохнул и забрал волосы назад – пальцы у него слегка подрагивали.

– Понимаешь, Лео... Возможно, мне стоило поговорить с тобой об этом раньше, но... Ты сейчас в самой бурной юности, и тебе, разумеется, хочется всякого: экспериментов, близости, зайти дальше, увидеть больше. Все через это проходили. Но подобные вещи стоит делать по взаимности.

– Что ты со мной как с малолеткой? – Леона надулась еще сильнее. – Я знаю о сексе, презиках и последствиях: дети там, СПИД.

– Какие страшные взрослые слова. Ладно, задам вопрос по-другому: ты хотела заняться со мной сексом?

Леона даже глаза округлила.

– Ты с ума сошел? Никуда я ничего запихивать не собиралась! Меня просто повело. Захотелось тебя лизнуть – и все. Ну, может быть, только... Но это вообще другое!

Гамельн вздохнул, как вздыхал обычно, когда Леона не понимала решения задачи, разобранной на аналогичных примерах много раз.

– Все-таки ты хоть и львица, но еще совсем невинна.

– А ты взрослый-серьезный с устоявшимися позициями?

Гамельн вздрогнул. А Леона продолжила нападать.

– Только и делаешь, что морали читаешь да ноешь. И я не

про эту глупую Вивиан! Ты не потерял ни меня, ни других детей, ни ба – и всегда можешь всех вернуть. Я готова тебе в этом помочь. Только попроси!

– Лео, ты о чем? Я отсидел в тюрьме пять лет за похищения. Пять лет! Меня называли Гамельном, Гамельнским крысоловом, хотя я никому не мстил. Я хотел создать семью, настоящую. Но в итоге лишь морочил всем головы. Потому что вместо одной семьи захотел две. И мироздание меня наказало. Не пойму только – почему наказало и их?! Кевин... я никогда не вымолю у него прощения.

– Ты не виноват. Ты не виноват, Гамельн! Это грехи чокнутых мамаш с папашами. Я уверена – ни Сюзен, ни Чарли, ни Оллин не держат на тебя зла. Даже ба не держит – ты спасал ее как мог, и сейчас она живет в более комфортных условиях, ведь так?

– Если психбольницу можно назвать комфортными условиями, то да.

Мама Гамельна страдала деменцией. Шесть лет назад Леона не очень это понимала. Да, ба была со странностями, но у кого этих странностей не бывает?

Зато домик в лесу Леона смело и безоговорочно называла Домом. Это был их приют, убежище, теплый очаг – для покалеченных судьбой и людьми, самыми близкими людьми... Кевин голодал и ходил в обносках, Сюзен били за малейший проступок, Оллин в роли служанки следила за хозяйством и младшим братом, Чарли сидел в четырех стенах роскошного

особняк без права гулять и с кем-то дружить, а Леона страдала от травли одноклассников, пока мама ничего не замечала. Гамельн спас их – всех их – и привел в домик в лесу, где они стали семьей.

– Гамельн, я хочу, чтобы было как раньше.

– Как раньше не будет, – Гамельн буквально отрезал фразу. – Более того, если сейчас снова начнут пропадать те же дети, в первую очередь подумают на меня. Это во-первых. Во-вторых, выросла не только ты, львенок. Чарли, Сьюзен и Оллин по тринадцать-четырнадцать лет. Это совсем другая ответственность и условия проживания. Да и они уже далеко не такие доверчивые, наверняка замкнутые и со своими потребностями и интересами. В конце концов, им нужно учиться. Я не уверен, что смогу все это им дать, тем более легально, а не в обход законов, что опять-таки привлечет полицию. В-третьих, даже если побыть фантазерами, которым все удастся, где мы все и на что будем жить? Забудь про домик в лесу. Полиция про него в курсе, и то, что комфортно маленьким девочкам, может быть совсем не в радость подрастающим девицам. Ты подумала обо всем этом?

– Но я теперь тоже работаю! Вдвоем мы вполне потянем. А что до условий – нормальные там условия! Ну, чуть переделаем – я попрошу своих помочь, – чуть закупимся и заживем! А полиция что, в полиции тоже люди.

– Как у тебя все складно получается.

– А то ж, – Леона выпятила грудь, уже кое-что прикиды-

вая в голове.

– В-четвертых, – Гамельн прокашлялся. – Если тебя снова потянет меня «просто лизнуть» – ничего не выйдет. Придется завязаться узлом, львенок.

Это... это что сейчас за заявочки! Леона открывала и закрывала рот, не в силах выплеснуть всю степень возмущения.

Гамельн неспешно поднялся с дивана – уставший и красивый как черт! – и присел рядом.

– Львенок, я понимаю твои переживания и боевой запал – в тебе всегда была тяга к справедливости. Но мы не будем больше об этом говорить, слышишь? Я научился ценить спокойствие и стабильность и не хочу в очередной раз наломать дров. Как только вышел из тюрьмы, я узнал про каждого: самое страшное и непоправимое случилось с Кевином. Его смерть будет висеть на сердце до конца дней. Что касается остальных – их судьбы, может, сложились не лучшим образом, но жизням ничего не угрожает. В противном случае я бы не медлил.

Леона хмуро на него зыркала. На языке вертелось: «Иногда жизнь – участь куда худшая, чем смерть», – но Гамельн и сам это знал. Почему-почему-почему все так сложно? Выход наверняка был. Стоило просто поискать. Шесть лет назад таким выходом для Леоны и остальных детей стало похищение. Только вот жизнь – не сказка, и волшебного портала в другой мир не существовало.

Между тем Гамельн прошел к комоду и взял из вазы шоколадную конфету в обертке. Антистресс, как он их называл.

– Съешь и остынь.

Да он... да этот тип!

– Вот и остыну в ближайшей реке!

Леона выскочила на улицу и понеслась куда глаза глядят. День был безнадежно испорчен.

***

Конечно, ни в какую реку Леона не плюхнулась. Она ж не дура. Так – пометалась по берегу. Вода по-прежнему готова была выслушать все.

– Этот Гамельн... да что он о себе возомнил! – Леона набирала полные горсти гальки и швыряла, швыряла... По воде расходились мутные круги. – Забудь! Отпусти! Не мечтай! Не живи! Это как вообще называется? Я знаю другого Гамельна! А не этого мягкотелого рохлю! Р-р-р-а!

Леона прокричала, вспугивая мелких пташек, и плюхнулась на задницу. Легла, подложив под голову свернутый калачиком пиджак. И пусть потом весь изгвазданный будет – Леона надеялась никогда его больше не надевать. Небо потемнело, став васильковым. Сколько времени, интересно? В целом плевать, главное – не опоздать на поезд. Раз уж Гамельн оказался таким гостеприимным!

Что на него нашло вообще? Собрались отпраздновать выпускной, угу. Все та тетка виновата! За каким хером она во-

обще пошла в торговый центр? Поближе ничего не нашлось? Еще и мужа притащила... У Леоны снова зачесались кулаки: надо было этому мужлану еще по роже съездить и ботинками по ребрам добавить. Лежачего не бьют – лежачего добивают. Ладно, встретились-свиделись. Хорошо еще без. «Ого, ты так изменился! Как тюрьма?». Тетке вообще, судя по всему, глубоко фиолетово. Чего Гамельн так из-за нее загрузился? Учит смотреть вперед, а сам? Мало ли кто там каким был в прошлом. Это совершенно неважно. Ты докажи здесь и сейчас, что можешь уложить в одиночку сотню, а не бахвалься былым! «Вивиан – не обычная». Ну застрелиться теперь.

Гамельн – ее, Леоны! Ее! И никакие крали этому не помешают.

Леона буквально подскочила, пыхтя как нагретый чайник. Набрала гальки, круглой и плоской, рассекла течение блинчиками, финальный забросив на другой берег. Вот так-то вот.

– Гамельн – мой. Он меня нашел, приручил, научил быть хищницей, и теперь он – мой. Я так хочу.

Река продолжала свой бег: по кромке чуть ли не светящаяся, а на глубине – как чернила. Небо нависало крыльями ворона. Леона всматривалась в тонкую полоску горизонта, будто надеясь увидеть там знак. В памяти всплыло, как год назад она вновь встретила Гамельна – похожим вечером, на этом самом берегу. За пять лет ее волосы из каре отросли по

пояс, они с мамой переехали и наладили отношения, а в новой школе оказалось вовсе не плохо и быстро нашлись друзья. Гамельн за это время заметно постарел и осунулся, но от него по-прежнему веяло внутренней силой. И все же Леона нужна была ему. Хотя бы для того, чтобы понять – он все сделал правильно, он не ошибся, когда забрал ее, шуганную и в синяках, с собой.

Ох уж этот Гамельн! Все с ним не как у людей. Хоть прись обратно и заявляй львиные права. Но обойдется. Пусть поволнуется. Порerefлексирует. И придет к выводу, что был совершенно не прав!

Поезд, в который Леона заскочила в последний момент, уносил ее прочь от столицы. И давал возможность о многом подумать. Например, какие на вкус губы Гамельна, если лизнуть основательнее? А если поцеловать? И так, чтобы, ну, по-настоящему. Мысль отозвалась сладким томлением в животе. Нет-нет-нет! Леона обижена и не будет фантазировать о... Леона уставилась на свое мутное отражение в стекле с надписью «Не прислоняться» и очень захотела об это самое стекло побиться лбом. Да дьявол задери! Почему в ее жизни все через одно место? То кувырком с ног на голову, то Гамельн – предел эротических фантазий.

Леона закусила губу и плотно прикрыла глаза. Спокойно, спокойно. Девчонки в банде часто шушукались о парнях, хотя и строили из себя сильных и независимых. Притаскивали тайком журналы и постеры с красавчиками, смотрели клипы

с какими-то корейцами чуть не с сердечками в глазах. Леоне тоже подсовывали, но она лишь фыркала и тянулась к вкусняшкам. И не парилась по этому поводу. Ну не торкает, ну подумаешь.

Лучшая подруга предположила однажды про «другой фронт», однако и девочки Леону особо не интересовали. Она восхищалась и заводилась, видя волю и стойкость. Когда твои фурии в крови и в пыли несутся сквозь толпу врагов – это красиво...

Ни конкретных лиц, ничего – одни ощущения. Силы, энергии, опасности, чужих страха и сопротивления, готовности идти до конца.

И тут нате – Гамельн. Старше, опытнее, умнее. С темным внимательным взглядом, с проседью в забранных очками волосах и в потрепанной кожанке. Он вырос слишком рано, научился жить и справляться с деменцией матери, взял ответственность за пятерых несчастных детей и отсидел за это пять лет в тюрьме.

Гамельн всегда выслушивал рассказы о проблемах, страхах и сомнениях и задавал вопросы, которые помогали самой найти ответы.

Раньше Леона всегда их находила. А сейчас? Что ей делать сейчас?

Гамельн ни разу не высказал недовольства, когда Леона запрыгивала к нему на спину или обнимала, но никогда не заигрывал и не флиртовал.

«Тебе еще нужно подрасти, львенок». Точно! Он считал Леону ребенком, помнил ее такой и... берег этот образ? Боялся перемен? Глупый-глупый Гамельн! Одно сплошное противоречие и недоразумение. Но ничего – Леона возьмет все в свои лапы... тьфу! Руки! И пусть только Гамельн попробует делать вид, что не имеет к этому отношения. Леона покажет ему, какой стала и чему научилась. Внутренняя львица на эти мысли утробно заурчала и приняла боевую стойку.

***

– Лео, а ты разве...

– Планы поменялись, – Леона стряхнула ботинки и протопала в направлении своей комнатки.

В гостиной явно кто-то был, но она честно плевала на всех ухажеров матери. Главное, чтобы к ней не лезли и нотациями не доставали. И чтобы мама была счастлива. Элизабет была не намного старше Гамельна, стильно одевалась и имела копну роскошных каштановых волос, поэтому претенденты на руку и сердце в их доме появлялись регулярно. Парочку говнюков Леона без сожалений отправила восвояси. А так – она взрослая девочка и истерики закатывать не будет. Каждый имел право на личную жизнь. Именно поэтому ночевкам у Гамельна Элизабет не просто не противилась, а поддерживала всеми конечностями.

Комнатка Леоны была маленькой, зато своей. На стенах

висели постеры с именитыми футболистками, на шкафу пылился мяч с автографом вратаря местного клуба «Уотфорд». Каждый раз казалось, они осуждают то, что она забросила спорт, но рука убрать все восвояси не поднималась. Слишком много хороших воспоминаний пряталось в таких мелочах. Леона прикрыла окно и растянулась на кровати, заложив руки за голову.

– Ты не голодна?

– Не, спасибо, ма.

Элизабет вздохнула и собралась уходить, наверняка на ходу сочиняя оправдательную поэму для гостя.

– Извини, – Леона выкрутилась на кровати, приподнимаясь на локте. – Я не спецом... Было бы не так поздно, завалялась бы к Дороти.

– Я знаю, Лео, – мама, похоже, улыбалась, – знаю, дорогая.

– Пусть остается. Не съем я его, – Леона ухмыльнулась и поскребла простынь. – И могу музыку врубить.

– Ох, Лео, – мама определенно покраснела и вдруг поддавалась настроению: – Ты так хочешь братика или сестренку?

– Эй, вы сначала поближе познакомьтесь и свадьбу сыграйте! И вообще: в твои годы ребенок... Вытянешь-то, старушка?

– Уж как-нибудь постараюсь, – мама едва заметно провела ладонью по животу, и в ее голосе засквозило столько лукавства, словно все, что могло, уже случилось.

– Ма-а? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Ну, отвечая на твой список предъяв: мы уже познакомились. И свадьбу сыграть собираемся.

– Да ладно?! – Леону как подбросило. – А почему я узнаю об этом только сейчас? А когда? А платье заметила? Но погоди. Я даже не видела этого типа!

Элизабет рассмеялась.

– Видела-видела и даже одобрила.

Леона нахмурилась, припоминая всех маминых мужиков. Среди всякого сброда только один вызывал полное доверие – с ним Леона познакомилась в том же «Оксфаме».

Рудольф фанател от споконов – жанра манги и аниме, в центре которых был спорт. Притом не тупо, а с профессиональной точки зрения: он работал спортивным комментатором. Поэтому подмечал не только работу с сюжетом и персонажами, но и проработку матчасти. Так что, делаясь впечатлениями, рассказывал уйму всего интересного. А иногда спонтанно или «по звонку» приглашал кого-то «в теме». У Рудольфа за многие годы работы образовалась такая сеть знакомств, что голова шла кругом. Когда в их маленький, в общем-то, магазинчик заглянула сама Люси Бронз – одна из лучших правых защитниц в истории женского футбола, та, кто выиграл бронзу в трех Лигах чемпионов, – Леона чуть с ума не сошла от радости. Такая персона – и приехала сюда, к ней! Стояла, улыбаясь глазами, и протягивала увесистую стопку музыкальных дисков. Писк сканера чудился вестником реанимации – сердце буквально из груди выпрыгива-

ло. А Рудольф стоял спокойный, солидный: «Познакомьтесь, мисс Бронз, это Леона». Все! Выносите!

– Руди?

– Кто же еще, глупенькая.

– Тогда благословляю.

За него Леона сама бы вышла замуж! Если б не Гамельн, конечно.

– Что бы мы без тебя делали... – к маме со спины деликатно подошел Рудольф, обнял, сцепив руки у мамы на животе.

Кивнул Леоне приветственно и шепнул Элизабет на ухо: «Сказала?». Нет, и за кого они Леону принимают? За малолетку?!

Леона прокашлялась и, вскочив с кровати, расшаркалась как могла.

– Поздравляю.

– Спасибо, Лео, – Рудольф улыбнулся мягко и поцеловал маму в висок, очень интимно и нежно. – Мы долго не решались, а потом прикинули, что зря только время теряем. И вот, – он пожал плечами так, словно хотел развести руки в стороны, но ладони с живота Элизабет не сдвинул.

– Все правильно. Но это что получается, я буду старшей сестрой?!

Элизабет охнула, а Рудольф рассмеялся. Вот Леона посмотрит на его реакцию, когда тот услышит «папочка». Леона ехидно сощурилась и остолбенела на миг.

Кажется, в ее жизни только что появилась семья. Насто-

ящая. Эти чувство и осознание невероятно грели. Как же, должно быть, холодно Гамельну! Но Леона сделает все возможное, чтобы растопить затвердевший лед и вернуть огонь в потухший домашний очаг. Теперь точно – сделает. Без всяких там «никогда»!

***

Ну нет, это уже слишком. Леона стукнула дорожной сумкой об пол и подперла спиной дверь. Запертую дверь! При этом не из вредности. Леона нутром чуяла пустоту квартиры. И где, интересно, Гамельна носит? Леону и так попросили задержаться на работе лишних два часа – сменщик повез деда в травму, чего бы и не выручить. Да и дополнительные деньги не лишние. Но Гамельн работал в фитнес-клубе, и у него был вполне себе нормированный рабочий день. Не по барам же ему шляться. И не по бабам. На последней мысли Леона вздрогнула.

Нет-нет-нет, это совсем не в духе Гамельна, да и с чего ему, здоровому сорокалетнему мужику, торчать в борделях? Леона нахмурилась и покраснела. Вот сама себе на вопрос и ответила. Может, ублажает Гамельна какая красотка, он и в ус не дует: где Лео, как Лео. И все-таки бред! Гамельн не мог не беспокоиться.

Однажды без всякой ссоры Леона просто забыла чирикнуть, что добралась до дома: было поздно, она устала от зубрежки, да и телефон разрядился на полпути. По стечению

обстоятельств еще и мама была в командировке. Так Гамельн пригнал на байке среди ночи, наведя шуму на их тихой улочке, а на следующий день подарил повербанк.

А тут вдруг полное безразличие к судьбе вчерашней старшеклассницы, у которой тяга к приключениям в жопу вшита? Не вязалось. Ладно, Гамельн мог списаться с ее мамой, но мама обычно обязательно подкалывала Леону насчет «няньки» и вопрошала: «Что вы опять не поделили, голубки?». Странная ситуация.

А если Гамельн отправился к реке и там или по дороге с ним что-то случилось?! Внутри заворчалось нехорошее предчувствие. Этого только не хватало... Так, взяла и позвонила! И что за трясущиеся пальцы, львица трусливая! Вдох-выдох, вдох-выдох. На значке пропущенного вызова сердце екнуло. Но нет – звонила Хлоя, горластая девчонка из банды. Ей-то что надо? Не успела Леона выпуститься, как начались проблемы? Не зря и мудила с цветочками рисовался! В чате «Вотсапа» тоже мелькала груда непрочитанных сообщений. Все потом, потом.

Контакты – Гамельн – вызов. На другом конце раздавались длинные гудки. Хоть на этом спасибо. Но как прогудели – так и закончились. Леона нажала снова. И снова ничего. Ну раз так... Леона набирала раз шестнадцать, на десятом даже азарт появился, к пятнадцатому – стало бесить.

– Тебе телефон вообще нахрена?! – Леона стукнула кулаком с зажатым телефоном по стене.

Спускающийся мужчина покосился осуждающе, но ума хватило промолчать. А вот соседке Гамельна – тетке в кигуруми единорога – не хватило.

– Эй, ты долго еще тут торчать будешь, дылда? Счас полицию вызову.

– Сколько надо – столько и буду торчать, коротконогая!

– Че ты там вякнула?!

– Что слышала!

– Ах так, значит, – она протопала к себе обратно в квартиру, а вернулась с сомнительной дубинкой радужной расцветки. – Пусть тебя покарает сила магии единорога!

– Э, с дуба рухнула?

Но тетка вполне воинственно двинулась на нее, недурно дубинкой размахивая! Ведь предлагал Гамельн запасной комплект ключей от квартиры. Отказалась, дуреха. «Ты же всегда ждешь меня, Гамельн». Сегодня вот не ждал. А тетка надвигалась. И чего ее – бить, что ли? Ага, пришибить. Тот Гамельн обрадуется передачи в колонию носить. Никто ведь не поверит, что самооборона! Леона увернулась от дубинки, которая судя по звуку замаха была нихрена не резиновая, а очень даже деревянная! Тетка не сдалась и с короткими возгласами продолжила наступление. Да че происходит? Леона так ни на одной драке не гнулась.

– Эй-эй, тетя, полегче. Мне еще нет двадцати одного!

– А как хамить – так первая. Эус! Гури! Памето! – дубинка по касательной задела плечо, и абсурдность всего и вся

возросла до предела. Эта полоумная ее здесь и пришибить может! Еще и к углу теснила, зараза.

Леона сгруппировалась и на очередном выкрике-замахе отскочила резко в сторону, придала тетке ускорения для поцелуя со стеной и метеором спустилась по лестнице. Дыхание сбилось нафиг, и вдохи-выдохи получались жутко шумными. Шея взмокла. Леона оттянула ворот и огляделась шугано: люди все больше топали мимо и занимались своими делами. Из дома бешеная единорог вроде выскакивать не собиралась. Небось празднует победу. Леона надеялась: о ее позоре никто не узнает. А Гамельну следовало бы рассказать о полоумной соседке.

***

Очень хотелось пить, но вода, как назло, закончилась. В кармане обнаружили пара смятых купюр и мелочь – и то хлеб. Леона доползла до ближайшего чувака в костюме, который уставился в бликующий экран с глупой лыбой.

– Простите, а где здесь ближайший магазин? – язык еле во рту ворочался!

Мужик глянул на нее скучающе-недовольно и махнул рукой себе за спину.

– За следующим домом.

– Ага, спасибо.

Леона запихнула руки в карманы и поплелась в указанном направлении. Мда, совсем она с Гамельном расслаби-

лась: тот и накормит всегда, и напоит... И нижнее белье постирает. Как бы еще, помимо прочего, намекнуть Гамельну о том, чтобы съехаться? После свадьбы и тем более после рождения мелкого у себя дома Леона станет «лишним ртом». Снимать квартиру можно, но логично тогда вместе с Гамельном. Подальше от дур единорожных! Леона даже возьмет на себя коммуналку, и на продукты будет скидываться, и на расходы мелкие.

Леона как запнулась. Единорожная дура – Гамельн – телефон! Зашарила судорожно по карманам – без толку. Наверняка обронила, пока шкуру спасала. Хорошо, если просто валяется, а не подвержен вандализму. И сумка! Леоне захотелось побиться головой о ближайший столб. Ну что за ерундовина, а? Магазин маячил перед глазами. Возвращаться теперь? Если что могло случиться – уже случилось. Леона толкнула дверь и чуть не осела: посетителям радостно махала девушка в кигуруми единорога.

– Что-что за движение?

– Понирэйнбол – движение в защиту единорогов. Мы верим, что единороги существуют, только хорошо скрываются.

– Чудесно, – Леона передернула плечами. Спасибо безбашенности, рискнула подойти. И узнала море интересного. Теперь у нее был запас фраз, чтобы занять и отвлечь полоумную соседку в случае чего, а это поважнее даже продовольствия! – Спасибо за просвещение.

– Всегда пожалуйста. Заходи еще, – девчонка потеревила

прядку фиолетовых волос и помахала ей пальчиками. Странные они все-таки в этом движении.

Ну, у каждого свои тараканчики. Размером с дубинку.

За время похода в магазин успело стемнеть. Весело будет ночевать на коврике, рискуя проснуться от бодрящего удара. Лучше уж тогда у реки. Все спокойней и безопаснее.

По лестнице Леона поднималась как можно тише. Не специально, само собой получилось.

Сумки не было. Телефона тоже – ни по частям, никак. Леона, сгибаясь в три погибели, обшарила все. Ну эта полумная у нее попляшет! Там же столько бесценных кадров! Спящий Гамельн, например. Гамельн с красной розой и чарующим взглядом! Они с Гамельном вдвоем: за бесконечной учебой и на прогулке. Гамельн мчится на байке. Гамельн плетет ей косу... Леона сжала руки в кулаки и двинулась грозной хищницей на соседскую дверь. За спиной шелкнул замок.

– Лео?

– Гамельн?! – Леона резко развернулась и чуть позорно не разревелась от счастья.

***

– ...радужная дубинка?

– Не спрашивай, – Леона со скоростью света поглощала жаркое и прихлебывала горячий чай. – Где тебя-то носило?

– У меня дед один ногу вывихнул, пока горным козлом

по матам скакал. Крайне неудачно: кость сместилась, нога опухла. А за ним пацан приехал – твоих лет, с ежиком волос и тремя кило наивности – на велосипеде. Смотрит глазами с блюдца: «А как я его?..». Не бросишь же. По иронии судьбы пацан оказался из твоего городка. Я и заглянул в гости, когда операция «спаси деда» успешно завершилась. Не удивлюсь, правда, если он вместо соблюдения рекомендаций прискочит на следующую тренировку.

– Шустрый?

– Еще какой. Всем пенсионерам пример и гордость. Мы с твоей мамой посудачили славно, а потом Руди о тебе вспомнил. И каково же было мое удивление...

– ...когда обнаружил пацана с тремя кило наивности на моей работе за кассой? – Леона облизала тарелку и вытерла рот тыльной стороной ладони. – Таких каверз судьбы я давно не припомню.

Гамельн усмехнулся.

– Гном ищет дом, а дом – гнома.

– А?

– Это старая сказка о том, что чтобы найти друг друга, достаточно просто оставаться на месте. Только это далеко не всегда работает...

– Вот не надо грузиться, а?

– После восемнадцати пропущенных, брошенных сумки и телефона на пороге моей квартиры? – Гамельн лукаво сощурился, но в глубине его глаз читались отголоски беспокой-

ства. – Я не знал, что думать. Самое невинное предположение – ты вспылила и пошла кому-то бить морду.

– Ты за кофо м`ня пфинимаешь? – Леона жадно затолкала пудинг в рот.

– За вспыльчивую львицу. Но прости, я не передумал.

Леона поморщилась. Это и мячу понятно. И продолжила сосредоточенно жевать. Вкус пудинг потерял, но хоть рот было чем занять.

– А в вашей семье, значит, ожидаются приятные перемены?

Леона закатил глаза: ну Гамельн и мастер сменить тему!

***

– Отпраздновать выпуск?

– Ну да, а то ваще как не родные! Ты в чат не заглядывала?

При разговоре с Хлоей телефон приходилось держать на некотором расстоянии от уха, и все равно каждая фраза вбивалась прямо в мозг. Экран у телефона пострадал, обзаведясь трещиной посередине, а динамику хоть бы хны, казалось, он еще лучше стал звук передавать!

– Некогда было.

– Ну ты и лидер. Сбежала к какому-то мужику, про нас забыла. Официоз этот в печенках, понимаю, но ты бы маякнула ради приличия, – Хлоя хмыкнула и продолжила как не бывало: – Так тебя заносить в список или снова «некогда»?

– Кто про мужика сказал? – Леона невольно снизила голос

и переместилась от проема гостиной на кухню.

– Ты чего шугаешься? Шило в мешке не утаила? Да он у нас в легендах – «тот, кто сумел приручить львицу». По виду клевый. И байкер, да?

Леона в досаде прикрыла глаза – ну зашибись. Она не прятала Гамельна и не скрывала своей дружбы с ним, но избегала знакомства того с девчонками. Потому что люто не хотела делить с кем-то восхищение. А получалось: просвещенных хватало более чем. Пройдохи! Если Дороти разболтала, Леона ей лично шею подкрутит.

– Нет, он тренер.

– Ого. Если бы у нас в шараге был такой тренер, я бы тоже спортом занялась. Ясно-понятно теперь.

– Что понятно? – брови Леоны уже норовили задавить друг друга.

– С чего ты такая подозрительная и скрытная эдак последний год. Спортсмен однажды – спортсмен навсегда?

– Я не... – Леона осеклась. Пусть думают как думают. Ей же проще. – Меня еще не с чем поздравлять.

– Ага-ага. – И почему казалось: Хлоя по ту сторону довольно скалится? – Но как это не с чем – а с выпуском? Так ты с нами, королева прайда?

– Не называй меня так.

– Окей. Но в список-то вношу или не вношу?

Леона застонала.

– Ты и мертвого достанешь, Хлоя! Приду я.

Хлоя рассмеялась злодейским смехом. Хотя ей бы больше подошел смех дятла Вуди.

Леона сбросила звонок и легонько побилась о холодильник. Что ж все так внахлест. Спасибо еще, без приключений и неожиданных происшествий по дороге домой. Разве что к квартире Гамельна Леона пробиралась по стеночке, стараюсь не дышать, и отсчитывала секунды до открытия двери... Но привычные обнимашки на пороге успокоили. А вот желание Гамельна поцеловать засвербило неожиданно. Жаль, Гамельн слишком скоро отодвинулся и пнул мыть руки и ужинать. Не, ужинать – это всегда хорошо. Но не настолько притягательно!

Леона облизнула пересохшие губы. Ночью и днем в перерывах от работы фантазия пустилась в такие вольности, что очень хотелось запустить руку в трусы. А еще лучше – запустить вполне определенную руку. От одной мысли волоски на загривке вставали дыбом и в животе свернулся тугой жгут. Да черт задери! С этим пора было что-то делать.

Вернувшись в гостиную, Леона обнаружила Гамельна, который по-прежнему читал, погрузившись в глубокое кресло. Весь такой домашний... Леона подошла, решительно обхватила лицо Гамельна и поцеловала в губы. Гамельн от неожиданности выронил книгу – шелест прокатился раскатом – и приоткрыл рот. Отличный повод охаметь. Леона оперлась рукой о подлокотник кресла, другой обхватывая затылок Гамельна. И не сдерживала языка и губ. Она не знала, как пра-

вильно, и не парилась по этому поводу. В груди разрастался жар.

Леона пьянела от власти, налетая то с напором, то мягко. Пробовала разные углы и тянула Гамельна за волосы. От перспектив мозг плавился. Совсем повело, когда Леона прино- ровилась тереться о колено Гамельна. Тело прошивала слад- кая тягучая волна. Леона оторвалась от губ, переживая ощу- щение во всей полноте. И замычала недовольно, потеряв. До- стигнув определенного пика, то просто пропало. А возбуж- дение – ни черта. Еще и грудь зачесалась.

Гамельн просто вытер рот тыльной стороной ладони.

– И что это было?

– Мне захотелось, – Леона пожала плечами и залипла од- новременно на припухших губах Гамельна и ямочке меж- ду ключиц. Сдвинула пальцами ворот, увеличивая обзор. Ямочка манила плавностью и беззащитностью. Леона потя- нулась то ли лизнуть, то ли поцеловать, и снова была прерва- на и отодвинута.

– А у меня спросить: хочу ли я – не надо? Тебя тянет на эксперименты, я понимаю и знаю, как это бывает. Но на вся- кий случай: Лео, я старше тебя больше, чем на двадцать лет.

– Я в курсе, – Леона ответила беспечно, но вскоре поежи- лась.

Гамельн смотрел на нее снизу вверх. Словно на экзамене. Словно ждал от нее других слов или большего понимания ситуации. «Ты представляешь, как я буду выглядеть в глазах

общества, если поддамся на твои провокации» – висело в воздухе невысказанным горьким признанием. На такое оставалось только выпалить свое:

– Меня тянет к тебе, именно к такому тебе, какой ты есть, Гамельн!

Гамельн вздохнул и прикрыл на миг глаза. Выражение стало нечитаемым.

– А ты знаешь, какой я есть? И любовник из меня... специфический. Властный и доминантный. Жутко контролирующий процесс. Честно, я не желаю тебе такого. Только не тебе.

– Почему? – у Леоны предательски срывался голос.

– Ты – пылкая девочка, – Гамельн с усмешкой на нее покосился. – А у меня ожоги на груди, которые я не хочу никому показывать. Не хочу выглядеть уязвимым. Как итог: вечные одергивания и мало доверия. Согласись, перспектива не радужная.

Леона вздрогнула. С этим словом у нее теперь просто кошмарные ассоциации! А самое поганое – Гамельн не врал. Точно не в той степени и мере, где можно выкрутить в свою пользу.

– Но этой чертовой Вивиан ты ведь готов был раскрыться!

– Я с ней не спал и даже не фантазировал об этом. Поэтому получил бы я с ней неземное удовольствие или обломался бы по всем фронтам – навсегда останется загадкой.

– Вот и хорошо. Не хватало еще. И так отхватила много. Хотя во втором случае я бы с удовольствием потопталась по

ее эдельвейсам.

– Лео, – у Гамельна дрогнули губы в улыбке. – Только не говори, что ревнуешь.

– Ревную, – Леона уставилась насупленно и абсолютно серьезно. – Дико. Даже к девчонкам своим ревную. К маме иногда, ну, к ней реже. У нее Руди есть.

– А к пенсионерам?

– В них я пока не вижу конкурентов. Но судя по грудке картинок у тебя в телефоне – «С добрым утром» и «Хорошего дня», – стоит присмотреться.

– Ох, Лео, – Гамельн стиснул корешок книги. – Что с тобой делать?

– Любить и не жаловаться, – Леона пробурчала и попинала ножку кресла.

Знать бы ответ! Знать бы шифр, способный выпустить внутренний огонь Гамельна. Он, огонь, там точно притаился – периодами вспыхивал отблесками в глазах. Есть ради чего пытаться.

– Гамельн, дай мне шанс.

Гамельн склонил голову набок, будто заново рассматривая Леону, по-новому знакомясь с ней.

– Ты уверена, что не будешь жалеть?

– Уверена.

***

– Эй-эй-эй! Осторожнее!

– Терпи.

– Ауч!

Вопреки ожиданиям, никакого секса так и не случилось. А все полоумная с дубинкой этой! Стоило нависнуть над Гамельном, как руку буквально скрутило, и плечо заныло пульсирующей болью. Так заныло, что игнорировать не получалось. Доигнорировалась уже. Да и Гамельн, уловив перемену в настроении, мигом включил режим заботливого папочки. Что за человек вообще... И теперь в плечо Леоны вгоняли иголки, а Гамельн наблюдал за этой пыткой с видом начинающего садиста, перенимающего опыт у профессионала. Ну да, ну да. Сам-то пощупал – ни фига не нежно и не деликатно – и сразу: «Надо к врачу». Никакие возражения «К утру пройдет» и «Не первый раз, ну» не принимались. Гамельн собрался удивительно споро и отвез на машине к своему знакомому врачу, которого называл доком. Тот был другом семьи, поэтому знал и про ожоги Гамельна, и про деменцию его мамы.

Док долго выпрашивал, как это произошло и были ли похожие инциденты раньше. Леона как будто в курсе! После драк обычно болело все, а не конкретные части. Но послушно отвечала, пока ее мучили иголками! А потом гипсовой повязкой!

Док вытянул из Леоны про футбол и хулиганства и даже копнул в сторону издевательств в школе, обнаружив шрам на шее. Пройдоха в белом халате! Про шрам она умолчала:

его оставила прицельно пущенная гантеля. Накачали девочки руки, ага... Шея тогда только чудом не сломалась!

– У вас разрыв плечевой манжеты. На восстановление потребуется два-три месяца. Ваше плечо я зафиксировал, ваша задача – заниматься лечебной физкультурой. Внутрисуставные инъекции тоже можно делать, но не чаще трех раз в месяц. Советую не игнорировать мои рекомендации. Вам потом в этом теле жить, а не мне.

Ну началось. Наставления из разряда «Будь ответственна за свою жизнь». Зато Гамельн все рекомендации старательно записал.

Они возвращались по ночному Лондону, неутихающему, полному жизни и машин. Некоторые заведения вовсе только-только начинали работу.

– Ты как? – Гамельн разбил тишину салона, остановившись на светофоре.

– Да зашибись, чувствую себя калекой.

– Калекой? И где твой оптимизм и непошибаемость духа?

– Глупо просто до отстоя. Ладно бы мудро чего вышиб, а тут – тетка в кигуруми единорога! Да кому скажешь – засмеют, – Леона тарацилась в стекло, лишь бы не смотреть на Гамельна.

«И секс обломался» – жалило обиднее всего. А Гамельн со своей гиперопекой еще минимум неделю не будет разрешать к себе подходить. Лишняя нагрузка, бла-бла-бла.

– Я тебя не выдам, – голос Гамельна упал до странного интимного шепота, так, что захотелось переспросить или обернуться, только к чему кормиться ложными надеждами.

Путь заканчивали в молчании и на скоростях. Основной поток машин остался на главном шоссе. Окраины, по сравнению с ярким центром, казались темными провалами с торчащими башнями домов. Самое то для фильма ужасов. С маньяком в кигуруми единорога в главной роли. Хотя полоумную тетку Леона больше не боялась – было что предьявить. Целая простыня от врача.

По квартире Гамельна гулял сквозняк, и Леона, ежась, пошла закрывать окно. И как-то заново оценила, насколько здесь мало места. Особенно по сравнению с домиком в лесу. Она прикрыла глаза: журчала вода – Гамельн мыл руки, постукивала рама окна, поскрипывали доски пола. Где-то за стенкой неразборчиво улавливались голоса. Почти-почти... и все-таки не то.

– Ну что, раненая львица, отдашь плечо на экзекуцию?

Леона встрепенулась.

– Нетушки, я как-нибудь сама справлюсь.

– Уверена?

Гамельн вдруг притянул ее к себе со спины и с нажимом провел по груди. Леону словно токомшибануло. Это что вообще происходит? Она замороженно смотрела, как пальцы Гамельна пробираются под рубашку, и не верила глазам. Только когда Гамельн сдвинул косу и прикусил шею – за-

дышала чаще. Она никогда ничего подобного не переживала! А Гамельн притерся к заднице и осторожно сжал пальцы поверх лифа. Леона мигом вспотела и покрылась крупными мурашками. Все-таки одно дело воображать, а другое – наблюдать в режиме онлайн! Ноги подкосились, и Леона вцепилась в подоконник как в последний оплот.

Гамельн продолжил укусы и поглаживания. Леоне захотелось зажмуриться, оказаться во вчерашнем дне или в сегодняшнем на тройку часов раньше. До того, как она пылко высказывала Гамельну, чего хочет. Хотеть-то она хотела, а вот готова к этому не была! Ни к чувству уязвимости, ни к жару в теле. И уж точно не к тому, что Гамельн расстегнет на ней рубашку вместе с лифом! За торчащие соски вдруг стало жутко стыдно. Может, прикрыться и смыться по-быстрому в ванную?

– Значит, вот они какие, – Гамельн замер пальцами рядом с сосками.

Леона застонала несчастно.

– Не смотри...

– Почему это? – Гамельн притиснулся плотнее, давая почувствовать свою реакцию. – Ты красивая, Лео.

Зашибись! Как только панику отключить, никто не подскажет?

Гамельн фыркнул ей на ухо и продолжил пытку, пропустив соски между пальцами. И какой от этого столб искр внутри поднялся! Грудь ныла и отзывалась слишком ярко.

Ноги не держали.

– Гамельн, пожалуйста...

«Прекрати», «подожди», «продолжай» слились в одной мысли-желании.

– Что Гамельн? Закончить с прелюдиями?

Гамельн так резко согнул ее, что стало по-настоящему страшно. Леона задышала чаще, как загнанный зверь. А Гамельн еще и задницу ей облапал! И так бедрами двинул...

Вот теперь точно – мама!

– Чего ты боишься, глупенькая? Сама же хотела.

– Я н-не т-так хотела, – Леона поймала себя на том, что всхлипывает. И дрожит. И сидит, обхватив колени руками.

Гамельн вздохнул и погладил ее по спине.

– Извини, плохая была идея. Я ведь знал, что ты крайне неопытна. Но ты так напирала, что начал сомневаться в твоей невинности.

Леона сглотнула вязкую слюну. Это не Гамельн ошибся – это она не сказала. Строила из себя открытую всем секс-экспериментам. Бери меня здесь и сейчас! А по итогу, когда мужчина мечты проявил настойчивость, она тут сопли распускает. Хороша, ничего не скажешь.

– Отвести тебя в душ?

– Угу.

Леона слишком измоталась, чтобы сопротивляться. Другой вопрос: как на следующее утро смотреть Гамельну в глаза. Да еще и разговаривать с ним – и о случившемся тоже.

***

Но побег на следующий день не удался. Вот понадобилась ей бутылка воды – по дороге бы купила!

– И далеко собралась? – Гамельн вырос на пороге кухни, скрестив руки на груди и ненавязчиво загораживая проход. – А плечо?

– Не болит уже...

– Да? Отлично, – Гамельн сдвинулся ровно настолько, чтобы мимо него можно было протиснуться только боком. – Вперед, в бой, на работу.

Леона запыхтела и сжала руки в кулаки. Что за издевательский тон и легкое снисхождение? Ну ничего, не на ту напал.

Самым трудным оказалось решить, какую сторону подставлять. Очень хотелось развернуться задницей, но этот извращенец еще не за оскорбление примет, а за приглашение! Стоило представить, как Гамельн обхватывает ее за бедра, и к щекам прилил жар. Брысь-брысь! Леона задрагла нос и двинулась по стеночке, каждый шаг считая за подвиг. Гамельн находился слишком близко, манящий, пахнущий терпко. Леона вдруг въехала плечом в стену и чуть не взвыла. Боль вспыхнула такая, что мушки перед глазами заплясали. Она выворачивала, выкручивала мышцы, и те горели огнем.

– Значит, вот так оно лучше?

Леона обнаружила, что стоит полусогнувшись и держится за неутрачивающее плечо. Казалось, боль пульсировала и рвалась наружу. Сразу вспомнился комикс, где в главном герое жила темная великая сила. Только Леоне нифига от этого весело не было. Плечо хотелось оторвать и выбросить.

Гамельн принес с кухни пакет со льдом и подсунул кое-как Леоне под кофту. Довел до дивана. Когда она легла, действительно стало легче. Особенно если плечо не тревожить.

– Телефон твоего начальства дай.

Леона убрала руку от глаз и уставилась на Гамельна.

– Да я сейчас...

– Через час.

Гамельн возвышался над Леоной и не терпел возражений. Оно и понятно. Леона постаралась незаметно пошевелить плечом, и то заворчало-заныло снова.

– Мобила в рюкзаке. Мистер Гриденс записан как книжный босс.

Гамельн стремительно развернулся и ушел, чтобы через мгновение вернуться, уже клацая по экрану. Звук гудка возвестил о решенном и неоспоримом.

– Алло, здравствуйте. Мистер Гриденс? Я звоню по поводу Леоны Снайдер и ее физического состояния.

Гамельн говорил недолго, спокойно и сухо. Из его уст все звучало как неудачное падение с эскалатора. Со всяким могло случиться. Да-да, Леона активно лечится. Вернется к работе через неделю. Спасибо за понимание.

Леона вздохнула. Врать она не любила – не после того, как врала маме на протяжении нескольких лет, не после того, как жила в домике в лесу. «Обманывать – нехорошо!». Звонкий детский голос еще жил в голове.

– И зачем?..

– А ты по-человечески не понимаешь, львенок, – Гамельн сверкнул глазами из-под челки, отложил телефон и навис над Леоной. – Ну, приступим к активному лечению.

– Э-э-э...

В руке Гамельна как по волшебству возник тюбик с мазью. Гамельн выдавил на пальцы полупрозрачную массу и кивнул Леоне, чтобы та стянула кофту.

– Не надумывай лишнего. У тебя стресс на стрессе, понимаю, но не надо уходить под панцирь и параноить. Ты пережила несколько поражений подряд, но львица внутри тебя никуда не делась. Вот так просто.

– Ты к чему это? – Леона напряглась. Мало того, что она сидела в одном спортивном лифе, подставляя плечо под осторожные, но уверенные прикосновения, так еще и темы поднимались всякие.

– Тебя до сих пор волнуют моя соседка в кигуруми, выпуск и я. Ты не знаешь, что делать. Боишься. И все это вызывает внутри тебя бурю противоречий. Я не прав?

– Прав...

Рука Гамельна вдруг заскользила по спине, сам Гамельн придвинулся ближе. Чуть более уставший и всклокоченный,

чем казалось за аурой спокойствия. Его глаза выражали тысячу нерешенных вопросов.

– Скажи, Лео, неприятно, когда решают за тебя?

– Смотря при каких обстоятельствах. Иногда необходим толчок в правильном направлении.

– А какое оно – правильное? А какое неправильное? Мне тоже страшно, Лео. Очень. Страшно потерять тебя, сделать тебе больно, сделать что-то непоправимое, чего уже не перечеркнуть, не забыть, не оставить в прошлом. Я наворотил достаточно в жизни и достаточно хлебнул откатов, чтобы держать голову холодной. Не давать эмоциям и сиюминутным желаниям захлестнуть целиком.

– Ты иногда такой глупый, Гамельн, – здоровой рукой Леона приобняла его, такого взрослого и такого потеряннogo-растерянного. Притянула к себе. – Кто учил меня быть хищником? Быть свободной в своих желаниях и стремлениях. Ты – господин своей вселенной, и плевать, что там думает и считает общество. У общества всегда были сложные взаимоотношения с теми, кто таков, какой он есть. Криво, наверное, получилось.

– Хорошо получилось, – Гамельн обнимал ее в ответ и шептал-улыбался в ухо. – Выросший в львицу львенок. Откуда ты только взялась.

– Откуда надо, оттуда и взялась.

– Узнаю характер, – Гамельн усмехнулся, отстранившись, и вдруг выпалил на одном дыхании: – Знаешь, я ведь прав-

да хочу навестить детей, поговорить с ними. Я чертовски соскучился. Но боюсь, что они меня забыли...

– Скорее уж, они снова попросят их украсть, – Леона дернула уголком рта: именно этой просьбой закончилась их встреча год назад.

– Этого я боюсь еще сильнее. Что я им скажу? И что сделаю? Иногда лучше не пытаться починить то, что однажды разрушили. Осколками можно сильнее израниться.

В нависшей тишине различались их синхронное дыхание и тиканье часов.

– Давай я навещу их. В конце концов, имею право.

Гамельн зарылся носом в основание ее шеи. Легонько прикоснулся к коже губами.

– Спасибо. И прости, что взваливаю это на тебя.

– Я сама хочу, – Леона замотала головой.

Домик в лесу не только излечил, но и связал их души. Это никогда не было делом одного, делом Гамельна. Они все – соучастники. И точно-точно пора восстановить справедливость.

***

Неделя «больничного», впрочем, пролетела незаметно. Особенно четыре последних дня, когда Гамельн остался дома, и они болтали на отвлеченные темы, смотрели фильмы и играли в настолки. Поэтому когда книжный босс предложил «еще пару денечков отлежаться», Леона незамедлитель-

но согласилась. Зато напросилась на работу к Гамельну! Ни разу там пока не была.

– Как там в магазине, тебя не потеряли? – Гамельн плавно рулил. Машину он всегда водил очень аккуратно, в отличие от байка.

– К счастью, волонтеров в «Оксфаме» хватает, – Леона, развалившись на заднем сиденье, считала проплывающие за окном дома. – Тут скорее мне в убыток...

– И?

– Пока не выйду на работу, буду сидеть у тебя на шее! – Леона высунула язык и снова уставилась в окно.

Они уже около получаса ехали в фитнес-клуб. От нетерпения хотелось подпрыгивать, а еще лучше – вылезти из машины и побежать своим ходом. Или домчаться на байке. Но Гамельн осадил, напомнив про плечо. Вот зачем все портить? Хотя, возможно, Гамельн просто мстил. За завтраком Леона ему весь мозг выела. Ну а что?

«Тебе повезло, что мисс Винтер столь добра ко мне и позволила три дня ухаживать за больной». Как тут уши не наострить? Баба, добра к Гамельну – уже подозрительно! Почему добра, в каких случаях, часто ли? И что за «уход за больной»?! Гамельн опять назвал ее глупым львенком и разложил перед Леоной схему: «Представь, ты вышла из тюрьмы, отсидев за похищения. Легко ли тебе снова устроиться на работу?» Леона надулась – и нисколько не стала относиться к этой мисс Винтер лучше. Наоборот – ее поступки

вызвали еще больше подозрений. Зачем связываться с человеком, у которого подпорчена репутация, если не имеешь на него видов? Сама Леона, например, вполне себе заглядывалась, вот и... связалась.

Гамельн свернул в проулок и припарковался недалеко от арки. Кивнул Леоне на дверь.

– Прибыли.

Прежде чем двинуться, Гамельн проверил все замки и разместил на лобовом стекле стикер «Если вам мешает моя машина, звоните». А затем нырнул в арочный проход, разноцветные граффити в котором делали его сказочно-мистическим. В полумраке светились причудливые растения и животные.

– Ночью еще более впечатляет. Ощущение, будто вот-вот провалишься в параллельный мир.

– А ты бы хотел? – Леона пыталась одновременно не отставать и все внимательно рассмотреть.

– Нет. Я еще этот мир толком не знаю. Есть множество мест на планете, куда бы я очень хотел попасть.

– Например?

– Например, Амазонка.

– Это там, где змеи всякие?..

– И крокодилы, – Гамельн обернулся и допустил в лицо такого, будто хотел поведать что-то важное, но передумал. Или счел момент неподходящим. – Там много кто обитает. Перестань зависать на граффити. Мы и так идем впритык.

Потом посмотришь.

Вот так всегда! Леона насупилась, запихнула руки в карманы и в два счета нагнала и обогнала Гамельна. Гамельн только вздохнул. И за вздохом точно-точно пряталось «Ребеночек». Р-р-р-р. Что ему в очередной раз не нравится?

Леона встряхнула волосами, зажмурилась на свет и открыла рот. За проходом сразу открывался вид на фитнес-клуб. Не очень большой, компактный даже, но будто летящий. Тонкий серебрянный каркас и спирали по контуру уничтожали замкнутость, расширяя чисто визуально, а крыша куполом идеально дополняла картину. Будто из какого-то фэнтези! Если бы Леоне довелось проходить мимо – скорее всего, она бы сюда заглянула. Пожалуй, без драк стоило подумать о другом способе поддержания формы.

– И чего застыла? – Гамельн подпихнул ее в спину.

Леона нахмурилась, но промолчала. А сразу за порогом скрывалась такая знакомая атмосфера спортивных секций! Эхом раздающееся: «И раз-два-три, раз-два-три...» Гул тренажеров. Люди в спортивных костюмах. Аж кончики пальцев закололо от желания поиграть в футбол.

– Мистер Нельсон, здравствуйте! – пробегающая мимо женщина в обтягивающем черном костюме с бейджем помахала рукой. – Ваши старички вас ждут не дождутся.

– Не возмущались замене?

Женщина осмотрелась и бочком придвинулась, загораживая рот ладонью.

– Делали ставки, чем, а вернее, кем вы так заняты, – женщина подмигнула и только тут заметила Леону, выгнув брови. – А это...

– Это Лео. Сегодня она будет мне помогать в силу своих физических возможностей.

– Лео... А полное имя Элеонора или Клеопатра? А зыркает как угрожающее. У такой девочки с физическими возможностями должно быть все отлично. – Она незаметно оказалась напротив Леоны, бесстыдно изучая взглядом. – Ты будешь долго сопротивляться, если я попрошу тебя раздеться по пояс?

Леона нахмурилась. Что этой тетке вообще от нее надо? Поздоровалась-познакомилась – и хватит. Руки сами собой сжались в кулаки.

– Не стоит, мисс Винтер, – Гамельн вовремя вмешался и провел ладонью по спине Леоны, успокаивая. – У нее с плечом проблемы. Неудачно упала с эскалатора.

– Вот как. Ну, будь осторожна в следующий раз, Лео, – она улыбнулась загадочно и направилась в один из залов.

– Нам тоже пора.

Леона заторможенно кивнула и позволила Гамельну себя увести, мониторя, не следит ли женщина за ними. Хотя та наверняка знала, где Гамельн проводит занятия, но все-таки! И – постойте. Так это и есть та баба, что наняла Гамельна на работу?! Вот и встретились, называется.

***

– Клофелия Винтер – неоднозначный человек. Я даже не могу толком про нее что-то сказать. Знаю, что она занималась плаванием и даже приносила серебряные медали, но в профессиональном спорте себя не видела, поэтому решила стать тренером. Потом вообще создала свой фитнес-центр. Сначала маленький, а позже, заручившись успехом, выкупила и этот. Она очень волевая и пробивная женщина. Создала свою программу и добилась одобрения от системы здравоохранения. Подобные вещи очень хорошо сказываются на репутации и привлекают определенную категорию людей. Почти все пенсионеры округа – наши постоянные клиенты. А у них ого как сарафанное радио развито. Есть реальный шанс, что и в Эдинбурге найдутся те, кто о нас слышал.

– Нехило, – Леона поболтала бутылкой с остатками сока и смяла, отправляя в мусорку одним броском здоровой руки.

Они устроились на широких ступенях с тыльной стороны здания. Леона чуть с ума не сошла от гвалта голосов и чрезмерного воодушевления. Однако Гамельн быстро навел порядок и поручил Леоне надувать маты и мячи. В специально отгороженном помещении, где хранился инвентарь, ее почти никто не трогал. Один дедушка только поцокал: «Косой чисто дева, а взгляд воина!».

– Почему все же она наняла тебя? Да еще и приставила к тем самым пенсионерам. Они ведь те еще любители у телевизоров торчать... Неужели тебя никто не узнал?

Гамельн пожал плечами.

– Напрямую не интересовались, а посудачить старички всегда горазды. Их больше волнует моя личная жизнь, чем мое прошлое. А еще – мистер Тристан.

– Мистер Тристан?

– Второй тренер. Настоящий Аполлон – без одной руки только.

– Как это без руки?

– Работал на заводе. Подвыпил – и попал под пресс. Рука всмятку. Спасти не удалось. С тех пор завязал и вообще изменил взгляд на мир и жизнь. Но что ему только не приписывали. И что он бывший мафиози, и что полевой врач, и что на него напал медведь... Истории одна другой краше.

– Чокнуться можно, – Леона сгорбилась, лениво прикидывая, какие слухи закружатся вокруг ее персоны. Особенно если она станет заявляться регулярно. – Так что насчет мисс Винтер?

– Неужели я настолько впечатлила юную особу, что вы тут обо мне шушукаетесь?

Леона вздрогнула и вывернула шею – Винтер стояла на верхней ступени, будто готовая спрыгнуть с вышки в бассейн. И непременно победить.

На предложение-вопрос Леоны: «Пройтись и поговорить» она сощурилась мягко: «Только без рук и спонтанных признаний». Гамельну все это не слишком нравилось, но Леона не любила тянуть кота за яйца. Была возможность разо-

браться здесь и сейчас – бери-хватай. Правда, к концу пылкой речи она почувствовала себя маленькой и несмышленной девочкой. Эта женщина тушила одной аурой, одной внутренней уверенностью.

– Боже мой, сколько ревности! – Винтер засмеялась и остановилась, вынимая камушек из кроссовка. – Ты ничем не отличаешься от старичков, Лео. Все проще. Я за Гамельна.

– Что? – Леона застыла как в параличе.

– Моя сестра курирует трудных подростков и сотрудничает с несколькими школами-пансионатами в Европе, поэтому я достаточно насмотрелась на детей с покалеченными судьбами. То, что делал Гамельн, было невероятно и очень круто. Воплощением мечтаний. Как я злилась на полицию и на приговор. Идиоты. Все там, кто отвечает за справедливость, круглые идиоты. Конечно, я его узнала. Он изменился, но я узнала. И без раздумий предложила работу на хороших условиях. Спасибо коллегам, которые вежливо отсылали такого удивительного человека.

– Значит, он вам все-таки симпатичен.

– Не понимаю, откуда у тебя столько комплексов. Почему считаешь, что Гамельн уйдет за первой же юбкой? Это мало того что глупо, так еще и нелогично.

– А вы... А... Я так не считаю.

– Поэтому разговариваешь со мной вместо того, чтобы проводить время с ним? Кстати, у него мешки под глазами.

Завари крепкий зеленый чай, остуди, смочи ватные диски и приложи. Похоже, за последние дни он сильно вымотался.

Леона стиснула кулаки, но возразить было нечем. Они успели обойти фитнес-центр кругом и возвращались все к той же лестнице с тыльной стороны. Гамельн снова читал.

– А еще, – Винтер вдруг притянула ее к себе и крепко удержала за ворот, шепча на ухо: – Будь хорошей девочкой, отсоси ему. Сил нет ощущать неснятое напряжение-возбуждение.

Леоне в лицо ударил такой жар, что захотелось окунуться в чан с ледяной водой. Она отскочила в сторону, округлив глаза. Винтер лукаво улыбнулась, и в этой улыбке читалось невысказанное: «При случае я с удовольствием сделаю это за тебя». А потом развернулась и ушла как ни в чем не бывало.

Леона насколько могла успокоила сердце и воображение, прежде чем забралась наверх.

– Старички закончились?

Гамельн оторвался от книги и заложил страницу пальцем. Мимоходом чиркнул взглядом по часам.

– Ты как раз к новому заходу.

– Как кстати, – Леона скривилась. Ей нестерпимо хотелось Гамельна поцеловать, но она сама просрала все возможности. – И надолго это?

– До ночи, львенок. До ночи.

И хоть ты тресни.

***

– Ну и где этот чертов клуб? – Леона шарилась по развлекательному кварталу, развернув в телефоне карту, которая нифига не помогала.

Никакого входа с торца она не обнаружила, только помойку, здоровенные постеры и совершенно другое заведение! В обратную сторону картина мало чем отличалась, разве что вместо постеров были экраны. Заколдованный круг, не иначе.

«Если заблудишься, звякни!» – сказала Хлоя и стойко не брала трубку. Леона уже раз сто прокляла себя, что согласилась на встречу. И что упрямо выискивала клуб, тупо мотылясь туда-сюда по отрезку дороги. Мало ли – проглядела за пестротой. Но нет, даже намека на «потайную дверцу» не наблюдалось. И какого хрена. Все, еще пять минут поисков – и она пойдет к метро. Дома Гамельн и веер вариантов приятного времяпрепровождения.

– Потерялась? – Леона едва не налетела на длинного, очень длинного мужчину с суровым лицом самурая и в шмотках, цена которых кричала за километр внушающими нулями.

– А вам какое дело?

– Может, помочь хочу. Я тут каждую вывеску знаю.

Леона прищурилась, прикидывая, насколько мужику можно доверять. Но за спрос денег не берут, так ведь?

– И клуб «Рахум» знаете?

Мужчина неуловимо напрягся.

– Знаю... А что тебе там надо?

– Друзья пригласили выпуск отметить, – Леона отрыла много раз сдублированное и пересланное сообщение в «Вотсапе». – Выпендриться решили. Лучше бы в старой доброй кафешке столик заказали.

– Тут ты права. «Рахум» – золотой клуб. Золотой и грязный.

– Что вы имеете в виду?

– Не столь важно. Сомневаюсь, что у твоих друзей хватит денег спуститься на нижний уровень. А чем ниже – тем грязнее, – мужчина перекатился с носка на пятку и качнул головой. – Идем. Выпуск дело такое, отпразднуй хорошенько. «Рахум» переехал совсем недавно. Вот и на сайте карту не обновили. Наверное, твоим друзьям смску прислали.

Леоне все меньше и меньше хотелось в это ввязываться, но она сама себя загнала в клетку обстоятельств. Только почему, интересно, ей никто ничего не сообщил? Телефон завибрировал.

– Ну, где ты там, королева прайда? Куда пропала?

– Я?! Я тебе раз пять звонила! И я же просила не называть меня так.

– Ну упс. Здесь шумновато. – На заднем плане действительно гремели музыка и голоса. Голос самой Хлои звучал как-то расслабленно-раскатисто-лениво. – Так скоро ты там?

– Скоро. Не кипишуй.

– Эй-хей! К нам собирается нагрять королева прайда!

Тут же поднялся рой улюлюканий, и Леона сбросила вызов. За последний год жизни с Гамельном она отвыкла от подобных сборищ сильнее, чем думала. Голова уже трещала. Раздражение не спадало. Так стоило оно все нервных клеток? Достаточно сказать потом, что была, и поди кто вспомни и проверь.

– Простите! – Леона нагнала ушедшего вперед мужчину. – А как вернуться к метро?

Мужик обернулся – то ли удивленный, то ли излишне понимающий.

– Струхнула?

– Не хочу, – Леона поморщилась. – От одной мысли воротит. Думала, ну свои ж все, посидим-повспоминаем былые деньки. Но, похоже, я тут одна с такими намерениями.

– Даже на пять минут компанию не составишь? Осмотришься хоть. Иногда все оказывается лучше, чем кажется.

– Ключевое здесь «иногда».

Мужчина пожал плечами.

– Я неволить не буду. Поступай как знаешь.

– Спасибо. А куда мне?..

– О, вы только посмотрите, кто к нам пожаловал!

Леона чертыхнулась и поборола позорное желание сбежать. Ей махали Шенна и Рут, которые непонятно как вообще сошлись: более далеких друг от друга людей надо было еще поискать. Шенна красовалась огненно-рыжей шевелю-

рой и сережками, увесившими все ухо. Вечная болтушка и кокетка, она сменяла парней как перчатки, при этом громко рыдая при расставании. Рут на ее фоне смотрелась мрачной горой, но сверкала из-под челки эффектными зелеными линзами. Молчаливая и непробибаемая, она почти всегда знала обо всем. А еще – в резонанс образу – жутко боялась пауков.

– Ну как тебе рабочая жизнь? – Шенна выдохнула дым прямо Леоне в лицо и сладко улыбнулась.

– Будто я в школе баклуши била. Нормально все.

– А личная? – Рут умела заставить врасплох.

– Что? – Леоне захотелось выставить колючки и обороняться.

– Ну, всякое говорят, – Шенна захлопала ресницами. – Мол, живешь со взрослым мужиком, байкером. Но мы-то понимаем, что про такого ты бы все уши прожужжала. С женатым мутки мутишь, да?

О как Леона ненавидела всех таких «думающих».

– Не парься, Лео. – Рут облокотилась о стену, уходя в тень. – У нас тоже опыт богатый.

– Настолько, что пробовали тройничок с женатым мужиком?

– Образно, сис. Какая-то ты слишком напряженная. Пойдем, оттянешься, – Шенна затушила бычок о каблук и улыбнулась кошкой.

Рут мазнула по ее лицу взглядом и первой направилась к

темному узкому проходу. А Шенна подтолкнула Леону вперед.

– Чья была идея отпраздновать выпуск в этом клубе?

– А? Твоей правой руки, конечно, – Шенна едва не мурлыкнула.

– Дороти?

– А у тебя есть другая правая рука?

У Леоны заходили желваки. Все происходящее было крайне далеко от того, с чего они начинали.

– Королева прайда пришла! Ура! – стоило переступить порог, как Хлоя оповестила об этом буквально всех.

Не то чтобы Леона рассчитывала остаться незамеченной, но хотела в каком-нибудь уголке принимать «аудиенции».

– Вау, кого я вижу! Сама лидер! – Дороти развалилась на диване с помпезным коктейлем в руках. – Нашла для нас время наконец?

– Сорян, что тебе пришлось самой заниматься праздником. Много чего навалилось в последние дни.

– То есть до этого ты нас не игнорировала?

– Выпускные экзамены, Дороти, если ты вдруг забыла.

– Ну конечно, ты же из хулиганок решила заделаться в ботаны. Как я могла пропустить? – Дороти выпила коктейль, как обычно пьют пиво, и кивнула официанту, у которого грудь перечеркивали ремни.

Леона нахмурилась и огляделась: в отдельном зале, где зависала их компания, подобных официантов наблюдалось

еще пять-шесть. Особый интерес к ним проявлял Томас, с восторгом таращившийся вокруг. Но и девчонки то шушукались, а то и, будто невзначай, проводили ладонью официантам по торсу. Официанты даже бровью на это не вели.

– Мне хотелось бы знать: какой формат у данного праздника? Пить-гулять-предаваться разврату?

– Верно уловила, сестренка, – Дороти подмигнула, хотя веселье у нее выходило чертовски притворное. – Пора вступить во взрослую жизнь!

– Ага, пора. – Леона выдохнула и сгребла Дороти за грудки. – Ты что затеяла? Что это за блядский цирк с конями и неправильной картой? Я тебе не девочка на побегушках, чтобы на каждый твой чих реагировать. И чтобы ты меня встречала со снисхождением. Есть претензии – высказывай.

– Высказывай? – губы Дороти побелели. – Так я выскажу, слушай внимательно!

Она вырвала ворот из пальцев Лео и плюхнулась обратно на диван, отчего тот зашатался. Прикрыла на миг глаза, а когда открыла – в них плескались сплошная зависть и боль.

– Ты всегда была себе на уме, могла внезапно уйти или выпасть посреди разговора. Но потом ниче, находила всякие прикольные места и водила нас туда, не игнорировала встречи и никогда не забивала на драки. Ты выслушивала каждого. Была, черт возьми, лидером, за которого и в огонь, и в воду. А потом... Потом ты стала все меньше и меньше тусить с нами. Чхала на общие сборы. Только на драки приходила,

уж спасибо. Но и то – не напоминай я, кто знает, на сколько бы ты соизволила явиться. И сколько бы выиграла. Ты тут мне про честность заливаешь, да? А самой сказать: «Простите, ребят, перегорела, складываю полномочия» слабо было?! Все тень изображала: «Я с вами, но меня здесь нет». Даже сюда с такой кислой и постной рожей пришла, что и ежу понятно, насколько тебе запахло и не охота. Но явилась, как же – львица! Королева прайда.

Леона стиснула кулаки.

– Уж прости, что мне неинтересно обсуждать парней. Что в этом плохого и смертельного? Лучше с каждым встречным-поперечным юбку задрать – и вперед?

– А при чем здесь парни, Лео? У кого что болит.

– При том, что последний год вы только их и обсуждали. Во всех смыслах, ракурсах и позах. Я с удовольствием общалась на посторонние темы, спорила насчет фильмов и игр, советовала комиксы... Спроси девчонок, если не веришь. С одной тобой как об стенку горох. Уводишь тебя в другую степь – а ты все на прежнего конька вскакиваешь. «Зырь, какой милаха! А какие у него кубики, ммм!» Я решила подождать, пока у тебя гормоны поутихнут. Но самое поганое – сейчас ничего не поменялось.

Дороти вскочила.

– Значит, как ты трулялякаешь об этом своем байкере – это нормально, да? «Он заставил меня исписать целую тетрадь!», «Мы ходили на выставку мечей – так круто и инте-

ресно», «Весь концерт Паганини прослушали, до мурашек». Он то, он се, и так каждый день. Каждый день! Потом он приезжает за тобой после уроков, и ты бежишь влюбленной девицей, позабыв вообще все. Потом я узнаю – от твоей мамы, заметь, – что ты практически живешь у него. И вывод не просто напрашивается сам собой – он буквально кричит. А когда мне хотелось переключить тебя хоть как-нибудь, вывести на откровенный разговор – ты отстранялась, запиралась в своей раковине или вовсе уходила. Зашибись, да?

– Дороти...

– И меня бесит, что ты называешь меня этим именем! Я Эбигейл! Эбигейл Грегори! А не Дороти!

***

Леона размахнулась и коротко, но четко ее ударила.

– Сопли подбери.

– На себя посмотри! – Дороти – или Эби? Как теперь называть-то? – налетела ураганом, молотя кулаками куда и как придется. Из дерьмового – удар у нее был поставлен.

А прозвище прилипло давно, когда они только познакомились и обе оказались фанатками «Страны Оз». В тот год как раз вышел очередной фильм в рамках этой вселенной – «Оз: Великий и Ужасный». Место льва Леона отдавать не собиралась, а новая подруга очень походила на Дороти – в строгом платье и с двумя косичками. Так и повелось.

А теперь, оказывается, Эби-Дороти давно выросла.

Леона уклонялась сначала, пропустив лишь пару незначительных ударов. Кружилась. Официанты и девчонки шаркались в стороны. Никого не тянуло встреть в склоку. Эби-Дороти как с катушек слетела. Ее искаженное лицо даже пугало.

– Ты... мне... за все... ответишь! – очередным ударом Эби-Дороти рассекла Леоне губу.

Леона сплюнула кровь. Потрогала языком чуть шатающийся клык. Да какого хрена она терпит?!

Их кулаки с Эби-Дороти встретились. В ход пускалось все: и руки, и ноги, и головы. Леона не стеснялась подстрекать и делать подсечки. Наваливалась и лупила. Злая как черт Эби-Дороти отвечала тем же, заезжала по ушам, отчего в них звенело, и лупила во все части тела, до которых дотягивалась.

Леона перехватывала ее удары, выворачивала кулаки и отпрыгивала в сторону. На полу оставались капли крови, но разбираться, чьи и откуда, не было времени. Эби-Дороти и так успела нехило заехать по челюсти и по коленке. Правая рука, как никак. Второй номер, задери ее лев.

Леона ударила Эби-Дороти в солнечное сплетение, давая себе микропередышку, и вспомнила про прием, которому ее научил Гамельн. Такого Эби-Дороти точно не ждала. Леона поднырнула под очередной отчаянный удар, оказалась у Эби-Дороти за спиной, выдохнула и долбанула затылком по затылку, а ребром ладони по шее. Эби-Дороти удивленно охнула и осела, растекаясь звездой. Ее попытки собрать себя в

кучу и пошевелиться ни к чему не приводили.

Леону немного занесло, когда она попыталась приблизиться, и только благодаря мощной Рут удалось избежать поцелуя с полом. Хотя, пожалуй, Леона не отказалась бы поваляться. Но еще не все было решено.

– Остыла?

Эби-Дороти кинула на нее мутный злой взгляд и застонала.

– Каждая косточка болит. Почему ты всегда оказываешься лучше?

– Потому что я лидер?

– Дура ты. Влюбилась во взрослого мужика и нахваталась «уроков». Не только к экзаменам он тебя готовил, выходит?

– Не пошли хоть здесь.

– Хочу и буду! – Эби-Дороти попыталась стукнуть кулаком по полу, но лишь мазнула рукой. – Я тоже дура. Но меня хотя бы в дебри не тянет.

– Угу, всего лишь в джунгли собственных мыслей.

– А тебя туда не тянет, что ли?

– Тянет. И еще как. Я рада, что мы их немного проредили.

– Лео! – за спиной Леоны сгрудилась вся ее армия, весь ее прайд. – Если че надо – ты только свистни! Мы мигом придем, и разберемся, и хари начистим.

– Заметано. Вы тоже рассчитывайте на меня. И извините за все.

– Да-да, мы понимаем!

– Замужний мужик или баба-байкерша... Э, наоборот!
Короче, нам не важно! Главное, что ты счастлива!

– Спасибо, – Леона, подняв кулак, гордо удалилась прочь.

***

На улице она просто привалилась к стене и не могла толком ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни пошевелиться. Болело все. Губу саднило. Левая рука – черт! дрянь! – повисла мертвой плетью. Ноги схватывало судорогами.

– У тебя хорошая банда, и ты отличный лидер.

– А? – Леона вскинулась. Рядом с ней стоял низенький, но солидный стильный мужчина. В бежевой рубашке, перечеркнутой подтяжками, фиолетовых очках и черной шляпе. – Вы кто?

– Джон Хэнкок. Тебя подвезти домой? Или лучше сразу в больницу?

– В морг...

– Раз можешь шутить – значит, будешь жить. Эй! Сонна!

Помоги дотащить девицу до машины!

– Ого. Зря все-таки пошла туда, да? Или ты спускалась? – сбоку вырос знакомый длинный самурай, подхвативший тушку Леоны на руки как перышко.

– Не спускалась, я бы знал, все-таки мой клуб, – мужчина непререкаемо осадил. – Тащи в машину. О чистоте не парься. Сдам на мойку потом. А вот протереть саму девицу не помешало бы.

– Понял.

Леона услышала хлопок дверцы, а в следующий миг почувствовала, как ее бережно уложили на мягкое сиденье. На лицо легло вкусно пахнущее полотенце, теплое-теплое и влажное. Давным-давно в детстве мама таким протирала места ушибов. А тут длинный самурай ухаживал за ней, взрослой девицей. Неловко получалось, но к самостоятельному шевелению Леона готова пока не была.

– Так куда везти? – Судя по очередному хлопку, владелец клуба и машины занял водительское кресло. От него пахло крепким табаком и черешней.

– До метро... ближайшего.

– Как скажешь, – мужчина хмыкнул, а дальше Леона провалилась во тьму.

***

В череде мутных образов то отдалялись, то приближались голоса. Накатывало и неохотно отступало чувство опасности. Хохоча, водили хоровод единороги. И люди-тени тыкали в нее пальцами: «Смотрите! Эту девочку похищал Гамельн. Над ней издевались в школе, а мамаша все прохлопала. Теперь, небось, захочет курицей. Все взрослые вокруг захочут: бедная девочка! Столько всего пережила! А ведь ей понравилось у Гамельна...»

Проснулась Леона от запаха пышек. Веки казались тяжелыми-тяжелыми. Тело ломило. На языке осели горячие возражения и отчаянно рвущееся: «Чушь! Неправда! Это все

неправда!»». Гамельн – соткавшийся образом – покачал головой. Выглядел он очень расстроенным. Леона не понимала, из-за нее или из-за чужих слов, которые всколыхнули прошлое.

Ласковый свет из окна пробежался по щеке. Зашуршал тюль. К запаху пышек примешался аромат кофе. Все побуждало вставать и радоваться жизни.

Леона вздохнула и рывком попыталась подняться. Голова тут же закружилась. А мышцы устроили дебош и сабантуй с акциями и протестами.

– Ляг. Догеройствовалась уже, – Гамельн, нахмуренно-отстраненный, стоял на пороге и мял полотенце. Градус напряжения не сбавлял даже милый фартук в подсолнухи.

– Что случи... – Леона лягнула и прикусила язык.

Она вспомнила все, вообще все. Кроме одной важной, существенной детали. Как она оказалась дома? Тот мужик рылся в ее телефоне? И набрал Гамельна?!

Гамельн приподнял бровь.

– Тебе лучше знать, что случилось. Вчера ты явилась ближе к полуночи в таком виде, что я удивляюсь равнодушию окружающих. Пролопотала «Я дома» и свалилась мне на руки. Грязная, в крови и пахнущая смесью пыли и дорогого парфюма.

– П-прости...

Недостающие кусочки воспоминаний веяли болью и преодолением. Шатание по метро, тряска в автобусе и долгий

путь до дома чуть не ползком. Значит, Леона добралась сама и личность Гамельна по-прежнему в безопасности. Но сейчас казалось – лучше бы ее довели. Нужно иногда гордость подальше запихивать!

– За что простить? За то, что платный визит к врачу, неделю отдыха от работы и мое участие ты одним махом отправила в жопу? В данном случае хуже только тебе. Не хочешь лечить плечо – насильно я тебя не заставлю.

– Дело в другом! Гамельн, я не могла поступить иначе. Эби-Дороти... Ну, моя лучшая подруга, она запуталась. Сильно. И наговорила всякого. Нужно было вправить ей мозг.

– Действительно, как я мог забыть, что хулиганки все проблемы и споры решают кулаками.

– Гамельн... – у Леоны сердце схватило колючим холодом. От кого-кого, а от Гамельна таких слов она не ожидала.

На кухне пропищал таймер, и Гамельн отвлекся на него, словно только этого и ждал.

– Пышки готовы. Сейчас принесу.

– Не надо, – Леона сцепила руки замком на животе и поглубже зарылась головой в подушку. – Я не голодна.

– И что же, позволь узнать, ты ела?

– Много... всякого. Столы валились.

– От выпивки или стриптизеров? Или после вашего маха-ча?

– А?

– Клуб «Рахум». «Огромный ассортимент алкоголя и развлечений на любой вкус. Проведи вечер и ночь незабываемо!» Ты на сайт не заглядывала? А стоило бы. Там все показано и рассказано. Как твои друзья только умудрились туда пролезть? Мало того, что он не из дешевых, так вы и по возрасту не проходите.

Леона нахмурилась. В таких местах возраст последнее, чем интересуются, но резон в словах Гамельна был.

– Ну, это идея Эби-Дороти. А у нее отец кем-то важным работает...

– Кем? – Гамельн наклонил голову вбок, и Леоне захотелось спрятаться под одеяло.

Ее ни о чем таком не спрашивали, но все больше и больше открывалось, что об Эби-Дороти Леона нихрена толком не знала.

С кухни донесся запах жареного теста, и Гамельн чертыхнулся.

– Подсказка – ее фамилия.

Он удалился, а Леона засуетилась, пытаясь нащупать или высмотреть вблизи телефон. Тот покоился на тумбочке, но стоило через скрип зубов потянуться, как Гамельн вернулся.

– Гугл – это уже вспомогательные средства.

– Я не знаю.

– Зато я знаю. Он независимый судебный эксперт.

– А?

– Итан Грегори, сорок девять лет. Специалист в области

психиатрии, а с некоторого времени и психологии. К моему делу он подключился уже после вынесения приговора и добрался до всех детей, кроме тебя. По предварительному заключению – психическое состояние детей в большей степени было потревожено прошлым опытом, чем похищениями. А теперь вопрос: знает ли Эби-Дороти о том, что ты та самая Леона, чью фотографию шесть лет назад крутили в новостях?

– Нет. Очень вряд ли. Я никому не рассказывала. И о том, что ты – Гамельн, тоже.

– То есть вы подрались не из-за этого?

Леона скомкала одеяло – она не понимала, к чему Гамельн клонит и зачем обрушил на нее это все.

– Не из-за этого. Формально из-за тебя, но... Эби-Дороти просто меня ревновала. По-дружески. А я этого не замечала и лишь сильнее ее игнорила. Естественно, у нее накопились ко мне претензии. Она заистерила, я ударила, она ответила... Все-таки Эби-Дороти не с бухты-баракты моя правая рука. Задала мне трепку, я еле выкрутилась. Ну и вот.

– Ясно.

Гамельн смотрел непонятно: то ли вдаль, то ли сквозь. Прозрачно-грустно. Как русалочка, которая хотела сказать, но не могла. Только у Гамельна со связками все было в порядке! Тишина натягивалась звонкими струнами. Терпи-терпи, жди.

– Ты не представляешь, как я зол на тебя. – Гамельн опу-

стился на пол рядом с кроватью, прикрывая голову руками. – Думал, на месте прибыю, размажу. Если бы ты была в сознании – выпнул бы за дверь и не поморщился. Ты некоторое время валялась посреди гостиной, поскольку я не представлял, что с тобой такой делать. Добить, чтоб не мучилась, или...

– Пожалеть? – Леона хмыкнула горько.

Она ждала от Гамельна поддержки, встряски, правильных мотивирующих слов – и силы. Той, что расправилась с обидчиками Леоны; той, с которой Гамельн похитил и укрывал всех детей. Леона ждала Гамельна, который бы спросил обыденно и твердо: «Пойдешь со мной?»

– Тебя попробуй пожалей. А вот подлатать не мешало бы. Я был зол, поэтому на кривую-тугую перевязку не серчай.

– А я-то думаю, чего дышать так трудно.

Гамельн вздрогнул и сузил глаза.

– Не шути так.

– А кто сказал, что я... Ай, – Леона потерла подвергшийся нападению бок. – Ну и где пышки с кофе для больного человека?

– Ты же вроде не голодна, – Гамельн вскинул брови и медленно-гордо направился на кухню. На пороге обернулся. – А захочешь есть – сама придешь.

Леона запыхтела. Когда Гамельн мстил – проще было сразу повеситься!

***

Сидеть дома в одиночку – ужасно скучно. Из плюсов – можно было тусить лишь в растянутой футболке. Но занять себя чем-то хотелось. Именно поэтому Леона неловко перетащила ноутбук на колени и полезла в интернет за тем, чего старательно избегала все эти годы. Работать одной рукой оказалось малопривлекательно, но Леона отличалась упрямством и упорством.

Дело Гамельна нашлось довольно быстро. Поисковой запрос пестрел газетными заголовками и вырезками из новостей. Без имен и лиц детей. Защита законом. Но в интернете сложно что-то утаить или стереть безвозвратно. Блоги, социальные сети – неисчерпаемый запас домыслов и информации. Люди делились на тех, кто считал похищения страшным преступлением («Я бы его голыми руками придушила!»), и тех, кто Гамельна всячески поддерживал, одобрял и даже пытался ему подражать. Откопалась и передача с диспутом. Действительно интересным! Про ответственность и про воздаяние, про то, что «Гамельн – зло, которое сеет добро» и что благодаря похищениям во многих семьях вскрылись язвы. А это, в свой черед, помогло избежать других преступлений.

В этой же передаче фигурировали полные имена детей. Со списком имен начались новые поиски. Сюзен оказалась зарегистрирована в санатории на длительном содержании. Чарли значился учеником престижной частной школы. А вот Оллин словно испарилась – все сведения о ней крутились

вокруг дела Гамельна. Но и о смерти думать не приходилось: Гамельн узнал бы первым. А Гамельн сказал: «Им ничего не угрожает». Значит, и Оллин он нашел! Леона закусила губу и защелкала по ссылкам фанатичнее. Она же не безмозглая школьница, рубящаяся в игры! Где-то что-то есть, где-то что-то должно быть.

Когда глаза уже начали слезиться, через ворох непонятных левых картинок нашелся профиль в соцсети матери Оллин. Судя по фотографиям и подписям к ним, женщина души в своих детях не чаяла. «Сокровища мои, солнышки мамины, радость неземная» и прочие тошнотворные формулировки.

А вот по датам складывалась интересная картина. После возвращения домой – «Наша дочурочка снова с нами!!!» – фотографии появлялись чуть ли не каждый день. «Видите, я хорошая мать, я справляюсь» так и читалось за приклеенными улыбками, горой подарков и постоянными развлечениями. Возможно, она правда старалась возместить упущенное время, купить счастье и любовь за деньги. Но, разумеется, ничего не вышло. Чем шире улыбалась мама – тем отстраненнее выглядела Оллин.

На нескольких фото засветился мужчина, который держал на плечах брата Оллин, и мелькала еще одна женщина – волевая и непробиваемая даже на вид. Оллин держалась ближе к ней, и женщина явно была готова хранить доверие ребенка всеми силами. В хештегах очень кстати значилось «кузина».

В общем и целом, было понятно, что ничего непонятно. Леона протерла глаза пальцами. Нужно было ехать и самой оценивать, как обстоят дела. Проще всего казалось добратся до Сьюзен. Угу, доковылять. «Не примете еще одного пациента?»»

Черт! Вот понадобилось Эби-Дороти «пряма шаз» выяснять отношения. Не могла подождать пару неделек? Леона, конечно, тоже не в стороне стояла, но все-таки! Если бы кое-кто не томил в себе обиды вселенские – давно бы со всем разобрались. А так и выпуска толкового не получилось, и полная задница кругом и всюду.

Мысли о заднице вмиг разбудили воспоминания о руках Гамельна на ее, Леоны, филейной части. И как он трогал, и как прижимался. Да чтоб его! Леона осуждающе покосилась на грудь, которая радостно топорщилась сосками, и с сомнением и шальным интересом – на ноут. А что, если...

Леона, внутренне замирая, вбила в поисковую строку «порно» – и на нее тут же высыпались крайне любопытные и провоцирующие продолжения и ссылки на пару сайтов. Леона тыкнула в первую попавшуюся и вздрогнула. Голый парень с внушительным хозяйством, накаченный и в ковбойской шляпе, несколько обескураживал откровенностью без предисловий. Хоть бы предупреждающий значок вlepили! А если ребенок тыкнет не туда? И точно решит узнать, что же там такое. И потом задаст родителям парочку интересных вопросов. А Леоне Гамельн задаст, прокрутив историю. Но-

ут-то его!

Сердце забилось чаще. Разом причудились шаги и скрежет ключа, и только время на часах и разум твердили, что Гамельн на работе и вернется не раньше, чем часа через три. Леона умоляюще покосилась на парня-ковбоя, чтобы тот помог разрешить сомнения, стоит ли дальше изучать или ну его... Парень предсказуемо молчал, но излучал харизму «мачо»: ну же, смелее, ты уже смотришь на меня, неужели откажешься от продолжения? Леона вздохнула и мотнула вниз.

С этим ковбоем обнаружилась целая фотосессия в разных ракурсах и позах. От совсем откровенных до дразнящих. Леона неожиданно залипла на фотке, где парень валялся среди сена в расстегнутой рубашке, а рука его пряталась в штанах. Леона сглотнула, представляя на его месте Гамельна. Между ног как разлился теплый чай. Но после происшествия в клубе Гамельн точно тему секса поднимать не станет. Слишком заботливый. Какая же она глупая, что в первый раз закатила истерику!

Где-то еще лазить резко перехотелось. Леона лениво потыкала по всплывающим панелям: сайт оказался галереей с эротическими моделями на любой вкус. И закрыла вкладку. Почистила историю за сегодня. Прочая история также зияла чистотой. Вот так попробуй узнать о Гамельне побольше. Только если напрямую спрашивать: «На каких девушек ты западаешь? Какие позы предпочитаешь? Какой фетиш?». Пиздец же! Леона скорее язык себе откусит, чем начнет лю-

бопытничать.

Гамельн не прятался от расспросов – в том числе и о личном, но... Это слишком! Дальше только: «Мама, это Гамельн, и я его люблю». Л-люблю? Леона уставилась в погасший экран, будто в зеркало, способное дать ответ на любой вопрос. Все сходилось как в правильно решенной задаче. Ревность, терзания, тяга к Гамельну, в конце концов! И... что с этим делать?

Леона запустила пальцы в волосы. Если так дальше продолжится, все будет не просто плохо, а суперплохо! Постучаться, что ли, в соседскую дверь? «Хлобыстните меня дубинкой для профилактики».

***

– Лео! Лео! – Гамельн тряс ее за плечо – здоровое. – Ты ела что-нибудь?

Леона сонно проморгалась и помотала головой.

– Нет. Тебя ждала.

Гамельн стоял с сумкой через плечо. Черты его лица заострились. Усталость от дня на ногах парила в воздухе. Положить бы и не кантовать. И все-таки Гамельн накрыл на стол. И даже помог Леоне до него доковылять. Сидеть, как прежде, друг напротив друга, несколько смущало. Колени сталкивались, взгляд залипал на губах. «Ты не мог бы перекусить, а лучше вообще уйти». Отличное начало разговора!

– Что ты так на меня смотришь, будто одновременно бо-

ишься и хочешь съесть?

Леона прокашлялась.

– Неправда!

– Что неправда? То, что боишься, или то, что хочешь съесть? Лео, не в укор тебе, но в некоторых вещах ты сильно подотстала. Ты можешь спокойно поцеловать меня, влезть в личное пространство и штаны... Ты откровенно хочешь меня, однако признаться в этом для тебя почему-то неподъемная ноша. Ты словно пустила все на самотек, а теперь бежишь от самой себя. Или вдруг поняла, что я живой человек, который может как принять, так и оттолкнуть?

Леона буравила взглядом пустую тарелку. Она была уверена, что Гамельн не оттолкнет. По крайней мере, даст тот самый выпрошенный шанс. Но она до сих пор не понимала, что чувствует сам Гамельн к ней.

– Во всей этой череде ты упускаешь из виду одно – как давно я в курсе. Или хочешь выставить меня слепцом, который ничего не замечал?

Леона стиснула вилку так, что та согнулась.

– Ты все знал с самого начала?

– Трудно было не заметить. Ты хоть и выглядишь крутой и непрístupной, но для меня – открытая книга. Сначала мне показалось это забавным, потом я растерялся, не зная, что с тобой делать и насколько все серьезно. Может, сыграл злую шутку стокгольмский синдром, может, я появился в неподходящий момент. Вариантов уйма. Я решил не вмешивать-

ся и наблюдать. Тоже... пустил на самотек. Из эгоистичного желания не терять тебя, не терять твои дикий искренний восторг и привязанность. Знаешь, на это подсаживаешься: когда для кого-то ты – бог.

– Ты не бог, ты – Гамельн, – Леона растеклась по стулу и задушила желание спрятать лицо. Уставилась в угол.

Получалось, Гамельн нуждался в ней так же сильно, как она – в Гамельне? Но почему молчал? Почему не намекнул? Бросил в реку чувств – и плыви как знаешь.

– Глупый львенок, не делай такое лицо. Я чувствую себя монстром.

– Ты не монстр, ты...

Гамельн вдруг поднялся, гроыхнул столом, отодвигая, и оказался рядом. Совсем рядом. Руками заблокировал путь к бегству.

– Еще какой монстр.

Леона расширила глаза – Гамельн наклонился и поцеловал ее. Ни хрена не нежно. Зашарил языком по рту жадно, толкнулся коленом между ног. И налегал так, будто брал крепость. Леона вздрогнула и вытянулась струной. Что ей делать? Ау, караул! Тело откликалось, оно всегда откликалось на Гамельна, а мозг клинился. Как тогда, в первый незадавшийся раз. И это Гамельн? Это – Гамельн?! Настойчивый и возбужденный. Он не скрывал ничего. Каждый поцелуй, каждый укус отвечал простой формуле «Я хочу – и я делаю». От губ Гамельн перекинулся на шею Леоны, спустился по

линии ключиц и бросил на нее такой собственнический горячий взгляд – как под дых ударил.

– То, что тебе, львенок, любопытство и «упс, так получилось», для меня... довольно... щекотливо-провоцирующе.

Гамельн подцепил футболку Леоны и стал стягивать медленно-медленно. Дыхание и сердце сошли с ума. Перехватить бы руки Гамельна и закончить все сейчас!

– Люблю провокации. Люблю спонтанный секс. Без долгих прелюдий и чистых простыней. Так – честнее. Но если ты против... – Одним рывком футболка оказалась на полу, а Гамельн прижался к Леоне, сплошь покрытой синяками и ссадинами, и те заныли зудяще-противно. Только боль скоро отошла на второй план, стоило Гамельну ладонью скользнуть к груди и прихватить губами ухо. – Если ты против, лучше сказать об этом сейчас.

Скажи тут! Поэму выведи. Леона могла лишь стонать.

– Не возражаешь? Отлично.

Он опустился вдруг на колени – красивый, сильный, темный, невероятный Гамельн. Поцеловал Леону в живот и расправился с трусиками. Щеки схватил жар. Настолько уязвимой и открытой Леона перед ним еще не была. Да вообще ни перед кем не была!

– Ты даже вообразить не можешь, как хочу тебе вставить.

– И что мешает? – Леона с трудом не то что складывала слова, но даже дышала.

– Многое, – Гамельн выдохнул струйку воздуха на нежную

кожу лобка. – Твоя неопытность, твоя горячность и твое физическое состояние. Учесть все – слишком сложно. Поэтому пока так. Пока.

Живот схватывало легкими судорогами, а внутри будто образовался горячий шар. Волнение, предвкушение, стыд наслаивались, дезориентируя.

Язык Гамельна – господи, язык! – творил невообразимое. Пальцы поглаживали внутреннюю поверхность бедер, рождая тысячу мурашек. Очень хотелось закрыть лицо ладонями и вместе с тем впитать образ до скончания дней.

Когда язык надавил особенно сильно, тело вдруг прошло молниями, а между ног стало влажно-влажно. Очухавшись, Леона успела заметить, как Гамельн заботливо вытер ее.

– А ты? Тебе ведь...

– Хочешь отсосать мне? – Гамельн прислонился к столу, улыбаясь лукаво. – Мне бы понравилось, но, боюсь, для тебя сейчас это слишком. Взять чужой член в рот – не то чтобы раз плюнуть. В этом нет ничего страшного, унижительного и даже отвратительного, но психологический блок обычно силен. Девушка, с которой я спал время от времени на протяжении двух лет, так и не решилась попробовать. Зато массаж простаты у нее получался отменно. И не ревнуй. Все это было больше десяти лет назад. Я как-никак тебя старше.

Леона запыхтела и опустилась на колени.

– Ох, Лео. Ты чего задумала?

Леона еще и сама не была уверена. Ей хотелось – и все

тут! Хотелось же? Леона сильно-сильно зажмурилась, припустила штаны Гамельна и высунула язык. Гамельн дернулся, выдохнул и вцепился ей в волосы. Толкнулся в рот нетерпеливо. В нос ударил терпкий солоноватый запах, будто они оказались на морском побережье. Леона осторожно обхватила губами головку. Задвигала головой: вперед-обратно, вперед-обратно. И как некоторые сравнивают это с леденцом или бананом? Скорее рулет какой-нибудь. Покрытый кальмаром. Леона все-таки фыркнула, а Гамельн застонал протяжно:

– Давай уже.

Он потянул ее за прядки, притягивая ближе, и член покорно скользнул вглубь рта. Бесконечный. Распирающий. Зашекотал небо неприятно. А потом Гамельн оттолкнул ее и притянул опять. И снова. Щеки расперло жаром. Гамельн ее даже сосать учит! Леона налегла сама как примерная ученица. Вовремя вспомнила про язык. Язык скользил по чужому члену – сначала просто, а потом волнообразно. Гамельн стонал и выгибался, закрыв веки. Ему нравилось. Абсолютно точно. Воодушевленная, Леона попыталась пропустить член в глотку дальше, но рвотный рефлекс сказал «нет». Ладно, поучится позже.

В какой-то момент Гамельн заметался, намотал ее волосы сильнее, и Леона заработала языком с утроенной скоростью. Достаралась... От чужой спермы замутило. Леона закашлялась, скорчилась на полу и отхаркивала-выплевывала

белесую жидкость, к чертям посылая всю романтику. Во рту стойко держался странный незнакомый привкус, шею, спину и колени ломило. Гамельн сел рядом, погладил по спине и протянул стакан воды.

– Глупая упрямая львица. Все-то тебе нужно сейчас и немедленно. Прости, что не остановил.

– Это мое желание, – Леона прохрипела и показалась самой себе «глупой и упрямой». – Прости, что так... закончила.

Гамельн усмехнулся.

– Ну, кончить мне твоя неопытность не помешала. А вот док нас закопает.

Леона потянулась и легла ему на колени.

– Пусть закапывает. Я не жалею.

Быть с Гамельном вот так – близко-близко – оказалось совсем не страшно.

***

Док сделал Леоне перевязку, ничего не сказав. Словно приговор вынес – «безнадежный случай». Это уже слишком. Леона ведь не безмозглая. Она прекрасно понимала, что тело за «физические упражнения» спасибо не скажет. А что, понимая, лезла на рожон – это совсем другая история. Леона бы отстояла себя! Но док молчал, накладывая бинты с лекарством, и все решенное и сделанное стало ничтожно-безнадежным.

Так было с тренером по футболу в начальных классах. Тот, видя ее успехи, предложил усложненную систему тренировок, а Леона отказалась – промаявшись почти неделю, прикидывая «за» и «против» и подготовив солидную аргументацию своего решения. А тренер сказал: «Хорошо, как знаешь». Не уговаривал, не выступал с пламенными речами, и Леона тогда впервые почувствовала себя странно. Почувствовала... груз выбора.

Тренер больше никогда не поднимал эту тему, и Леоне – забитой и одинокой – начало казаться, что никаких выдающихся способностей у нее и не было. Док точно так же ставил в тупик, словно говоря: «Ты упустила шанс поправиться быстро и без последствий, как знаешь, это твое решение». Мерзкое чувство. Лучше бы ругали. А так – она будто и для этого не годилась.

Пару дней Леона стойко держалась паинькой. Спала на правом боку, вовремя накладывала мазь, делала лечебную физкультуру. И хранила целомудренность даже с Гамельном в одной постели. Гамельн наблюдал за ней поверх книги со смешинками в глазах.

На третий день что-то в привычной схеме сломалось. Гамельн, сидя в кресле, смотрел фото. Просто смотрел фото. Листал маленький потрепанный альбом. Но столько тоски и печали Леона давно не ощущала. Наверное, с того самого дня встречи у реки, когда Гамельн вернулся. Вернулся к ней. С грузом прошлого на плечах, с горечью настоящего. Леона

верила – они с этим справятся. Должны...

Каждое фото Гамельн обводил пальцами как хрупкие крылья бабочек. Подкравшись, Леона застыла. Она узнала домик в лесу, детей, их будни, игры и совместный обед. Счастливые драгоценные воспоминания, разбросанные крохами-бусинами и собранные горсткой. Крохотной-крохотной – и все равно бесценной.

– Откуда они?..

Гамельн вздрогнул, вскинул взгляд – какой обычно бросают пойманные на месте преступления мальчишки – и сгорбился.

– Забрал у мамы.

– Ты ездил к ба один?!

– Не ездил. Мне передали. Док сказал, когда она смотрит альбом, становится более возбужденной. Начинает метаться по комнате и кричать: «Я сожгла моего мальчика!», – Гамельн спеленал себя руками, явно пытаясь успокоиться. – Я попросил дока привезти альбом мне.

– Но это ведь... неправильно.

– Она больна, Лео. Неизлечимо больна. Я не могу ей помочь, но хочу, чтобы последние дни она доживала в спокойствии и счастье. – Стоило Леоне открыть рот, как Гамельн осадил, напоминая взъерошенную хищную птицу с подрезанными крыльями: – Я знаю, что психбольница далека от рая. Только я не готов снова жить с ней. Не готов. Я ее просто убью.

– Гамельн...

– Думаешь, это легко – жить с сумасшедшим? Думаешь, милосердие и благие намерения спасут тебя от раздражения? От переутомления? От срывов? Ты ошибаешься. Первой начнешь искать поводы сбежать из дома и как можно дольше не возвращаться. Я пережил это на себе, – Гамельн зачесал волосы назад, так и оставив ладонь на макушке. – Дети помогли ей. С одной стороны – они принимали ее как есть, с другой – заботясь о них, мама не чувствовала себя никчемной. Наполнялась смыслом существования. Потом оказалось – это нужно и мне.

Леона кособоко под села к Гамельну, притянула здоровой рукой к груди. Взрослый Гамельн сейчас виделся маленьким мальчиком. Мальчиком, которого недолюбили, с зияющей дырой боли внутри. Леона гладила его по спине и смотрела-смотрела на потрепанный альбом. С открытой страницы ей улыбались Кевин и Сюзен, перемазанные краской.

– Я с тобой, Гамельн. Я с тобой.

Леона наклонилась невесомо Гамельна поцеловать – в лоб, веки, нос и щеки. Гамельн дрожал как перо на ветру. Вцепился в ее запястье. Леона продолжила целовать, говоря-подтверждая так «Я здесь, я с тобой», пока под губы не попало соленое. Леона удивленно отпрянула и застыла. Гамельн плакал беззвучно – и оттого еще более безнадежно-страшно. Гамельн! Плакал! Такого Леона не помнила вообще.

– Знаешь, – Гамельн вытер глаза и часто-часто заморгал в потолок, – иногда мне кажется – я снова в кипятке. Кожа пузырится, лопается. Я кричу, но никто не приходит на помощь. А мать ошеломленно стоит с дурацкой кастрюлей и не двигается. Не паникует. Ничего. Потом вдруг подрывается – кастрюля грохочет, но я уже проваливаюсь во тьму. Сильнее всего я боялся остаться там, в этой тьме. Хотя потом думал – не один раз, – лучше бы остался.

– Дурак...

Гамельн усмехнулся – больше печально.

– Я был всего лишь двенадцатилетним ребенком с ожогами и матерью, мозг которой дал сбой.

– И как ты жил?

– А как ты жила? Я не мегакрутой взрослый, Лео, я просто переживал все то же, что и ты. Что Кевин, что Сьюзен, что Чарли, что Оллин. Именно поэтому я забрал вас. Мы понимали друг друга как никто и никогда на Земле.

Укладывая Гамельна вечером и наблюдая, как тот даже во сне хмурится и как на него давят усталость и напряжение, Леона поняла – пора. Пора идти за детьми.

***

– Мисс! Вы заблудились? – медсестра в голубой шапочке и халате с жирафами доброжелательно улыбалась. И общалась так же.

– Да, заплутала, – Леона теребила пуговицу на рубашке,

импровизируя на ходу. – Не подскажите, где находится детское отделение? Я... мне...

Медсестра вдруг рассмеялась.

– Не смущайтесь так. У нас все новенькие теряются. Одинаковые корпуса – зло, – она заговорщически подмигнула, как будто они заключили договор.

С этим же лисьим настроением медсестра повела Леону по дорожкам, которые расходились солнышком. Дорожки Леона уже исходила вдоль и поперек, пытаясь найти чертов главный вход. Попадались сплошь «черные», «только для персонала» или «только для пациентов».

– Тема с корпусами поднималась не один раз. Чиновники конечно же обещают выделить средства на «благоустройство», но либо обещания развеиваются, либо деньги. Все как везде.

– Угу.

– Вам, наверное, не успели рассказать про информационных помощников? – медсестра остановилась возле стенда с афишей и провела ладонью сбоку, открывая цифровую панель. – Альтернативное решение для всех потеряшек. Подходите, жмете на кнопку, и на экране проецируется, где вы находитесь и как вам попасть в нужный корпус. На карте корпуса подписаны и обозначены разным цветом. Просто выбираете нужный и следуете построенному маршруту.

Она тут же все продемонстрировала, и у Леоны холодок по загривку пробежал. Развитие технологий порой очень пу-

гало.

– Ого.

– Вот и ого! Корпуса покрасить средств нет, а дорожные штуковины устанавливать – пожалуйста! Сюда встроены функции аудиального, текстового и интерактивного прохождения маршрута. Смотрите, запоминаете – и в путь. Редко кому требуется еще один информационный помощник, но в случае необходимости вы можете найти его возле второго корпуса, где памятник. Или обратиться к одному из работников. Ну, не страшно?

Леона на всякий случай помотала головой.

– Вообще-то, я...

– Вау, какая коса! – у медсестры буквально глаза загорелись. Она обошла Леону кругом. – Красота! Первый раз вижу девушку с такой шикарной косой. Сейчас в моде короткие прически или распущенные лохмы. Ой, простите мне мою бестактность.

Леона вздохнула. Кажется, медсестра ей попалась «зеленая».

– Главное, не дергайте за косу. И не трогайте.

– Бережешь? – медсестра снова стала похожа на лисичку и продолжила путь к корпусу. – Это правильно. Я вот свои срезала и теперь жалею. Ни причесок красивых, ни похвастаться. А мы тем временем пришли.

Перед ними выросли и плавно распахнулись двери, за которыми скрывался просторный светлый холл. Может, зда-

ния были не новыми и однотипными, но оборудованы явно по последнему слову техники. Неудивительно, что никто не спешил заниматься «благоустройством».

– До палаты сама доберешься или все же проводить?

С секунду Леона колебалась. Ее явно приняли за пациента, возможно, благодаря руке на перевязке. И, с одной стороны, это вызывало вопросы про систему безопасности – а если бы она террористом была или из тех, кто детей на органы продают? Но с другой стороны – это играло ей на руку.

– Сама.

– Вот и отлично. Если что – на каждом этаже есть вызов дежурного врача.

Леона кивнула и направилась через холл к лестнице, которую заметила благодаря долговязой девчонке с мелками. Дело предстояло нелегкое – найти в здании Сьюзен и не вызвать ни у кого подозрений. На нее и так очень сосредоточенно поглядывали с ресепшена. «Кто эта девица?» – читалось на лицах двух крупье. Такие бы, прежде чем с Леоной заговорить, вытрясли бы из нее карточку пациента или заполненный комплект визитера. И отправилась бы Леона далеко и надолго. С медсестрой ей однозначно повезло.

На шестом этаже – последнем – Леона перевела дух. Прочитала на табличке «ЛОП-отделение». Мда, маханула. Отделение «психических и неврологических расстройств» нашлось на третьем. Для входа требовалось приложить электронный ключ. Черт! Леона школьный-то пропуск дав-

ным-давно посеяла, даже не проверишь.

На лестнице вдруг раздались чьи-то шаги. Леона скосила глаза на лестничный проем и дернула дверь раз, другой...

– Что за буйство, мисс? – голос, обманчиво мягкий, явно принадлежал немолодому уже мужчине. У Леоны потскользнул по загравку. – Не волнуйтесь. Вдох-выдох, вдох-выдох, вот так, – мужчина задавал руками такт, а потом легонько надавил на солнечное сплетение и как бы сместил вверх. По телу Леоны от этого разлилось странное-странное спокойствие. – А теперь попробуйте потянуть дверь на себя. Ну как, получилось?

Леона таращилась на легко поддающуюся дверь как на восьмое чудо света.

– Получилось...

– Эгрегиэ. Как себя чувствуете?

– Н-нормально.

– Прекрасно-прекрасно. А это что? Прорывались с боем? – мужчина в белом халате обошел Леону кругом и приподнял руку указательным и средним пальцами.

– Это случайно.

– Ага-ага. Натуралис фортуйти. Но этим мы займемся позже. Я доктор Найджел. А как ваше имя, мисс?

– Ле... – Леона вовремя прикусила язык и решила дальше изображать здешнюю пациентку. – Каким назвали!

– А вы не слишком откровенны, – доктор Найджел почему-то довольно улыбался. – Но ничего, привыкнете, тогда и

познакомимся нормально. Откуда вы к нам?

– Из дома, – Леона набычилась, не зная, как избавиться от навязчивого докторишки с гривой темных волос и усами.

– Понятно-понятно. Что ж, не буду вам больше докучать. Сегодня, – доктор Найджел сделал акцент на слове. – Обустраивайтесь, найдите себе уголок и при желании – занятие по душе. Главное, соблюдайте личные границы других.

Доктор Найджел указал рукой на широкий светлый коридор, с одной стороны которого тянулись большие окна с удобными подоконниками, а с другой – ниши с диванами, цветами и книгами. И с одной, и с другой стороны мелькали фигуры разновозрастных детей. Пожалуй, санаторий и правда был хорош. Если только здесь не лечили транквилизаторами.

Доктор Найджел, не дождавшись никакой реакции, ушел к самой первой палате. Поздоровался по пути с девочкой, скрутившейся на подоконнике, и похвалил ее за гибкость таинственным «эгрегиэ». Леона заметила еще двоих ребят, оккупировавших диваны и... грызущих ногти на ногах. Все, что естественно, не безобразно, но не прилюдно же!

Леона передернула плечами и подкатила к более разумному, как ей показалось, собеседнику – девочке-гимнастке.

– Эм, прости, ты знаешь девочку по имени Сьюзен?

– Ту, которая за карандаш убить готова? Карандашом, хихи, – девчонка чуть колесом не свернулась. – Конечно, знаю. Она така-а-ая странная. Все время где-то шляется, а если не

шляется, то рисует. Хотя и на улице она тоже рисует. Найджел выносит ей такую шту-уку на ножках. Я такую раньше только в кино видела. Так вот, док ей выносит, и эта чувырла часами возле нее стоять может! И все что-то малюет и малюет, малюет и малюет, сил нет!

Девчонка за время тарактения раз десять сменила позу, выкручиваясь в такие узлы, что Леона вот-вот ждала хруста костей, но ничего не хрустело.

– А где-нибудь можно посмотреть на ее картины?

– Где-нибудь? Ха-ха! Да она всю комнату завесила, ненормальная! То есть это не комната, а палата, но док просит называть «комната», срубаешь? Так во-от, все стены завесила – и ладно бы зверушками. Я вот зверушек люблю, а ты? Но у нее все картины одинаковые, о-ди-на-ко-вы-е! – девчонка спрыгнула с подоконника и потопала к одной из дверей. – Когда я чувырле об этом сказала, она меня чуть не убила! Воткнула свой карандаш прямо сюда, ага, – она похлопала себя по плечу. – Хорошо, я ги-и-ибкая, выгнулась. А вот так бы Хана ляпнула чего – и без руки ходила бы! Но Хана не ляпнет, у нее языка нет. Вот, смотри.

Леона за трескотней почти забыла, зачем она здесь, и приготовилась лицезреть девочку без языка, но вместо этого погрузилась в прошлое. Нереальное, забытое, родное. На картинах безошибочно угадывался домик в лесу. Сюзен старательно изобразила его с разных ракурсов, воплотила каждую комнату-отсек, каждую вещь, шершавые стены и полы,

усеянные тряпками и газетами. Сердце заныло. Захотелось рвануть туда прямо сейчас. Наплевав на все. Открыть заколоченную дверь, лечь, слушая Дом и воспоминания. Навести порядок и привезти туда Гамельна – с закрытыми глазами (сюрприз ведь!), сомневающегося, но не забывшего. И затаенно ждать реакции. Оглушенно-ошеломленной. Гамельн, возможно, разозлится, возможно, будет плакать, возможно, оттолкнет Леону, а возможно – поцелует. Это будет самый лучший поцелуй за все время – среди запаха травы и досок, среди дурмана прошлого и реального. И после этого Леона привезет в домик в лесу повзрослевших детей.

– Эй, ты че плачешь? Над каляками чувырлы? Серьезно?! Ну ты и стра-а-анная, – девчонка на этот раз села на шпагат и тянулась то к одной ноге, то к другой.

Но Леоне до нее уже не было дела. Она выскочила из палаты, бегом спустилась по лестнице и через отражающий эхо холл оказалась на улице.

Долговязая девчонка сидела на корточках и старательно рисовала цветы – красные, желтые, голубые... Леона присела рядом, взяла огрызок оранжевого мелка.

– Мы будем помнить, – и нарисовала рядом с цветами подобие домика.

Сюзен посмотрела на нее без удивления, словно заранее знала и ждала, и с улыбкой спросила:

– Как думаешь, Гамельну понравится?

– Очень.

***

Сьюзен осталась в санатории. Выслушав Леону, она сама сказала: «Я подожду. Здесь мне хорошо. Доктор Найджел спас меня». От такого мурашки табуном по спине побежали. Девочки тринадцати лет не должны быть настолько мудрыми.

По дороге к своей следующей цели Леона вспоминала их разговор со Сьюзен. И невольно думала, как ей повезло с мамой! Элизабет поняла послание Гамельна, пережила подростковый бунт Леоны и стала тем другом, которому можно рассказать обо всем!

Мама же Сьюзен вывернула все наизнанку – и после того, как была дочь за малейший проступок, стала ее залечивать. А у Сьюзен поднималась температура под сорок просто от присутствия мамы рядом. По каким только больницам и обследованиям ее не возили! Какие только диагнозы не ставили!

Хорошо, есть такие врачи, как доктор Найджел, видящие насквозь, а не жопой. По рассказу Сьюзен, он «заговаривал маме зубы», давая шанс остаться в санатории подольше и просто жить. «Ваша девочка идет на поправку, но все еще нестабильна». В случае необходимости Сьюзен разыгрывала спектакли: металась по кровати, вопила на разные лады или падала в обморок. Отличный план! И все-таки визиты мамы в последнее время участились. Похоже, она ждала

результата от кучи бабла, которое вбухивала на лечение.

Напоследок Леона сфотографировала рисунок мелкими и сделала со Сьюзен селфи, обещая показать Гамельну. Не хотелось расстраивать девочку. В конце концов, Гамельну она рано или поздно обо всем расскажет.

***

Идея с домиком в лесу свербила мозг, но, увы, следовало поостеречься. Нужно было обставить все так, чтобы никто и думать не посмел на Гамельна. И, конечно, решить вопросы с документами и образованием для детей. Как бы Гамельн ни давил «холодной взрослой рассудительностью» – и Леона не дура. Она знала, хорошо знала: законы очень гибки. Пара вариантов, как обойтись малой кровью, у нее уже были на примете.

А пока ее ждало новое испытание. Леона кивнула сама себе и застыла. Частная школа Шабатона выглядела настолько пафосно и помпезно, что тошнило при одном взгляде на нее. Вся чистенькая, белая с золотыми вензелями и гербом. Окруженная каменным забором. Колючей проволоки по верху только не хватало.

Литые ворота с тремя камерами по бокам и магнитной калиткой намекали, что хренушки еще в этот ад попадешь. Леона потопталась, пригладила волосы и решительно подошла, нажимая на кнопку видеофона.

– Вы по какому вопросу? – мужской голос цербера полос-

нул металлом.

– Я хотела бы подать документы.

– Вам назначено?

– Э, нет. А разве надо?

– Директор принимает только по предварительной записи.

На сайте все есть. Телефон там же. Заполните по форме – тогда и приходите.

– Погодите-погодите, я что, зря тащилась через пол...

Сухой щелчок дал понять, что связь закончена. Черт! Позвонить еще раз? Леона подозревала: жалости у мужика не появится. А вот желание выйти и «объяснить по понятиям» очень даже. Леона пнула калитку, подергала в разные стороны, но чуда, как в санатории, не случилось. Калитка не поддавалась ни на миллиметр. И как теперь быть? Ждать окончания занятий? На каникулах в этой пафосной школе проводились кружки и секции. Добровольно-принудительные.

Леона вычитала инфу из отзывов в интернете. Одни называли школу «вершиной», другие «достойным учебным заведением», третьи обливали говном. Третьим, как правило, было больше всего веры. Но мамаша Чарли явно ориентировалась на «все самое лучшее». И вместо игр на улице таскался пацан в каземат. Где все смотрят свысока и пальцы гнут.

Дождаться его после занятий, может, и выглядело разумно, только Леона не знала, насколько Чарли изменился, и надеялась найти его в списках распределения по секциям и кружкам. Затем прокрасться к нужному кабинету – и ловить

прицельно.

Леона двинулась вдоль забора. Сколько ей ждать? Нужно было успеть вернуться к приходу Гамельна, изображая пайдевичку, которая лечится дома. После нескольких дней отдыха и мазей плечо правда чувствовало себя лучше. Но Гамельн «выползание в свет» все равно не одобрил бы.

Перед Леонкой вдруг спикировала сумка – кричаще ярко-зеленая. Какой-то ученик перелезал через забор: занес ногу, нащупал опору и спикировал вниз. Все это он явно проделывал не первый раз. Отряхнувшись и развернувшись поднять сумку, парень замер и волком зыркнул на Леону, а затем неожиданно замахнулся.

– Эй-эй, полегче! – Леона перехватила летящий в нее кулак. – Убирать свидетелей – крайняя мера. Нужно либо драпать, либо договариваться.

– Простите. Перепутал. Мама студентку приставила – та на днях тоже руку сломала. Какая досада. Заебала.

– Да тебя, похоже, все заебало, – Леона кивнула в сторону школы. – А с мамой говорить не пробовал?

– С ней наговоришься, когда она за весь год даже месяца дома не проводит. Зарабатывает. Пашет. На сыночка любимого. «Я ради тебя!». В школу эту говенную определила, рукой помахала, щелк-щелк – и свалила в аэропорт. Заебала.

– Оу. Не хочешь сделку?

Парень ощутимо напрягся.

– Какую?

– Я нанимаюсь вместо той студентки – и делай че хочешь.

– С хуяли такая щедрость? Я в благотворительность не верю, – парень вцепился в ремень сумки, словно собрался ей, сумкой, обороняться.

– Ты напоминаешь мне меня, – Леона пожала плечами. она не врала.

– Спасибо, я как-нить сам. Доверие дорого стоит, – пацан развернулся и зашагал прочь.

С его сумки на Леону смотрели крысы, бегущие по изогнутому нотному стану. Ничего себе выбор.

– Любишь сказку про Гамельнского крысолова? – Леона крикнула наугад, даже не надеясь на ответ. Но пацан как запнулся.

– Хочу, чтобы он пришел за мной и забрал в другой мир. Этот слишком отстойный. И заебал.

– Чарли? – Леона спросила тихо. Парень не двигался. И молчал. – Не хочешь поиграть?

– Я уже не ребенок, – парень отмер и ускорил шаг.

– Это очень интересная игра! У нее много вариантов, и чтобы выиграть, нужно быть хитрым, как лиса! – Леона орала чуть не на всю улицу. Но парень не остановился, даже не вздрогнул. Ну и нафиг.

В «Саймон говорит» они играли все вместе, когда жили в домике в лесу. Весело проводили время дни напролет.

Леона цыкнула и развернулась в другую сторону. Значит, показалось. Не повезло. Бывает. Настроение резко испорти-

лось. Возвращаться к воротам и караулить незнамо кого уже не тянуло. Домой, скорее домой. Наведается в следующий раз.

Запыхавшийся хриплый выкрик настиг ее, когда Леона уже поджидала автобус:

– Саймон говорит: стой! Саймон говорит: обернись!

Чарли – точно он – смотрел на Леону с болью и надеждой. Леона посмотрела в ответ и протянула руку.

– Прости, у меня нет гвоздики, но если хочешь – пойдём со мной.

Желтые гвоздики Гамельн оставлял на местах, откуда увозил детей за собой. Прочь от жестокого мира. Это был один из ярких знаков, по которому разрозненные исчезновения связали между собой. Другой – то, что всех похищенных детей воспитывали матери-одиночки. И никто из них не справлялся.

Чарли вцепился в ладонь Леоны как утопающий.

***

– Матери еще неделю дома не будет. – Они сидели в парковом открытом кафе за дальним столиком, и Чарли показывал чудеса дипломатии. – Я так надеялся, что уж эти каникулы мы проведем вместе, поедem на море! А она запихнула меня в гребаную элит-школу. До начала учебного года далеко – никто шухер не поднимет. А если поднимет – пожалуюсь на преподав и скажу, что занимаюсь дома. Она по-

верит. И позволит мне эту «маленькую вольность». Она мне почти все позволяет. И все покупает. Но мне не нужно от нее ничего, кроме самого главного.

– Любви?

– Как ты догадалась? – Чарли желчно скалился, притворно прикладывая ладонь к груди. – Мать как чокнулась, ничего не слышит и не замечает. Я живу один в здоровенном доме! Это нормально?!

– Для кого-то это – предел мечтаний, – Леона вновь задумалась о тесной квартирке Гамельна и переезде.

– Вот и мои бывшие однокашники люто мне завидовали, а я мечтал поменяться с ними местами. Согласен был и с Роханом, у которого папаша пьет, мамаша фанатично верующая, а в тесной квартирке еще пять чумазных ртов. Уже все равно, когда от тоски на стенку лезешь. Поэтому в свой дом я не вернусь. Что хошь делай. Бей, насилуй – не вернусь.

– Ты за кого меня держишь?! Но, Чарли, все не так просто, как тебе кажется.

– У меня есть свой счет в банке и наличка припрятана. А в камере хранения – сумка с вещами.

– Как-то у тебя все подозрительно продумано...

Чарли сдунул челку, наползающую на глаза.

– Заебало все, сбежать думал.

– А тут я? – Леона прищурилась.

– А тут ты, – Чарли безмятежно отправил ложку десерта в рот. – Но замечу, это ты меня искала. Вот и неси теперь

ответственность.

– Ишь какой.

– Какой?

– Успел привыкнуть, что все по щелчку пальцев решает-ся? По одному твоему слову? К Гамельну я отвести тебя не могу – не хочу ставить его под удар. Не глупенький, понима-ешь, к кому полиция первым делом наведается. И куда мне тебя девать?

– А к себе? Или ты на улице бомжуешь?

– У меня мама... повторно выходит замуж и ждет ребенка. А на ровесника моего ты никак не тянешь, чтобы сойти за друга, которому срочно нужен приют и кров.

– А обязательно быть твоим ровесником, чтобы быть тебе другом? Тогда и с Гамельном ты дружить не можешь.

– Гамельн... это другое.

– Да просто признай, что не хочешь им делиться, – Чарли поморщился. – А визит в школу просто способ эго почесать. «Я смогу всех найти, я крутая». А на самом деле ты – ссыкло. Гамельн пришел и сразу забрал меня. Не ждал, когда звезды сложатся.

– Эгоист тут ты. Гамельну было куда тебя отводить, мне пока нет. Пока.

– Нахуя тогда ты пришла? Играть предложила, руку про-тянула? Нахуя? Весело это – подразнить, а потом свалить в туман?

– Чарли...

– Заебало, – Чарли поднялся из-за стола и потянул за собой сумку. – Спасибо за фуфловые обещания и пустые разговоры. Больше не приходи.

Чарли махнул рукой и затопал к выходу. Леона выматери-лась: уж она знала цену таких детских слов.

– Подожди! Да стой ты! Саймон говорит: стой!

Чарли застыл у самого порога, давая Леоне последний шанс.

– Чтобы выиграть, нужно быть хитрым, как лиса.

***

Идея была сомнительной и откровенно говоря херовой. На беременных вообще можно вываливать такое? «Привет, так и так, я решила похищать детей, да-да, тех самых детей». Отличный подарок к предстоящей свадьбе! А вдруг она перенервничает и выкидыш случится? Элизабет немолода уже все-таки.

Леона дала себе отсрочку, по телефону предупредив только, что придет не одна, а с другом, и попросила, чтобы Рудольф «отправился погулять». Хотя, может, стоило наоборот всем вместе это все обсудить? Но уже было поздно ловить заброшенный мяч. Они с Чарли тряслись в метро. Чарли слушал музыку и пялился в окно. Леона пыталась листать комикс на телефоне, но лишь скользила взглядом по картинкам, так и не вникая в суть.

На каждой остановке хотелось выскочить из поезда и где-

нибудь затаиться-затеряться. В строгих мужчинах, кидающих на них взгляд, виделись полицейские. Леона всем нутром ждала вопроса: «А куда это вы едете, молодые люди?» Несколько раз казалось, что звонил телефон, – но даже в «Вотсапе» царила тишина. А если попросить кого из своих о помощи? У Томаса большой дом, он постоянно звал к себе кого-нибудь на ночевку, неужто откажет? Или вот семья Рут владела гостиницей, ведь выделит комнатку? Леона одергивала сама себя. Да что с ней? Сердце просто стучало как ненормальное. Вроде ничего подлого не затевала... Кроме похищения несовершеннолетнего.

Из всех «слезливых историй» они с Чарли сошлись на правде. Почему же так колотило, словно в лихорадке? Вот и верь после этого формулировке «совершить преступление – легко».

К своему дому Леона подходила на полусогнутых. Ее всю трясло. На лбу выступил пот. Леона задушила порыв развернуться и сбежать и решительно открыла дверь. Элизабет порхала на кухне – вкусно пахло цыпленком-табака, – но среагировала на замочный щелчок сразу же:

– С возвращением и добро пожаловать!

Леона очень пожалела, что сейчас не зима – и нельзя потянуть время с переодеванием. Но руки она мыла с особым старанием: управляться одной конечностью не так-то легко! Чарли молча скинул кеды и следовал за ней. Только его давящий тяжелый взгляд Леону и подгонял.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, угощайтесь, – Элизабет накрыла на стол, и бегство в собственную комнату казалось верхом невежества. – Ох, Лео! Что у тебя с рукой?

– А? Упала неудачно. С эскалатора.

Мама покачала головой.

– Будь осторожнее. Лекарства купила? А мазью мазала? А ниточкой запястье перевязывала?

– Да-да... А ниточка зачем?

– Чтобы боль на себя утянула, – Элизабет ненавязчиво подложила Леоне еще порцию, и та безнадежно прикинула, что лопнет.

– Где ты такое вычитала вообще?..

– Старинный обряд, – Чарли подал голос так неожиданно, что вздрогнули и Леона, и Элизабет. – Ба так делала. Еще шептала что-то над веревочкой и плевала. Помогало, как ни трешово звучит.

– Ох, мы же не познакомились. Я – Элизабет Снайдер. Правда, скоро у меня будет другая фамилия... Можешь звать меня Бетти, – мама улыбнулась и протянула Чарли свою узкую ладонь. – А как тебя зовут?

– Чарли Маккой, – Чарли спокойно и чинно пожал мамину ладонь.

– Очень приятно! Чувствуй себя как дома.

– Ма, к слову об этом... А можно Чарли у нас поживет?

– Поживет?

– Он заплатит. Просто его мать работает двадцать четыре

на семь, и ему не хватает семейного общения, – Леона выпалила и подумала: надо было прикусить себе язык. Или побольше репетировать.

– Бедный ребенок, – мама потянулась погладить Чарли, но тот отшатнулся.

– Не надо меня жалеть. И строить добреньких, если я здесь нахер не сдался. Я не тупой и не слепой. Вы тут семью новую строить пытаетесь, а является хрен с горы и внимания требует. Даже если я буду тихо сидеть и не отсвечивать, я буду вам мешать. Просто потому, что чужой. Хотя вы и при дочке вряд ли милуетесь с будущим мужем. Неприлично же! Неудобно... Я ведь прав?

У Элизабет улыбку как смыли.

– Прав. Про все прав. С другой стороны – я тоже не тупая и не слепая. Шесть лет назад ты ведь так же был похищен Гамельном? Твоя мать, кажется, держала тебя под колпаком. А теперь решила запереть в элитной школе?

Леона чуть не поперхнулась косточкой. Чего-чего, а такой пронизательности она от Элизабет не ожидала.

Чарли стиснул пальцы на столешнице.

– Можно и так сказать. Я стал волен выбирать себе клетку, где у меня есть все...

– Кроме самого главного, так? Хотя, поверь, твоя мама тебя любит, по-своему, так, как ей кажется лучше для тебя. Ты бы поговорил с ней, прежде чем...

– А я будто не пытался! – Чарли буквально выплюнул эти

слова. – Я ей напрямик говорил: мне это не надо, ма, пойдём в парк, купим мороженое... Так она отвезла меня в ресторан, заказала вазочку с тремя дурацкими шариками, которые по вкусу напоминали мыло, а сама болтала по телефону, договариваясь об очередной суперважной встрече.

– Тяжелый случай... Но лечится со временем. Правда, к тому моменту уже может быть поздно... – Элизабет вздохнула и переключилась на нарочито бойкий и деловой тон: – Что ж, не могу обещать тебе любви, но позабочусь как смогу. Мы с Руди потихоньку обустроиваем дом побольше, поэтому о моей личной жизни не беспокойся.

– Обустроиваете дом?! А как... когда...

– Дома чаще бывать надо, – в голосе мамы так и сквозили ехидство и ирония. – Я не хотела говорить, пока мы все не закончим, но ладно уж. А теперь, Чарли, не мог бы ты оставить меня с дочерью наедине?

Чарли тут же поднялся и через минуту вышел на улицу.

– А он не уйдет?

– Нет, – мама хранила безмятежность. – Он оставил здесь свою сумку.

– Ты по ней догадалась?

Элизабет отпила чай и обронила как фразу о погоде:

– По Гамельну. Ты ведь это ради него?

– А... э... но...

– Я его сразу узнала. По взгляду. У него взгляд хищной птицы. Сначала я испугалась, признаться, но потом увидела,

насколько ты счастлива, и не стала вмешиваться. Он не учил тебя ничему плохому. Наоборот – учил тебя быть человеком свободным, смелым и сильным. Лучшего для своей девочки я и пожелать не могу, – Элизабет взяла ладони Леоны в свои и прижала к груди.

Леона чувствовала себя растерянной. Это получалось – она тупая и слепая?! Старалась спрятать то, что давно у всех на виду. Ну приехали. Элизабет осторожно притянула ее к себе, глядя по спине.

– Прости, что не говорила с тобой об этом раньше. Теперь уже о другом надо... Я вижу, насколько ты в него влюблена и какие только горячие импульсивные дела ни готова совершить во имя этой любви. Я знаю, какая она – первая любовь. С запахом свежих пробивающихся почек, с реками, выходящими из берегов, с неверной почвой под ногами. Не скажу, что я в диком восторге от того, что моя дочь любит мужчину, который мало того, что старше, так у него еще и тюрьма за плечами. Но именно этот мужчина открыл мне глаза, позволил нам с тобой сблизиться.

– И ты так легко это все принимаешь?

– Честно? Как только я заметила твой мечтательный взгляд, устремленный на Нельсона, хотела отвести тебя к психологу. Или увезти куда-то подальше... Но меня отговорил Руди. Сказал: ты начнешь меня ненавидеть. Это меня испугало сильнее, чем твои предпочтения.

Слова где-то затерялись. Прежний мир разбился на кусоч-

ки и собирался заново. С обновленными деталями. Все-таки это слишком!

– Мне надо... посидеть в темноте.

Леона, шатаясь, поднялась и как пьяная двинулась по коридору. Легла на кровать в своей комнате. Зажмурила глаза. За веками кружили знакомые лица и диалоги-диалоги... Как она упустила столько важного? Все экзамены эти. Мозги наизнанку вывернули!

– Просто когда влюблена, весь остальной мир уходит на задний план, – Элизабет тихо проскользнула в комнату и устроилась с краю кровати. – А теперь ты пытаешься весь мир догнать и перегнать. Что делать с мальчиком-то?

Леона застонала. Можно она поспит, а? И проснется в той реальности, где все проблемы уже решены. Она зарылась носом в подушку, но Элизабет недвусмысленно прокашлялась. Пришлось откапываться из гнезда. И садиться, притянув колени к груди. Пробубнила ответ Леона тоже куда-то себе в колени.

– Что-что?

– Это не импульсивный порыв. Я, вообще-то, просто хотела их проведать, но... – Леона нахохлилась и выпятила губу.

– Их?

Язык – враг ее!

– Детей. Повезло только нам с тобой. У остальных все осталось так же, если не хуже. Я был в больнице у Сьюзен – ее мамаша ударилась в гиперопеку.

– А еще двое?

– Кевин умер, когда Гамельн сидел в тюрьме, до Оллин я еще не добралась.

– В такие минуты вспоминается сказка про хрустальное королевство. Все там жили в любви и согласии, но злой человек решил, что такого не бывает, и кинул камень. И хрупкое королевство разбилось.

– Похоже на то, – Леона горько усмехнулась.

– А ты хочешь собрать все осколки обратно? И склеить? – Элизабет походила на любопытную птичку. На девочку, которая верит в чудеса и сказки.

– Для начала нужны рама и клей. А Чарли, он в буйном возрасте, потребовал все и сейчас. Ну и вот результат.

– Дальше будет сложнее, – Элизабет осторожно погладила Леону по коленке. – Я помогу чем смогу, но, прошу, не лезь в криминал.

– Хорошо, ма... И спасибо.

Нужно было им почаще устраивать такие беседы по душам.

На дом медленно опускался вечер.

***

– И где тебя носило? – Гамельн не вышел ее встречать, но оккупировал кресло в гостиной, напоминая пафосного злодея. Только кошки на коленях не хватало.

– Да я... выбегала воздухом подышать на полчаса.

– Лео, я дома уже два с половиной часа.

– Да? Как время-то летит, – Леона подергала ворот платья, пряча нервозность.

– И где же ты гуляла, что аж пришлось на метро ездить?

– Ч-что? С чего ты взял?

– У меня с карты списались средства. Помнишь, у тебя приложение глючило, поэтому мы решили, что деньги на проезд будут списываться с моей карты, а ты мне отдаешь наличкой.

– Черт, – Леона уставилась на ножку кресла.

Точно! Обычно Леона давала Гамельну деньги в начале месяца, но чередка экзаменов, выпуск... А остаток закончился. И все из-за Чарли!

– На какие подвиги тебя на этот раз потянуло?

– Да к маме я ездила!

– Может, тебе к ней переехать обратно?

Леона засопела. Умел Гамельн надавить на больное. Она и так грузилась по поводу, что большую часть проблем повесила на маму, а тут еще... Стоп. «Переехать»? Леона вскинула голову – Гамельн улыбался хитро-хитро. Разрывало желанием въехать ему и обнять.

– Вы что там успели наобсудить за моей спиной?

– Не больше, чем успела ты, – Гамельн похлопал по подлокотнику кресла, а Леона застыла. – Все ей выдала или часть оставила про запас?

Понять бы еще, о чем Гамельн говорит! Об их отношени-

ях и как далеко они успели зайти? О клубе «Рахум»? О соседке в кигуруми единорога? О встрече с Вивиан и ее муженьком? Или... Он и про детей уже в курсе?!

– Все... Это плохо?

– Было бы плохо, ты бы не вернулась. Тебя бы как минимум заперли, а как максимум – поместили бы в клинику.

Леона потопталась на месте, боясь долго смотреть в умные и пронизательные глаза Гамельна. Похоже, речь все же про отношения и произошедшее на кухне.

– Как ты понял?

– Это очевидно. Тебя переполняло. В такие моменты либо признаешься, либо прячешься от самой себя. Второе – не для тебя. Больше не для тебя. Я потому и не звонил, хотя тебя дома явно больше трех часов не было.

Леона рухнула к Гамельну на колени и зарылась пальцами в волосы. Сгорбилась, раскачиваясь. Не хватало еще какого-нибудь завывания на фоне.

– Ну-ну, ты все уже сделала. Импульсивно, толком не обдумав, но сделала. Чего теперь-то жалеть?

– Я не... – Леона неожиданно даже для себя всхлипнула. – Не жа-жа...

– Ага, я понял, – Гамельн потянул Леону на себя, и она уткнулась носом в футболку, пахнущую свежестью. – Львенок...

От этого «львенок» Леону прорвало как водопровод. Гамельн вздохнул, а дурацкие слезы текли и текли! В банде бы

шутканули насчет пмс и беременности, но это точно не ее случай! Смешалось в кучу прошлое, настоящее, упущенное и приобретенное. «Ты просто не хочешь им ни с кем делиться». Да, она не хотела, не хотела, черт возьми! Была бы возможность – держала бы Гамельна под замком. Глаза бы выколола всем, кто на него смотрит. Стерла бы все чужие касания, даже случайные. Гамельн ее, ее!

Но почему же она фанатично стала искать тех, для кого Гамельн – бог? Кто занимает место в сердце и душе Гамельна ничуть не меньше, чем Леона? Неужто и здесь Чарли оказался прав? «Захотела почесать свое эго». Леона помотала головой. Ведь это неправда! Неправда же?.. Леона всхлипнула еще пару раз, затихая. Расширила глаза. В голове царил кавардак.

Разговор про детей начал не Гамельн. Они жили вдвоем и жили, никто им не мешал, нотаций не читал. С чего Леона решила ворошить прошлое? Да так, что забить-забыть уже не получалось. Ответ лежал где-то очень, очень близко.

– Ты перенервничала, Лео, устала. Пойдем, умоешься и спать. Или комедию какую поставить?

– Гамельн! – Леона едва не подскочила. – А если бы моих ребят, ну, взяли в заложники... Тьфу-тьфу-тьфу, конечно, но однажды Дороти группировка мудилы полдня взаперти держала! Ну, чтобы меня выманить и из себя вывести. Мы им накостыляли, конечно. Так вот, если бы их всех взяли в заложники, и я бы не могла справиться одна, что бы ты

сделал?

– Неожиданный вопрос, – Гамельн стиснул пальцы на спине. Леона чуть сильнее, чем раньше. Напрягся. – Но ответ прост: вместе с тобой продумал бы план, как их освободить.

– И зачем тебе это? Они ведь для тебя никто.

– Зато для тебя они семья. Этого достаточно, – Гамельн сказал как отрезал. – Ты бы явно была сама не своя. Как и в случае, если бы мы просто-напросто вызвали полицию. Разумность и логика – не путь гопоты. Вот оббежать полгорода и без подмоги ринуться на толпу парней с арматурами – другой разговор. Когда ты не пожалела ни времени, ни сил, чхла на безопасность – вот это демонстрация дружбы. А не просто на кнопку вызова нажать. Хотя мотив одинаков, способ реализации имеет значение.

– Почему ты такой умный, Гамельн?

– Я просто старше. Поживешь с мое... Но правда в том, что ты и без меня это все знаешь.

Леона утерла нос и кивнула. Знала. Только забыла. Напридумывала лишнего.

– Спасибо.

– Да так-то не за что.

Леона ткнула его в грудь и слезла с колен.

– До работы когда доберусь – отдам за проездной. И за коммуналку. И вообще – нам нужно вести общий бюджет.

– Какая серьезная, – Гамельн улыбался, как улыбаются на детские перлы.

– Я серьезно!

– Я в курсе. Но давай поговорим об этом, когда ты поправишься. На тебя сейчас и так много чего навалилось.

– Ты подозрительно добрый...

– Я подозрительно расчетливый и коварный. На данный момент с тебя и монетки не стрясеешь, так что... Не пыхти, иди умойся.

– Вот и не пойду.

– Ну и ходи зареванная, мне-то что.

У кого-кого, а у Гамельна в роду точно были лисы!

***

Леона валялась на постели и читала комикс. Очень захватывающий! Там были люди-мутанты, жестокость человеческих экспериментов, дилеммы добра и зла, противостояние дружбы и предательства. Первый томик она прочла быстро и полезла за продолжением. Спасибо сменщику по работе, который подсказал дельное приложение.

Ради исключения Леона показательно и примерно отлеживалась дома. Обдумывая коварный план: как выпытать у Гамельна про Оллин. Перебрав множество дурацких вариантов, решила полистать комикс, который не осилила во время похищения Чарли. Одним глазком глянула, ага. А в итоге и в туалет, и на кухню – все наощупь, потому что как оторваться-то!

– Ого, внезапно, – Гамельн навис сверху, загоразивая

страницу. – Ты хоть бы оделась.

Леона скуксилась.

– Дай дочитать, там немного осталось.

– Ага, еще каких-то три выпуска.

– Ты читал?

Гамельн неопределенно пожал плечами.

– Приходилось.

– И чем там закончится? Кто победит? Мутанты смогут жить нормально?

– Люди-то не всегда нормально живут, о чем ты. Все непросто. И неоднозначно. Читай – сама поймешь.

Гамельн отодвинулся, а Леона из вредности досмотрела до конца страницы и отложила телефон.

– Потом. Вместе с тобой. После того, как ты меня накормишь.

Гамельн скрестил руки на груди.

– Твоя наглость не знает границ. Это, вообще-то, я пришел с работы и нуждаюсь в заботе.

– Ну вот и о себе позаботишься заодно. В чем проблема?

– Лео, – Гамельн приблизился хищно, и у Леоны по низу живота скользнул невидимый шарик. – Не перегибай. И оденься.

Он снова отодвинулся, а Леона с сомнением оглядела себя. Чем Гамельну лиф с шортами не угодили? Солнце сегодня разошлось, и в футболке она вспотела как мышь. А шорты вполне себе норм – широкие и белые с красными встав-

ками. Леона потеряла ткань и заметила с внутренней стороны бедра здоровенный синяк.

– Хм, а это я где себе набить успела? Эби-Дороти, что ли, постара...

Гамельн буквально впечатал ее в спинку кровати, намотав косу на кулак. Он целовал до поджатых пальцев на ногах, до разрастающегося шара в животе, ухающего ниже и ниже, давящего больше и больше. Задрал лиф и сжал грудь так, что Леона стала натянутой струной. И Гамельн играл, играл на ней свою песню.

У Леоны перед глазами плясало, когда Гамельн оторвался на миг – хищный и притягательный – и стянул с себя футболку. Леона едва не заскулила. Ожоги, покрывающие грудь и живот Гамельна, напоминали красиво извивающихся змей. Гамельн толком не дал рассмотреть, налетая опять. Переходя поцелуями на шею, втягивая кожу губами. Дальше – на грудь. Ладони его прокрались между ног и оглаживали внутренние стороны бедер. Леона задыхалась и немного умирала. Кто ж так с живыми людьми поступает? Кожа зудела. В трусиках стало мокро.

– Это все... обязательно? – слова высвистывались.

Гамельн надавил ладонями под коленями, разведя ее ноги шире, и прижался так, что она почувствовала, насколько на самом деле он возбужден. Леона стукнулась головой о спинку кровати. Закусила губу. Пожалуйста-пжалуйста-пжалуйста. Уже слишком много всего. Пусть она кончит и...

– Тебе подавай всего и сразу, львенок? – Гамельн начал покачивать бедрами, и Леону едва не замутило: внизу живота распирало тугим комком. – И желательно быстро, чтоб не успеть смутиться? Какая наивность.

Через пару мучительных, искрами прошибающих притираний Леоне можно было готовить в морге кушетку. Она вцепилась в руки Гамельна, зажмурилась. Гамельн, глазами выпивающий душу, – зрелище не для слабонервных! Гамельн вообще человек?

Когда между ног сгустился невероятный жар, Гамельн резко прекратил всякое движение. Леона возмущенно заскулила. Ну кто так издевается? А вот приоткрывать один глаз не стоило. Гамельн, отодвинувшись, хищно провел языком по верхней губе и потянул Леону за ноги, распластывая по кровати. Леоне совсем, вот совсем не нравился подобный расклад! Внутри орало сиренами. А можно на стоп нажать? А можно перемотать?

– Уже нет, Лео, уже нет.

Гамельн рывком стянул с Леоны шорты с трусами. И так, чтобы она окончательно съехала с катушек, совершенно поблядски стянул штаны с боксерами с себя. Ой-ой-ой-ой. На это точно можно смотреть? Это законом не запрещено? Гамельн выглядел потрясающе.

– Слюной не капай, львенок. Все впереди.

Гамельн раскатал на себе презерватив, и Леона упустила момент, откуда он его достал. Сглотнула вязкую слюну.

Мышцы напряглись камнем.

– И потише. Тебе будет не очень приятно, но я постараюсь быть нежным, – Гамельн похлопал по внутренним сторонам ее бедер, намекая, что ножки можно расставить пошире, и оценил взглядом позу так, что сбежать захотелось.

Не отрывая от нее взгляда, он принялся ласкать ее пальцами. Прямо сейчас в жизнь воплощались сокровенные фантазии. В реальности это ощущалось куда ярче, чем представлялось. Движения по началу нежные становились все быстрее и напористее.

Чем дальше – тем ярче организм реагировал. По телу прокатывалась теплая-теплая волна. Легким скольжением. Вроде была, а вроде и не было. Леона застонала протестующе-вызывающе и выгнулась, пытаясь поймать больше ощущений.

Поймала, нечего сказать! Гамельн с рыком приподнял ее бедра и вошел плавно – едва ли на головку. Леона задышала чаще, уговаривая себя не паниковать. Гамельн убрал мокрую челку с ее лица, поцеловал медленно, вдумчиво. И среди томности поцелуя первый мягкий толчок был едва ощутим. Но Гамельн толкнулся вновь, в этот раз сильнее, и Леона, почувствовав легкую боль, сжалась.

– Тише, львенок, – прошептал Гамельн ей на ухо. – Потерпи.

Со следующим толчком боль полоснула острой вспышкой, и Леона застонала и вцепилась в плечи Гамельна, заста-

вив его замереть.

– Дыши, давай. Вдох-выдох, – негромкий голос Гамельна будто тушил неприятные ощущения, быстро сводя их на нет.

Леона, подчиняясь этому голосу, приходила в себя. Открыв глаза, она увидела заботливый и взволнованный взгляд и почти на автомате потянулась за поцелуем. Гамельн, мазнув по ее губам, уткнулся ей в плечо, тяжело вздохнул и неожиданно – для Леоны – отстранился, полностью из нее выходя.

Лицо его не выражало никаких эмоций, будто от секса с ней он не получал ни капли удовольствия, и Леона уже готова была вскочить с кровати, как выцепила взглядом что-то выбивающееся, неправильное... Гамельна всего трясло. Он вновь вздохнул и сказал глухо:

– Ты лежи... А я пока...

– Эй-эй-эй, куда! – Леона схватила Гамельна за локоть и повалила обратно на кровать.

Гамельн лежал, раскинув руки. Грудь ходила ходуном. Глаза сверкали – шальные-шалые. Похоже, он все еще пытался себя контролировать. Потому что самый умный и взрослый, да еще и заботливый! Хренушки с два.

– Лео... это не самая...

– Мне лучше знать, – Леона пристроилась на бедрах Гамельна и обхватила его все еще твердый член. – А то тебе можно все в свои руки брать, а мне нельзя? Ха!

На самом деле Леоне было стремно. Очень. Не каждый

день добровольно собираешься пихать в себя чужие члены. Ну, то есть не чужие, но... По позвоночнику скользнула капля пота. На картинках и видео все выглядело совсем иначе. А если она не туда станет пропихивать? А если передавит? А если переусердствует? Р-р-р-а! Какие глупости только ни лезли в голову!

На выдохе Леона направила член Гамельна в себя. Хуже уже все равно не будет. Член проскользнул по-прежнему легко и начал распирать. Странно, волнуяще, но не неприятно. Даже больше дразняще-маняще. Очухалась она, только когда поняла, что все.

– Упс.

Заполненность давила и призывала к действию. Гамельн смотрел на нее не мигая широко открытыми глазами, в которых плескалась бездна. Авантюра стоила того! Леона в эту бездну ухнула – и снова, и снова. Она не знала, как правильно, но Гамельн застонал, запрокинув голову. И вцепился в ее бедра, направляя и побуждая чуть не мячиком скакать. Ну, это уже как-то сли... Гамельн вдруг навалился на нее, опрокидывая.

Началось какое-то сумасшествие. Гамельн втрахивал ее в матрас до красных пятен перед глазами. До помутнения. До крика. Кровать ходила ходуном и долбилась о стенку. Леона не стонала даже, а захлебывалась. Звук от соприкосновения тел казался каким-то нереальным, зашкаливающим. Это точно с ней происходит?!

Леона заскребла ногтями по спине Гамельна – в ломкой эйфории. Уже почти готовая. Пальцы скользили, а Леона цеплялась, цеплялась... Оргазм накрыл на очередном рвано-глубоком толчке, насыщенно-бурный.

Гамельн резко замедлился, толкаясь реже, но глубже. С его губ слетали короткие стоны, и Леоне очень хотелось целовать их. Но Гамельн отвлек от этих мыслей, переплетя пальцы и потянув ее руку вниз.

– Поможешь? – спросил хрипло и подмигнул.

– Э-э... Как? – на Леону нашел ступор, но когда Гамельн вышел из нее и внезапно под пальцами ощутилась горячая влажная кожа, а потом и тяжесть налитого члена, ступор как-то сам собой скрылся.

Пары совместных движений хватило, чтобы Гамельн излился ей на живот, пачкая пальцы, и упал на кровать рядом. Леона поморщилась – очень захотелось вытереться. Хоть чем-то. Вот куда все салфетки делись? Придется о простыню...

Гамельн лежал и не двигался, сияя блаженной улыбкой. Нет, вы только на него посмотрите! И совесть наверняка дрыхнет мирным сном.

Леона показательно засопела. Гамельн протянул руку, погладил по голове.

– Спасибо.

– Знаешь, ты действительно монстр. Нельзя же так с невинными девушками!

Гамельн перестал изображать счастливую тряпочку и приподнялся на локтях.

– Прости. Сорвало. Все ты, – он сказал это так буднично и так интимно, что у Леоны щеки запылали. – Славный львенок – совсем большая львица. Что я для тебя могу сделать?

Леона надулась поначалу, а потом вспомнила кое-что важное. Уселась поудобнее.

– Расскажи, пожалуйста, про детей. Где мне их искать?

***

Ухоженный двухэтажный дом рядом с пепелищем – сочетание как минимум странное. А как максимум – пугающее. Леона зашуршала щебнем, останавливаясь и сверяясь с бумажкой. Ну да, адрес нужный. Но дом почему-то милым и дружелюбным совсем не казался. Такие ночами запросто превращались в чудовищ. Вдруг Оллин уже сожрала? Что за глупости! Меньше надо фэнтези читать.

Леона собралась с духом и нажала на звонок. И ничего не услышала. Зашибись. Не работает, что ли? Потянулась опять, и тут тишину сменил грудной голос. Леона чуть не подскочила!

– Вы из музыкальной школы? Проходите-проходите. Ждем не дождемся.

От такого Леона совсем выпала, но в открывшуюся дверь шагнула. Взгляду сразу пристал холл, в котором все кричало о строгих правилах дома. При входе стояла обувница и

набор гостевых тапочек. На крючках висело два летних плаща, две шляпы и два шарфа под тон. На стене висело зеркало в роскошной раме без единого пятнышка. В такой обстановке заранее чувствуешь себя неуютно, боясь что-нибудь задеть или испачкать.

– Здравствуйте! – полноватая женщина держала за руку девочку со стрижкой каре и наклепленным сверху синим бантом. – Мы с Ол... Ой, а что у вас с рукой? Вы поэтому звонили? Извините, столько дел, столько дел, не успела перезвонить. А как же вы играть будете?

– Я буду слушать, – Леона буркнула и по выражению лица женщины поняла, что близка к провалу и выставлению вон. – Я хотела сказать, что у каждого своя манера игры, поэтому чтобы подстроиться под чужое исполнение – мне надо его сначала услышать.

Женщина сухо улыбнулась.

– Хорошо. Надеюсь, неприятности с рукой не затянутся больше, чем на неделю. Нам с Оливией не хотелось бы сесть в лужу на концерте. Извините, если задела.

– А, эм... Оливия? Мне казалось, у девочки другое имя.

– Вы, наверное, слышали, как ее подружки называют «Олли», – женщина поморщилась. – Но свою дочь я назвала в честь бабушки, благороднейшей женщины! И не собираюсь сокращать это имя!

Леона ничего не понимала. Что у этой бабы с головой? Судя по фотографиям, опубликованным в социальной сети

горе-матери, девочка с синим бантом и печальным лицом – это как раз Оллин. А она приходилась этой гримзе племянницей. Откуда взялись «Оливия» и «дочь»? Пока она размышляла, они добрались до гостиной, чопорно-роскошной, как и всё в этом доме, в бело-золотистых тонах. Посередине был накрыт стол.

– Оливия, иди готовься, а я пока угощу девушку чаем.

Девочка кивнула и направилась к лестнице на второй этаж, которой только ковра не хватало для ассоциации с Букингемским дворцом. Леона проводила ее взглядом со смешанными чувствами. Это точно принцесса с двумя смешными хвостиками?

– Не стесняйтесь, присаживайтесь.

Леону чуть не насильно усадили на стул. Чай из маленькой фарфоровой чашечки пах насыщенно и крепко, вокруг была уйма угощений, но Леоне кусок в горло не лез. Гостиная оказалась вся увешана фотографиями девочки с каре и бантом – она улыбалась, щурилась на солнце, показывала «виктори». Между рамок с фото висели рамки со множеством грамот-дипломов-похвальных листов. На всех значилось имя «Оливия Роббинс».

– Моя девочка такая умница. Я так горжусь ей. Хотите покажу альбом? – И не дожидаясь подтверждения, тетка подскочила к шкафу, мгновенно нашла нужное на полке и положила перед Леоной книгу в синем бархатном переплете. – Я сохраняю здесь самые ценные моменты. Вот она родилась,

вот пошла в школу, а вот первый раз села за инструмент...

«Жизнь из достижений» промелькнула перед Леоной россыпью фотографий. Однако девочка на них не выглядела несчастной, ее глаза сияли, и делала она то, что хотела, а не то, к чему ее склоняла мамаша, или, по крайней мере, ее все устраивало. А на последних двух фото вместо Оливии появилась Оллин – с той же прической и тем же бантом, но совершенно другая. Как эта тетка не замечала разницы?!

– Простите за любопытство, а отец...

– У Оливии есть только я. Я ее родила и вырастила. Она – моя девочка.

Леона закивала. Понятно, адекватного человека в этом доме нет. Придется справляться собственными силами.

– Спасибо за угощение, – Леона поднялась, ни к чему так и не притронувшись: мало ли... – Я пойду послушаю, с вашего позволения, стораю от любопытства.

Тетка заулыбалась, словно ей отвесили витиеватый комплимент.

– Идите-идите. Я подойду попозже. Пока все тут приберу. Столько дел, столько дел...

«Можете вообще не приходите», – Леона оставила эту мысль при себе и с натянутой улыбкой бочком направилась к лестнице. Спину жег чужой липкий взгляд. Хорошо еще коса прикрывала тыл! С утра косу заплетал Гамельн, долго и мучительно вычесывая колтуны. Леона ругалась, но стойко терпела. Угроза оставить так, с копной распущенных во-

лос, внушала ужас больше, чем обещание обкорнать. Незаплетенные волосы вечно путались и мешались.

Мысли о Гамельне помогли сосредоточиться на главном. Вытащить из этого проклятого дома Оллин. И как можно скорее.

В зале наверху оказалось просторно и солнечно. Кроме фортепиано, там ничего больше не было. Оллин устроилась на скамеечке с идеально ровной спиной. Услышав шаги, посмотрела на Леону с немым вопросом: «Я начинаю?» – и стала играть. Хорошо, весьма хорошо – но бездушно. Музыка не трогала Леону нисколько.

Леона покосилась на лестницу – вроде тетка навещать пока не спешила. Отличный повод поговорить. Только с чего начать?

Оллин начала первая:

– Как вам? – она спросила механически, по сценарию примерной ученицы, но в глубине ее глаз забрезжило что-то... «Услышь меня, услышь меня, услышь меня».

– А есть мелодия, которая тебе нравится?

Оллин склонила голову, прикрывая глаза, и нерешительно тронула клавиши.

– Мама ее не любит.

– Но я не твоя мама. Можешь мне довериться?

– Только не говорите ей.

– Не скажу. Могу даже клятву на пальчиках дать.

Оллин взглянула на нее прозрачно-задумчиво и заигра-

ла песню Гамельна. Это была песня без слов, которую Гамельн пел вместо колыбельной: немного печальная, немного заунывная, но манящая. Музыка мурашками пробиралась под кожу, выворачивала и пробуждала воспоминания. О домике в лесу, о шуршащих листьях, об ушедшем детстве. Олли сама растворялась в музыке до кончиков пальцев. Звуки наполнились их общим прошлым, таким прекрасным и таким далеким. Счастье – штука хрупкая.

Леона не плакала, хотя и думала, что да.

– Откуда ты знаешь эту мелодию?

– У меня был невидимый друг. Мы с ним играли в мячик, – Оллин улыбнулась печально-счастливо. – Он отвел меня в чудесный мир, но я плохо себя вела и убежала оттуда. Невидимый друг обиделся и больше меня туда не приглашал.

– А ты хотела бы? Ты бы хотела вернуться туда, Оллин?..

У Оллин расширились глаза. Она словно выпуталась из марева, из колдовских чар. И на нее разом обрушилось очень и очень многое.

– Рыцарь...

– Он самый, принцесса.

Эту сказку они разыгрывали с помощью театра теней. Гамельн, распределяя роли, сказал, что Леоне не подходит быть ни принцессой, ни служанкой, а вот рыцарем – в самый раз.

Леона выудила из сумки и протянула Оллин силуэт той самой принцессы. Пришлось попотеть, перерывая коробки с

вещами. Оллин прижала старую выцветшую фигурку к груди как величайшую драгоценность.

– А поче...

– Ну как вам партия Оливии? – тетка вплыла грозовой тучей.

Оллин тут же замуровалась и только на полуавтомате спрятала фигурку в карман юбки. Леона нахмурилась.

– Никуда не годится.

– Что? Но мы столько репетировали... Она может играть ее с закрытыми глазами.

– И с закрытой душой, судя по всему. В этой музыке нет эмоций. Она не дойдет до слушателя. Идеальное знание нот и отработанная техника – еще далеко не все. Гении брали тем, что стучались в самое сердце каждого. А эта музыка стучится в пустоту.

– И что же вы посоветуете? – женщина поджала губы. Было понятно, что чужих советов она слушать не станет и продолжит гнуть свою линию.

– Пусть принцесса играет то, что ей действительно нравится, – Леона тронула спину Оллин, приободряя: я здесь, я с тобой.

– Вы про ту мерзопакостную трель? Я слышала из кухни. Хотя мы договаривались с Оливией, что она про нее забудет. Но всякая гадость сильно влечет, не так ли? Ничего, мы решим этот вопрос.

Леона похолодела. Она в красках представила, как Оллин

запирают в чулане в исподнем и ставят под дверь запись нужной, правильной мелодии. И как Оллин трясется вся, сначала примерно слушает, потом затыкает уши ладонями, а потом мечтает самоубиться.

– Я не считаю эту мелодию мерзопакостной. Напротив, она крайне интересна и вполне может...

– Выбор композиции производится за полгода до конкурса. Все давно решено и согласовано. Странно, что вы этого не знаете.

Леона поджала губы.

– Зато я знаю другое: кто хочет – ищет средства, кто не хочет – ищет причины.

– Вы маловато живете. Мы с Оливией прошли много конкурсов, и я прекрасно изучила, что нравится судьям и за что те начисляют баллы. Выбранные мной композиции всегда взлетают. Так будет и в этот раз.

Оллин сидела по струнке, подавленная и угнетенная.

– Кого вы пытаетесь из нее сделать?

– Достойного человека, конечно.

– Нет, – Леона собрала волю в кулак. – Вы пытаетесь сделать из нее другого человека. Я не знаю, что случилось с вашей дочерью, но Оллин – не Оливия. Разуйте глаза!

Женщина упомянутые глаза расширила. А потом сузила до холодных щелок.

– Оскорблять меня и мою Оливию никому не позволено! Убирайтесь! – она двинулась на Леону бочкой.

Перед глазами мигом всплыл образ соседки в кигуруми – и прежде чем удалось его отогнать, больная на голову тетка пихнула Леону к лестнице так, что она едва не скатилась по ступенькам. Выручили реакции. Но это было очень опасно! Может, и Оливию та однажды спихнула до проломленного черепа?.. Или просто насела так, что птичка упорхнула из клетки.

Леона переглянулась с Оллин – та схватила партитуру, на которой было изображено заходящее солнце, и закивала головой на окно. «Иди, рыцарь, иди! Я дам тебе знак». Леона поджала губы и ринулась вниз – ровно в тот момент, когда тетка оказалась достаточно близко для того, чтобы вышвырнуть ее за дверь. У мудилы явно появились серьезные конкуренты! И кто бы подозревал в благообразных дамах подобную прыть.

***

Леона выскочила на улицу и бежала не останавливаясь, пока чуть не налетела на мужчину на велосипеде.

– Осторожнее, спортсменка.

– Извините... – Леона дышала урывками.

– Ты будто от зверя какого, – мужчина, пользуясь остановкой, поправил козырек кепки, съехавшей набок.

– Хуже. От миссис Роббинс.

– Ну и занесло тебя. Доставляла ей что-то? Ты нездешняя.

Леона неопределенно кивнула.

– А вы знаете, что случилось с ее дочерью?

– Да как не знать, – мужчина задумчиво тронул нос. – Четыре года уж прошло, а и сейчас перед глазами. Пламя до неба стояло! Угорела она. Так любила пиваино свое, что не могла без него из дома выйти. Дом горел, а она тащила, дура, инструмент этот. Рядом с пиваино ее и нашли. Мумию черную. Жутко смотреть было! Роббинс белугой редела и как безумная шептала: «Не она, не она, девочка моя!». Жутко. А потом ишь выдумала – будто дочь ее у кухни гостила, мол, домой скоро вернется. Выстроила рядом с пепелищем новый дом, точь-в-точь копия старого. Ну, каждый утешается как может. Но что думаешь – не прошло и пары месяцев после строительства, как Роббинс привела в дом девочку! Оливией зовет. За дочь держит. Так же одевает-кормит, на музыку потащила. Бедный ребенок! А Роббинс и слышать ничего не желает, слетела, видать, с катушек-то. А ведь такой женщиной была... Ох ты, заговорил я тебя совсем.

– Напротив, спасибо вам большое за рассказ!

Леона дежурно улыбнулась, а мужчина махнул рукой.

– Брось. Милое дело кому-нибудь на уши присесть. Я тут почтальоном работаю. Заглядывай на почту, чайком угощу.

Леона на всякий случай оборачивалась пару раз, убеждаясь, что мужчина уехал. Странные какие здесь все. Странные и стремные. Но хоть что-то стало понятней. Оллин не просто надо забирать, а как можно скорее.

По часам до заката было далеко. Или Оллин имела в виду

что-то другое?

***

Шляться по округе вдохновляло мало, но что делать. Вокруг то там, то тут кипела жизнь, вполне себе обыкновенная. Кто-то гулял с собакой, кто-то ровнял газон, у кого-то ребенок разбил дорожную вазу, судя по крикам: «Ты хоть знаешь, сколько это стоит?!». Было довольно забавно «подслушивать» так чужую жизнь.

– Брат, ну дай, а? Я до заката и обратно!

Леона наострила уши и глаза. Компания из трех человек теснилась в тени гаража. Один – рослый бородач – оккупировал скутер. Перед ним чуть не прыгал подросток – ноги-руки палочки, глаза на пол-лица. Третий развалился на раскладном стуле, чесал ногой ногу и смолил сигаретой.

– Ага, щаз. Пива еще пообещай купить.

– Я могу, брат, я правда могу. Меня продавщица хорошо знает.

– Хорошо-то хорошо, да с плешивой стороны.

– Хей, гайз, – Леона осклабилась. – Разжуете, че такое закат? Мне бро встречу там назначил, а я круги натачиваю.

– Да магазинчик это. Один на район. Мог бы бро и объяснить, – парень на скутере почесал щеку.

– Ну, он приколист-затейник. И детективные сериалы пачками ест. Решил меня, небось, на вшивость проверить, продукты закупить и на пикник забуриться – зачетный план-

чик, а?

– Тоже, может, барбекю устроить...

– Брат! А давай я ее к «Закату» отвезу, поможем человеку, а?

– Жук ты, мелкий. Валяй уж.

– Да все ок, гайз. Я на своих прогуляюсь, вы мне ток ориентир дайте, ага?

– Проще отвезти. Не боись – мелкий по этой дороге катывал-накатывал тыщу раз, не наебнетесь.

Леона сглотнула. Отнекиваться смысла не было, но дальше разыгрывать из себя невесть кого казалось проблематично.

– Эк я на вас удачно наткнулась. Так бы обломинго мне по всем фронтам вышел.

– Давайте уже, гоу, в путь.

Леона толком сама не поняла, как оказалась на скутере, которым лихо управлял подросток, но, в конце концов, мелкий правда уверенно держался и вел. Это явно был не худший вариант развития событий.

«Закат» оказался насыщенно-красного цвета и полукруглой формы. И назывался совсем не «Закат», однако природа прозвища буквально бросалась в глаза. Леона купила подростку на его деньги пива и на кассе от себя мармеладок – от последних тот расцвел счастьем и благодушием. «А как ты?..» Леона хмыкнула. Уж больно показательно мелкий облизывался на рекламу. Себе она прихватила холодного чая

и сушеных фруктов.

Оллин пришлось ждать еще сорок минут. Она прибежала, чуть запыхавшись и крепко сжимая лямки набитого рюкзака. И будто не верила, что все происходит взаправду и что Леона ее ждет. Одежду она сменила на джинсовый сарафан с заплатками и сделала себе два куцых, но все-таки хвоста. Схватила Леону за руку и потянула вниз по дороге и через поле.

– Так короче. Успеем на поезд до отбытия. Тут они нечасто ходят.

– А твоя...

– Спит. Крепко. Умаялась за день. Выпила лекарств. Столько дел... – Похоже, крепко уснуть тетке Оллин «помогла». – Я так рада, что ты догадалась про магазин и дождалась меня.

– Я же рыцарь, принцесса.

***

В поезде Оллин уснула, утомленная жизнью за другого, издерганная и ошеломленная переменами. Леона торопливо писала маме о том, что придет не одна. И кучу какой-то ерунды вслед. На все километры сообщений мама написала невероятное «Мы ждем». На другой поезд Леоне хотелось лететь, но Оллин напоминала сомнамбулу. У нее заплетались ноги и слипались глаза – и все-таки каким-то чудом они успели на нужный экспресс. Оставалось совсем немного, но

ужасно-ужасно далеко!

Путь прошел в смутных прикидках, попытках разобраться, а что дальше, сомнениях и самоуговорах, что она все делает правильно. На трети пути Оллин проснулась – и они сидели плечом к плечу, смотрели в окно и чувствовали себя вновь обретенными сестрами. Никаких постановочных передач о встрече родных спустя годы не надо! Вот оно, здесь, рядом, возле сердца.

Еще одно «родное» явно их караулило. Леона только собралась звонить в дверь, как на порог выскочил Чарли и уставился во все глаза. Протянул руку потрогать, убедиться. Оллин с готовностью шагнула вперед.

– Я не призрак, я – настоящая, – и приложила ладонь Чарли к своей груди.

Чарли от такого смутился до корней волос. Отскочил чуть не на километр.

– Э, привет. Рад видеть, что ли.

Леона от такой топорности едва в фейспалм не ушла. И еле удержалась от подзатыльника для одного несносного мальчишки, юного гопника, блин. Но Чарли исправился сам, напыщенный и серьезный, как индюк. Даром что футболку себе всю измял, пока говорил действительно важное и стоящее:

– С возвращением.

Оллин вдохнула глубоко-глубоко, шагнула за порог и крепко обняла Чарли.

– Я – дома.

Чарли состроил несчастное лицо, а потом обнял Оллин в ответ.

– Ого, какие сцены! Руди, где фотоаппарат? Неси скорее!

Но пока Элизабет поворачивала голову, Чарли успел сделать вид, будто с Оллин и не знаком. Элизабет покачала головой.

– Ну дети, а как же семейное фото?

– Я – пас, – Чарли скрестил руки на груди, колючий еж.

– И я. Я ужасно одета, с ужасной прической и после долгой дороги. Фотографии в таком виде делать неприлично.

На вытянутое несчастное лицо мамы Леона только пожала плечами. Ну да, такие они – с характером.

– Дорогая, ты меня звала? О, Лео, привет. И тебе привет...

– Оллин.

– Привет, Оллин. Я Рудольф, но меня все зовут Руди.

– Момент уже упущен! – мама показательно вздохнула. – Пойдемте лучше есть. Мы с Чарли старались.

– С Чарли?! – Леона чуть не запнулась о собственную кроссовку.

– Ну да, он умеет готовить. Ты не знала? – тон мамы походил на осуждающий. – Идемте, дети, дорогой.

И все послушно пошли! Чарли задержался на миг, зыркнул на Леону.

– А ты и правда львица.

А он-то этого от кого нахватался?!

***

Леона оккупировала столик в чайной, где спряталась от дождя и внутренних терзаний, сжимая в руках большую чашку. Итак, у нее в доме жили два условно похищенных ребенка. Уже пора было что-то с этим делать. Да, они ушли сами, но полиции попробуй что докажи. На суде мало чего добьешься, даже с учетом того, что право голоса и выбора у детей было. Только вот Леона им никто. Юридически. Пресловутые законы! Почему нельзя осестриться или обратиться без участия родителей? Сразу стало бы проще. А так они – на пороховой бочке. Все ее родные и любимые люди. Счет с дней перешел на часы. И сколько у них времени до взрыва – неизвестно. А Леону еще ждала Сюзен... После исчезновения которой точно начнут искать всех. Детей, чья безопасность висела на волоске.

Как бы хотелось посоветоваться и поделиться всем с Гамельном! Но как раз-таки Гамельну рассказывать о происхождении нельзя. Не сейчас. Леона не могла так подставить его под удар. Знание – всегда уязвимость. Можно случайно выдать себя. Особенно, когда уже один раз попадался.

– Вот встреча так встреча. Добралась в тот раз или ночевала под забором?

К Леоне бесцеремонно подсел владелец клуба «Рахум», одетый в приглушенно бордовый костюм с песочными заплатками на локтях.

– Добралась.

– Но руку и вежливость по дороге потеряла, – мужчина по-кошачьи улыбнулся и подозвал официанта. – Мне ройбуш на молоке и два десерта на ваш вкус.

Не, ну это уже наглость!

– Вам-то какое дело?

– Просто любопытно. Ты интересная девочка. Лео, верно?

Леона стиснула зубы и чашку. Из упрямства уходить с насиженного места не тянуло, тем более свободных столиков не наблюдалось, да и ливень разразился знатный. Леона до трусов за секунду промокнет. Но это нормально – разглядывать не стесняясь?!

– И что во мне... интересного?

– Ты могла бы стать первоклассным бойцом, но на такое ты не пойдешь, я думаю. Даже если я предложу тебе кругленькую сумму.

Леона внутри вытянулась по струнке. Точно, там ведь, в клубе, происходило что-то незаконное на нижних уровнях. Бои без правил? Или не только? Она все еще думала о подделке документов и месте, где это сделать.

– А вы правда гангстер?

Мужчина расхохотался.

– Для тебя могу быть хоть террористом.

– Террориста мне не надо. А вот новые документы...

– Боюсь спросить, что ты такого совершила, раз собираешься скрываться.

– Не я... Вернее, я, но нужно не мне. Моим друзьям. Три экземпляра.

Мужчина бросил на нее странный мажущий взгляд и закатал манжеты.

– Мистер Хэнкок, ваш заказ. Десерты – в подарок от заведения, – официант опустил перед мужчиной чашку в тон костюма и два каких-то чизкейка.

– Спасибо, Арнав. Угощайся, Лео, – Хэнкок кивнул на тарелочку и сам тут же отломил кусочек от ближайшего к себе. – Запомни: хорошие отношения с владельцем заведения всегда в плюс.

– Ага.

Леона подобралась. И уставилась на чизкейк как на личного врага. Чизкейк выглядел вкусным, но что за жесты доброй воли? Такие, как Хэнкок, мало что делали без личной выгоды.

– Чего вы от меня хотите?

– Мне кажется, ты путаешь. Здесь чего-то хочешь от меня ты. А у меня просто хорошее настроение.

Зато у Леоны – буря! Мало ей своих забот, так еще думай над поступками и мотивами странного мужика, который владел ночным клубом и явно имел нехилую сеть знакомств. Леона притянула тарелочку с чизкейком к себе. Пахло одуряюще. Пожалуй, она готова была набить рот, лишь бы несколько оттянуть щепетильную тему. Криминал, сказала бы мама. Леона называла по-другому: законы выживания.

– Да, надо. Документы.

– Это я понял. Какие? На кого? И главное, сколько ты готова заплатить. Одно дело на концерт пробраться под чужой личиной, а другое – чужую личину на себя примерить. Если ты понимаешь, о чем я.

– Ну, – Леона автоматически потянулась к кошельку, где за подкладкой прятала деньги «на крайний случай». – Сотка точно есть и дома около двадцатки.

– Как много. Да ты богачка! – Хэнкок прихлебнул чай.

– Не издевайтесь, пожалуйста, – Леона по привычке стиснула кулаки. – Сколько надо будет – столько достану.

– Даже если я назову триста тысяч? И это минимальный порог, чтобы ты знала. Если речь о приличной подделке, а не распечатанной на принтере.

– Пусть так, – Леона сглотнула вязкую слюну. В голове мелькали варианты вплоть до продажи почки. Живут же люди с одной почкой, так ведь?..

– Те, ради кого ты это делаешь, настолько тебе дороги?

Леона кивнула.

– Еще больше. У них нет цены.

– Обалдеть. В нашем мире еще живы рыцарство и благородство. Говорю же: ты интересная.

– У вас есть семья, мистер Хэнкок? Настоящая семья, куда хочется возвращаться.

– Я младшенький, – Хэнкок хмыкнул, – а моя семья никогда не ограничивалась родными по крови. Даже если это

те, кто убьет не моргнув глазом. Я много чего видел и вижу. Папа «на пенсии» не скучает. А братья не скучают тем более. У меня необычная семья, но я их люблю.

– Я тоже, – Леона скомкала салфетку и почти отчаянно поймала взгляд Хэнкока. – Я обрела семью не так давно, шесть лет назад, но готова ради них сделать все. Помогите, пожалуйста.

Леона склонила голову и слушала, как Хэнкок прихлебывает чай и ставит чашку на блюде.

– Предлагаю сделку, Лео. Ты участвуешь в одном бое, желательном с победой, а я знакомлю тебя с нужным человеком. Победа понадобится для оплаты его услуг.

Леона расширила глаза и выпрямилась.

– Но...

– Да-да, понимаю про руку – твоя перевязка, на минутку, бросается в глаза. Но ты только что говорила, что готова на все. Обезболивающее еще никто не отменял. Тебе вколют – и на ринге ты продержишься. Не думай, что одна такая – с поврежденными конечностями.

– А потом? – Леона перешла на шепот.

– Это не мои проблемы. Но протезы тоже никто не отменял.

У Леоны сердце колотилось быстро-быстро. Это шанс, реальный шанс. Где она еще добудет столько денег, если не решится ограбить банк? А потерять руку – даже не почку. Живут же люди как-то...

– Я согласна, – Леоне казалось: по горлу прошлись наждачкой.

– Хорошо, – Хэнкок улыбнулся остро и протянул Лео визитку. – Вот мой номер. Где находится клуб, надеюсь, помнишь. Жду тебя к девяти вечера у главного входа.

– С-сегодня?

– А зачем откладывать? Тем более это не мне, а тебе нужно все срочно. Иначе бы ты отказалась.

У Леоны сначала вспотели, а затем похолодели ладони. Она смотрела в одну точку на столе – на визитку – и куда-то проваливалась, проваливалась, проваливалась...

– До встречи, Лео, – Хэнкок поднялся, поправил ворот пиджака и, насвистывая, ушел.

Леона деревянно обернулась к окну. Ливень закончился. Но что ей теперь делать?

***

– Ты совсем свихнулась?! Мозги от любви зазеленели? – Эби-Дороти орала в трубку так знакомо и успокаивающе. – Какие еще, к дьяволу, бои без правил?

Леона чуть не разревелась. Вовремя взяла себя в руки и продолжила путь по набережной.

– Мне надо. Очень надо.

– Надо ей! Ты ради этого мужика, что ли?

Леона помотала головой.

– Ради семьи.

– О чем ты? У Рудольфа проблемы с законом? Или он просто хочет тебя удочерить?

– Нет, я про другую семью...

– Мне иногда кажется, ты куда-то давно и безвозвратно влипла, а я наблюдаю и бессильно машу руками.

– Просто это не то, о чем рассказывают. Прости. Не хотелось выглядеть хромой собачкой, вокруг которой надо скакать.

– Ты о «Деле Гамельна»? Я пару лет назад наткнулась у отца на папку и сразу поняла, что пятый ребенок – ты. Все сходилось. Но кто-кто, а ты не тянула на бедную-несчастную. А всякого в прошлом у всех хватает. Хлоя почему, думаешь, такая громкая? Ее мать мужиков в дом водила, а дочь запирали в чулане и забывала про нее там. А Шенна с Рут, знаешь, почему сошлись? У Шенны родители бухали беспробудно, и она пришла в гостиницу просить «работенку за хлебушек». А Томаса дразнили и задирали все кому не лень. И за ориентацию, и вообще. «Лупоглазик» – самое безобидное.

– Но... – Леона прижала телефон к уху закованной рукой: от Темзы тянуло холодом. – Почему я ничего про это не знала?

– А тебя оно интересовало? Ты видела человека здесь и сейчас, без всяких скелетов в шкафу. Это классно, конечно, но сделав прошлое табу, ты многое упустила. Как будто буллингом в школе кого-то удивишь, пфф.

– А похищениями?

– Ну, меня тоже похищали, помнишь? И ты за мной пришла. Спасла. И за тобой пришли. Ты наверняка рада была увидеть маму!

– Не сказала бы...

– Вы ж с ней душа в душу живете.

– Она изменилась, – Леона невольно сменила тон на тяжелый. – Изменилась благодаря Гамельну. И я изменилась.

– Ладно-ладно, не лезу. Тебе лучше знать, – Эби-Дороти выдержала паузу, явно подбирая слова. – Но я бы не хотела быть разлученной с мамой и папой.

– Если бы не это разлучение, мама так бы и не поняла, как я страдаю, а я бы не стала львицей.

– Да брось. Рано или поздно все разрешилось бы. Тем более Бетти тебя так любит! Вот моя мама со мной не шушукается.

Леона остановилась перед перекрестком. Машины неслись на всех скоростях, бибикая, обгоняя друг друга...

– Ладно, спасибо, что выслушала. Бывай.

– Эй-эй, Лео! Ты обиделась, что ли? – Эби-Дороти вздохнула и, похоже, почесала затылок. Она всегда так делала, когда чувствовала вину, но не понимала корень проблемы. – Знаешь... Этот клуб посоветовал мне отец. Он ездит туда почти каждые выходные, так что вполне может знать про бои без правил. Не удивлюсь, если и ставки делает. Ты бы видела его во время просмотра матча по боксу! Он и сам зани...

– К сути, Дороти.

Трубка отозвалась сначала гробовой тишиной, будто связь прервалась, а потом Эби-Дороти почти заговорщически протянула:

– Давай я скину тебе его номер.

***

Что делать с номером, Леона так и не решила, даже когда почти подъехала к клубу. Отец Эби-Дороти был независимым судебным экспертом, и разговор с ним заранее походил на хождение по тонкому льду: «Здравствуйте, я Леона Снайдер, подруга вашей дочери. Расскажите, пожалуйста, о боях без правил, а я вам – о своем опыте похищения Гамельном». Зашибись будет.

По дороге Леона, морщась, сняла перевязку. Плечо после сегодняшнего вечера, вероятно, будет уже не спасти. Гамельну она чиркнула про встречу с Эби-Дороти – это была худая, но правда. Судя по сухому «Ок», Гамельн восторгом не пылал. А когда Леона придет домой, будет пылать еще меньше. И наверняка орать. Но пусть лучше так, чем выставит вещи и саму Леону за дверь.

У главного входа Леону действительно ждал Хэнкок, скрестив руки на груди.

– Надо же, пришла. Ну, пойдём.

Леона шла как в кандалах на виселицу. Сама! Добровольно! Сердце гремело в ушах. Плечо разнылось. «Я ради детей. Все это – ради детей. Они станут свободны от прошлой

жизни».

Хэнкок вел ее ниже и ниже по лестнице. По пути им улыбались и кланялись девушки в карнавальных масках. А затем Хэнкок толкнул неприметную дверь, и они оказались на балкончике. Внизу было подобие колизея: спиралью спускались уровни сидений, на которых редела толпа. Все, кроме ринга, было в полумраке. На ринге какому-то парню с хрустом вдарили по челюсти, и тот упал, скрючившись и захлебываясь кровью. А потом вывернулся змеей и впился зубами сопернику в щиколотку. Судя по ору – впился серьезно. Леону замутило.

– Ну-ну, какая чувствительная, – Хэнкок дернул ее в огражденную комнатку, светлую и белую. – Дьюри, дорогая, вколи девочке лекарство в плечо. И дай успокоительное. Хочу посмотреть на бой, а не на обморок.

– Где ты такую нашел, Джонни? – Дьюри, накрученная блондинка в медицинской маске, подала Леоне стакан воды и таблетку.

– Сама пришла, – Хэнкок отошел к проему и скрестил руки на груди.

Он выглядел напряженным, хотя не ему ведь драться! Леона даже не знала, что у нее будет за соперница: вдруг какая-нибудь гора мышц, которая позвоночник как спичку переломит... Может, деру дать? Но тогда и приходить не стоило.

У таблетки оказался травяной привкус. Наверное, правда

успокоительное.

– Не стой столбиком, закатай рукавчик. А лучше вообще сними футболку, на ринге она не пригодится.

Леона зыркнула на блондинку, но шутить та и не думала. Держала шприц и ватку наготове. Хэнкок передернул плечами. Боится уколов?.. Леона, косясь на него и стягивая футболку, радовалась, что надела под низ топ и предпочла штаны юбке. Она втайне ждала заветного: «Все, хватит, иди домой».

Только жалеть ее никто не собирался: в нос ударил запах спирта, кожу укололо, по плечу растеклась приятная прохлада. Боль отступила.

Леона удивленно повела плечом. Как новенькое.

– Дьюри у нас волшебница, а? – Хэнкок подкатил и сцапал Леону за локоть. – Я попозже зайду, ага?

Они стремительно ушли, при этом Хэнкок пару раз оглядывался и снизил темп, только когда они два раза свернули.

– Вы боитесь Дьюри? – Леона задала вопрос просто так, чтобы меньше думать о том, как ее исколошматят на ринге.

– Как бога. – Леоне показалось: не соврал. – Видишь ли, Дьюри раньше работала в химической лаборатории. Помогала, как бы сказать, избавиться от улик.

Леона вспомнила точеную фигурку и накрученные волосы: из такой выходил крайне сексапильный шантажист.

– А сейчас я познакомлю тебя с тем, кто на тебя поставит, – Хэнкок шепнул в самое ухо, и Леону как обожгло.

Хэнкок ведь мог попросить о чем угодно – от постели до убийства. И Леона бы что, согласилась?! Думать об этом не хотелось, тем более участие в бое без правил – так себе альтернатива, которая вряд ли оставит ее «целой и невредимой».

Вдоль всего балкона были закрытые кабинки. Что там? Вип-ложи? Хэнкок почти спонтанно толкнул одну из дверей. За ней оказалось пространство в бордовых тонах, столик и два кресла, на одном из которых расположился чернокожий парень в гавайской рубашке.

– Вот, привел, как и обещал.

Парень оторвался от зрелища на ринге, обернулся, и Леона заметила на нем маску, украшенную пышными цветами.

– Хай! Меня все называют Люстра, ты можешь так же.

– Люстра? – Леона даже растерялась. Имена здесь – одно страннее другого.

– От иллюстратора.

– А, ага. Меня можно называть Лео, – Леона кивнула, все равно толком ничего не понимая: это совсем другой мир, другие порядки и правила.

Она сухо ответила на рукопожатие и распетушилась. Страх лучше всего изгонялся боевым настроением.

– Ну, кому надо надрать задницу?

Люстра непритворно удивился.

– Думаю, Джонни.

Леона всем корпусом развернулась к Хэнкоку, который

бочком-бочком пробирался к выходу.

– Мне было скучно. Хотелось посмотреть, на что ты готова пойти ради Гамельна.

Леона сама не поняла, как ударила. Голову Хэнкока резко мотнуло в сторону, будто та держалась на ниточке. Костяшки левой руки зудели пламенем. Хэнкок медленно повернул голову обратно, склонил к плечу, ухмыляясь по-лисьи. Губа у него была разбита.

– А удар все-таки отменно поставлен.

– Джонни, катись отсюда, я тебя прошу.

Хэнкок пожал плечами: «Ну и подумаешь, не очень-то интересно».

– Пойдите! Откуда вы...

– «Гамельн, дай еще поспать часик». «Ну капельку». «Ну, Гамельн!» Ты говорила не очень внятно, но вполне различимо, пока Сонна пытался тебя растормошить. А когда он решил вытащить твой телефон, ты врезала так, что Сонна до сих пор компрессы на нос делает.

– Прошу прощения, – В памяти Леоны смутно воскресал вечер празднования выпускного, когда она подралась с Эбидороти, а на выходе ее перехватили Хэнкок и длинный самурай, который до этого указал дорогу к клубу, а в машине стер кровь теплым полотенцем.

– У меня-то за что? Я свое отхватил, – Хэнкок осклабился, упархивая и прикрывая за собой дверь.

– Хэнкок, клещ! Как вопьется – не выколупаешь, – Люст-

ра цыкнул, и Леона вполне с ним согласилась. – Не стой столбиком, присаживайся.

Дьюри, кажется, пагубно влияла на всех. Но бычиться точно не стоило, поэтому Леона осторожно устроилась на мягчайшем кресле и повернула голову к Люстре. Снизу раздавались вопли, звуки ударов, лязг цепей и стоны. На ринг лучше не смотреть...

Люстра весь подался вперед порывом и вдохновением.

– Выкладывай, что там у тебя. Будем вместе придумывать биографии. Это как рожать ребенка. Как строить дом с нуля. Как сажать дерево из косточки. Незабываемо.

Леона вздохнула. Ладно, это не худший вариант. Совсем не худший. Ради искусства она потерпит.

***

Два часа пролетели незаметно. Один бой сменялся другим. Девушки в масках приносили напитки и закуски. Люстра ловко игрался фактами, и получалась очень складная картинка! Да он сам про себя рассказал штук пять достоверных историй: попробуй пойми, какой верить. То ли той, что Люстра – сын вождя племени масаев, которого выкрали туристы, пожалев тощего красивого мальчика, и теперь он помогал соплеменникам избежать суровой судьбы. То ли той, что в поисках заработка Люстра устроился в копировальный центр, а в свободное время игрался со сканами, меняя данные. В любом случае Люстра здорово Леону выручил, и ка-

кая разница, откуда ноги растут у его «рода деятельности».

Горячо поблагодарив, Леона вышла из ВИП-ложа как подкошенная и стала искать выход. Все двери были одинаково безликими и за всеми скрывались безликие же коридоры. Идти по ним Леона не решалась: они ведь по лестнице спускались, значит, эта самая лестница ей и нужна.

За очередной дверью она наконец наткнулась на идущие вверх ступени. И невольно стала свидетелем интересной сцены: длинный самурай, который до этого казался воплощением дзена и заботы, наседавал на Хэнкока. Реально! К стенке припер.

– Что, настолько скучно живется, Джоно?

– Уже донесли?

– Тут и доносить не надо, все на камерах видно. Ты мозг включаешь хоть иногда или как?

– Да ладно тебе. Зато теперь я знаю: девочка настроена серьезно. Между прочим, я ей все в лучшем виде организовал! Люстра обычно берет столько, что и за год не накопить. За месяц – если каждую неделю участвовать в боях. Но такой ритм не всякий бывалый боец выдержит, не то что девочка-хулиганка.

– Ты мне лапшу на уши не вешай, – самурай сделал шаг ближе, и Хэнкок буквально распластался по стене. С настолько самодовольным лицом, словно подобного и добивался. Самурай нахмурился и взял того за грудки. – В плечо Дьюри что вколола?

– Да, лекарство-лекарство. Между прочим, девчонке такое не достать. А я по доброте душе... – самурай вдруг сжал ладонь на шее Хэнкока, и Хэнкок закашлялся, вцепился в чужие пальцы, но отрывать от горла не спешил. – ...по доброте душ-шевной дам це-целую упаковку.

Самурай резко отпустил Хэнкока и отошел, внимательно за тем наблюдая. Хэнкок, уперев ладони в колени, дышал сорвано и смотрел на самурая снизу вверх не отрываясь. Про-воцируя.

– Что, разве я плохо поступил? Весь такое чудовище.

– Ты выбираешь не те методы.

Хэнкок рассмеялся, хрипло-хрипло, почти захлебываясь.

– А что бы ты предложил? Поверить на слово? Задать парочку щекотливых вопросов? Если я кинусь помогать всем просто так – я разорюсь.

– Что бы я предложил – уже поздно узнавать. Ты даже не поинтересовался моим мнением, все решил сам. Твое дело, Джоно. Ты давно взрослый.

– Сонна, – Хэнкок выпрямился, доставая самурая едва по плечо. – Я... ты...

– Мисс, откуда вы здесь?

Леона вздрогнула, резко оборачиваясь. В проеме стоял терминаторообразный тип – в костюме, темных очках, с блютуз-гарнитурой и без эмоций.

– Ну-у... э-э-э... я уже ухожу....

– О, а вот и предмет нашей ссоры, – Хэнкок натянуто

улыбнулся и дал знак охраннику испариться. Охранник поручение выполнил мгновенно. – Просил же Люстру звякнуть.

– Он и звякнул, – самурай помахал телефоном – судя по всему, принадлежащему Хэнкоку. – А тебе пора перестать играть людьми, Джоно.

– Тогда я точно разорюсь. И кому тогда буду нужен? – он шутливо пожал плечами, но самурай вдруг подлетел и ударил его в лицо. Голова Хэнкока мотнулась вбок – как кукольная. Леона испуганно вскрикнула. А Хэнкок спокойно-отрешенно сплюнул кровь и посмотрел на самурая. Тот снова ударил – прицельно. И еще раз. И еще.

– Дурак! Ты совсем дурак?!

Хэнкок перехватил его кулак и прижался к длинному-длинному самураю, явно взбаламученному и кипящему внутри.

– Совсем.

Леоне отчего-то стало жарко-жарко щекам. Она крадучись обогнула эту парочку чокнутых и засемила по ступеням.

– К Дьюри загляни!

Леона вздрогнула и кивнула. Пришлось метнуться обратно, опустив голову. А когда она возвращалась, поправляя футболку и сжимая подмышкой упаковку лекарства, на лестнице уже никого не было.

***

Дела определенно налаживались. Несмотря на то, что Гамельн встретил ее настороженно, долго-долго откровенно рассматривал и чуть не обнюхивал. У Леоны кусок в горле застревал от этого взгляда насквозь: «Что ты от меня скрываешь?».

Пришлось отвлекать Гамельна разговорами про отца Эби-Дороти и возмущением: «Представляешь, Эби-Дороти считает – хорошо, что тебя поймали!». Гамельн молча выслушивал ее негодование. Молча сменял блюда и наливал чай. Молча улегся в постель, кивнув на часы, где время переваляло за полночь.

Леона легла рядом, заложив руки под голову. Она совершенно не чувствовала сна, напряжение дня kloкотало по венам. Чтоб она еще раз связалась с таким типом, как Хэнкок!.. Хотя тот действительно помог и даже вызвал такси бизнес-класса, обронив излишне мурлыкающе, что Сонна занят. А что, если Гамельн в окно видел, как Леона вся такая-рассякая вылезла из напыщенной тачки?! Ладно, семья Эби-Дороти не из бедных, могли позволить себе вызвать комфортабельную машину для гостя. Другой вопрос – почему Леона ночевать не осталась. И про лекарства надо как-то объяснить. К слову о... До Леоны заторможенно дошло, что она спокойно обращается с раненой рукой. Упс.

Гамельн спал с лицом человека, переживающего тяжелые думы. Ничего, скоро станет спокойнее. Совсем скоро. Оста-

валось решить – где детям жить. Домик в лесу подходил по всем параметрам, кроме одного... двух: кто детей будет учить и кто с ними в принципе будет. Все-таки на работе и сама Леона, и Гамельн могли задерживаться допоздна. Леона еще на дорогу тратила прилично. Пока ее не перевели, по крайней мере. Разговоры об этом то всплывали, то утихали. Как выйдет на работу – пойдет сразу к начальству. Но и перевод по щелчку пальцев не осуществится. И чем тогда жизнь детей будет отличаться от прошлой? Одни, отрезанные от мира и получающие «подачки».

Леона почесала затылок и покосилась на Гамельна. Прикусила губу. Как только не проболтаться и не вывалить раньше времени сделанное и намеченное?! Гамельн бы обязательно разложил все по полочкам. Успокоил. Задал бы парочку включающих мозг вопросов. Набросал бы план действий. Р-р-р-а! Почему все так сложно? Почему так сложно быть взрослой?

Быть взрослой... быть взрослой... В голове всплыло вдруг лицо начальницы Гамельна, мисс Винтер. Вспомнились ее насмешливость и сталь. «Я насмотрелась... моя сестра... трудные подростки». Леона чуть не подскочила. Вот оно! Как бы не проспять и снова навязаться к Гамельну на работу? Будильник! Будильник – лучшее изобретение человечества. А причину она придумает. В конце концов, целый день сидеть дома одной – ужасная скука! И бабульки на Гамельна гроздьями вешаются, нужно их застращать. Вот. Леона ра-

зулыбалась и сунула телефон под подушку. Вибрацию она-то точно услышит.

***

Леона бессовестно подрыхла. Разлепила глаза, когда за окном всю жарило солнце. Ох черт! Будильник на телефоне мигал равнодушным «пропущенный сигнал». На время лучше было вообще не смотреть. Леона прикрыла локтем глаза и рывком отскребла себя от кровати. Некогда самобичеваться. И почему Гамельн такой бесшумный? Собрался ведь и будильник мог слышать, но Леону даже не потормошил. Пожалел? Завтрак, прикрытый полотенцем, дождался на столе. Пахло вкусно. Леона почесала бок и почувствовала себя неловко. Обуза она какая-то. Толку ноль, тайн миллион... А Гамельн ее еще и кормит.

Но, кстати, привезти Гамельну обед – чем не повод наведаться к нему на работу? А то питается неизвестно чем, а тут домашняя еда, ну, почти. Мультиварка и полуфабрикаты спасали от многих хлопот за плитой. Решено. Дорогу Леона более-менее помнила.

– Здравствуй, – начальница Гамельна стояла за стойкой на входе и выглядела слегка удивленной. – Тоже решила у нас заниматься?

– Я обед привезла, – Леона дернула головой и направилась к нужному залу.

– Ты молодец, конечно, но, во-первых, где твоя сменная

обувь? Во-вторых, вход в залы без пропусков или абонементов категорически запрещен. В-третьих, с чего ты взяла, что Нельсон сегодня работает?

– А разве нет?

– Он работает три через один, и сегодня у него как раз выходной. Странно, что ты этого не знаешь.

– Извините... – Леона переступила с ноги на ногу и поправила ремень сумки.

Где тогда Гамельн, интересно? Хотя отсутствие его на работе Леоне, напротив, на руку. Она встряхнула головой и, копируя фразу из какого-то старого фильма, максимально вежливо обратилась: – Мисс Винтер, вы не будете так любезны уделить мне пару минут для разговора наедине?

– Как видишь, я нахожусь на рабочем месте и не могу его покинуть по собственной прихоти или прихоти девчонки без веской причины.

– У меня весомая.

Винтер медленно моргнула, как сова.

– Обед через двадцать минут. И ты угощаешь.

Леона кивнула. Как будто у нее был вариант отказаться!

– Итак, каков предмет разговора? – Винтер выбрала японское бистро и вполне бойко управлялась со здоровенной порцией горячего рамена.

– Курирование трудных подростков вашей сестрой.

– С чего вдруг это тебя заинтересовало? На волонтерство потянуло?

– На волонтерство меня потянуло еще со школьных времен. Но здесь другое, – Леона набрала в грудь побольше воздуха и затараторила: – Я... я забрала детей. Двоих. Пока. Документы на них будут. Но им нужен дом. Место, где они смогут жить и учиться, не опасаясь, что за ними придут.

Винтер замерла на секунду с намотанной на палочки лапшой и продолжила есть как ни в чем не бывало.

– Ты хочешь, чтобы моя сестра помогла пристроить двоих детей на нелегальных условиях? Любая проверка выявит липу, сестру посадят, лицензию отберут. Отличный план.

Леона сжала кулаки.

– Не выявят. Над бумагами работает профессионал. Он сам живет не под настоящим именем, и до сих пор никаких проблем не возникало.

– Да ладно? И откуда у такой девочки, как ты, деньги на «настоящего профессионала»?

– Это не ваше дело, – кулаки чесались нестерпимо. – Я прошу помощи, все. Если не можете или не хотите мне помогать – так и скажите.

Винтер обмакнула рот салфеткой и принялась помешивать трубочкой матчу.

– Гарантии, Лео. В моем возрасте хочется гарантий. Я, увы, знаю, что такое поддельные документы и что за это бывает. На свои последние соревнования по плаванию я поехала с липовыми справками о состоянии здоровья, и меня лишили выигранного золота, а мою группу всех баллов. Бо-

лее того, всерьез рассматривали вопрос о дисквалификации постфактум и лишении остальных наград. Тренер отстоял. Но дорога в профспорт оказалась для меня закрытой навсегда. Нет, я не жалею. Однако вину перед тренером и командой чувствую до сих пор, – она вздохнула и глянула на Леону устало. – В твоём случае все намного серьезнее. Намного. И ладно бы ты одна несла бремя ответственности, ты хочешь взвалить его на других. Возможно, тебе стоит заняться вопросом опеки.

– Будто вы не знаете, как работают законы. – Леона буркнула, чувствуя подступающее отчаяние. – Даже если мы выиграем, подростки до совершеннолетия останутся под постоянным надзором, и что это будет за жизнь?

– Зато за их судьбами будут следить миллионы, и кому-то это может послужить в назидание.

– Вы же говорили, что за Га...

Винтер наступила каблуком ей на кроссовок.

– Да, так и есть. Но ты разве он? Что вообще за никчемное подражание? Он-то справлялся со всем один. Это меня особенно восхищало.

Леона прикусила щеку изнутри. Внутри клочкотало. Да как она смеет такое говорить? Что она знает?!

– Не один. У него были мы. Все дети.

Винтер оторвалась от бабл-ти и медленно-медленно заморгала.

– Так ты?..

– Леона Снайдер, пятый ребенок.

– Боже мой. Боже мой... Вот почему... Ты хотя бы совершеннолетняя?

– Мне восемнадцать.

– Ясно.

Винтер тянула бабл-ти через трубочку, пока не выпила до конца. Воздух громко заходил по стакану. Она тут же отставила стакан в сторону и почти беспомощно сложила руки на коленях. Эта сильная уверенная женщина колебалась перед ней, Леоной! «Девчонкой».

– А гарантии – вот, – Леона протянула Винтер визитку Хэнкока, и та как во сне провела по выпуклым буквам, на последней застыв и пристально взглянув на Леоноу.

– Можно я не буду спрашивать, откуда ты знаешь этого человека?

– Э, можно.

– И тем более про способ оплаты за услуги.

Леона вспомнила ВИП-ложи и медленно кивнула. Винтер щелкнула сумочкой, доставая кошелек.

– Так я же...

– Я поговорю с сестрой. Не могу обещать тебе ничего, но постараюсь сделать все возможное. Запиши свой номер.

Перед Леоной легла миниатюрная записная книжка с такой же крошечной ручкой, и она старательно вписала туда свои данные. Книжка тут же захлопнулась и была убрана обратно в сумочку.

– Спасибо за компанию, Лео, – Винтер поднялась и одним движением разгладила майку. – Здесь отличная кухня. Рекомендую. Своди сюда как-нибудь Нельсона. А то вечно он с самодельным обедом, но начальству приглашать подчиненного – пусть и такого симпатичного – не слишком прилично, не находишь?

Леона сглотнула. Намеки эта женщина делать умела.

***

– Мне спрашивать, где ты была сегодня, или делать вид, что все окей? – Гамельн встретил ее у порога, напряженный и очень серьезный.

– Ездила к тебе на работу, – Леона разувалась на ощупь, боясь потерять зрительный контакт. Как с опасным противником. – Обед отвозила. А то вдруг ты не взял и голодал?

– Лео, может хватит придумывать всякую чушь?

– Но это не чушь!

Гамельн сощурился.

– Да, не чушь. Да, подумаешь. Ты всего лишь гоняешь на нехилые расстояния, непонятно с кем встречаешься, непонятно что делаешь. Вчера тебя не было у твоей подруги. И Элизабет разговаривает со мной так, словно я налоговый инспектор, а еще путается в датах и описаниях. Понимаю, беременность – нелегкое время, но не находишь, что совпадений слишком много?

Леона услышала, как сумка падает на пол, а сердце – ку-

да-то в желудок. Замечал... Гамельн все замечал!

– Пока не могу. Правда не могу! Но тебе не о чем беспокоиться, я...

– Конечно, мне не о чем беспокоиться. Глупости ведь. Та, кому я доверяю, совсем не доверяет мне. Подумаешь, с кем не бывает, – Гамельн скривил рот и выглядел как раненое животное.

Леону словно иголками искололо и скрутило болью – так, должно быть, чувствовал себя мутант, когда над ним проводили нечеловеческие эксперименты. Проще и легче было все рассказать, но... Но ведь Леона снова приобретет статус «глупая девчонка»! Хотелось расплакаться, чтобы Гамельн не пытал ее, не пытал, не пытал...

– И плечо. Оно у тебя действительно болело? Я до жути перепугался тогда. Идиот. Док редко ошибается, и все же... у каждого бывает просчет.

Леоне показалось: Гамельн это не о доке. И черт, черт, черт! Закричать бы, парализуя, давая себе передышку, давая возможность мыслям перестать бешено скакать.

– Га-гамельн, послушай... Послушай: я не врала! Почти... Но я объясню! Через сутки. Даже меньше. Нужно только убедиться, что все в порядке, что...

– Уходи. Уходи, Лео. Иди куда хочешь, – Гамельн захолопнулся на все замки. Только в глазах еще бушевало и плескалось столько боли, что Леона ощутила себя редкостным мудлом. Горло схватило спазмом, карябающим, готовым стать

то ли воем, то ли хрипом.

– Гамельн...

Гамельн покачал головой, упираясь трясущимися руками Леона в плечи и отталкивая-отталкивая... Леона остолбене-ла. Проехалась ступней по плитке. Да что это делается?

Сердце ныло. Там, внутри, словно кто-то шарил и шарил бесцеремонно, бестактно. Леона стиснула зубы. Перехвати-ла руки Гамельна, притягивая его к себе, колючего, взвин-ченного, накрученного. Катись оно все!

– Я украла Чарли и Оллин, – Леона шептала прямо в ухо Гамельну, который дергался как под разрядами. – Вернее, Чарли заставил его украсть, а Оллин ушла сама. И все-таки мне до сих пор страшно. А если сорвется, а если нагрянет полиция, а если, а если... Но у них будут новые документы и дом, где им будет хорошо. Я очень надеюсь, что им там будет хорошо. Нужно еще забрать Сьюзен, и пережить рейд полиции, и пережить новости. И не пойти, рыдая, сдаваться. Как ты справился, Гамельн, как ты справился?

Гамельн застыл в ее объятиях, одновременно ошеломлен-ный и до странности спокойный. Тихо пропел мотив ка-кой-то старинной песни. Ветром, дрожью, трепетом отзыва-ющуюся в душе:

– «Я видел счастливые лица; я видел птиц, свободно паря-щих в небе», – он посмотрел на Лео темным-темным взгля-дом хищника. – И сколько ты собиралась скрываться, льве-нок? И зачем?

– Но ты ведь... но тебя ведь...

– Кажется, ты забыла, что это я украл тебя, как и остальных детей. – Гамельн потянул ее вперед, в гостиную. Там, на столе, в вазе стояли белые лилии. И пять желтых гвоздик.

***

– Судя по тому, что ты мне рассказала, снова заявляться на территорию санатория нельзя.

– Почему?

– Лео, – Гамельн легонько щелкнул ее по носу карандашом. – Там не идиоты работают. И на камерах ты засветилась порядочно. Будет у них еще байка ходить про пациента номер неизвестно.

– И что тогда делать?

– Караулить этого доктора Найджела. Думаю, он знает больше, чем показывает. Нужно попробовать с ним поговорить. А там решим по обстоятельствам.

– И почему ты такой умный, Гамельн?

– Это называется работа в паре, львеноч, – Гамельн клюнул ее в щеку и ловко ушел от ответного заторможенного поцелуя. Еще и глянул так, мол, не заслужила. Всю душу вывернул – и не заслужила?! Совсем ни в какие ворота. – Завтра после работы устроим пробный рейд.

– Угу.

Обиженная, Леона уползла в интернет читать про язык цветов. И от найденного ярко загорелись уши. Гамельн из-

девается, да? «Белые лилии символизируют чистоту и непорочность». Это что такое вообще?! Вот Леона возьмет и подарит Гамельну букет из фиолетовых и розовых гиацинтов. И пускай расшифровывает правильно. «Я сожалею о своем поступке и люблю тебя».

Желтые гвоздики – персональный знак Гамельна – символизировали не слишком приятное: отказ, разочарование, пренебрежение. Послание для матерей, которые не справились с воспитанием детей, которые были либо чрезмерно заботливы, либо чрезмерно жестоки. Послание – и шанс начать новую жизнь.

Гамельн явно любил символизм. Свой образ, свой культ. Кто его такого только вырастил? Хотя глупый вопрос: конечно же, хищные птицы.

***

Рейд Гамельн собрался устраивать на пафосной машине с тонированными стеклами.

– Взял напрокат.

Леона порадовалась, что в кои-то веки надела глаженое чистое платье. Но садилась все равно с сомнением. Даже дышать было боязно! Зато Гамельн расслабленно откинулся, врубил американский рок прошлых лет и выкрутил скорость на максимально допустимую. Он нацепил очки и кожанку. Ветер из приоткрытых окон трепал волосы. Все, все вопило о свободе. Ехать бы так и ехать – через всю Европу сразу в Штаты. А оттуда к рекам Амазонки, где полная белая луна

и поющие крокодилы. Гамельн барабанил по потрепанному рулю в такт мелодии. Насыщенно-оранжевые лучи пронзали горизонт. Леона сама не заметила, как полностью расслабилась и растворилась в атмосфере этого вечера. Прикрыла глаза.

На повороте Гамельн вдруг ее поцеловал – опасно и ужасно волнующе. Язык успел проехаться по небу и деснам, прежде чем Гамельн вернул все внимание дороге. А Леоне стало неудобно сидеть! Приходилось ерзать и зло зыркать. Водителя отвлекать нельзя, да? «Водитель» улыбался – как какой-нибудь рейнджер, едущий спасать мир и надирать задницы плохим парням. Что там плохие парни! Сама Леона не отказалась бы, если бы ей...

За деревьями открывался санаторий. Особенно ярко пасторально-застывший сейчас, в преддверии заката. Они подъехали почти к самым воротам, при этом Гамельн развернул машину так, чтобы номера не засекала камера. И поднял стекла, оставив лишь узкие щелочки.

Гамельн кому-то набрал – и совершенно неожиданно скоро по дорожке засеменял док, который был другом семьи Гамельна и обследовал Леону! В черной водолазке и джинсах тот выглядел непривычно, а из-за полу-улыбки так и казался закаменелым пройдохой. Не колеблясь, док открыл заднюю дверь и чинно плюхнулся.

– Я вас не сильно напряг? – Гамельн обернулся к нему и пожал ладонь.

– Наоборот, рад был увидеться со старыми коллегами, – док на миг зажмурился, словно припомнил что-то хорошее. – Как ваше плечо, мисс?

– Нормально. Мне дали лекарство, вообще как новое стало.

– А что за лекарство?

Леона пожалала плечами и полезла в сумку за коробкой. У дока едва очки вверх не поползли.

– У меня один вопрос: где это достал тот, кто вам его дал? Оно далеко не всегда в продаже есть, поэтому очереди выстраиваются на год, а то и на два вперед.

– Ну, у него состязания в клубе проводятся... – Леона постаралась подобрать нейтральный синоним для «подпольных боев без правил». Нечего шокировать человека. – Для бойцов важно, наверное.

– Для спортсменов это лекарство – золото, – док еще подержал около себя коробочку и отдал с неохотой. А затем посуловел, глянув в окно: – Идут, Нельсон.

– Это же лисичка! – Леона затыкала пальцем в женскую фигурку в нежно-рыжем плаще.

– Знаешь ее? – Гамельн покосился с интересом.

– Медсестричка, она мне дорогу указала до детского корпуса!

Лисичка шла с доктором Найджелом нога в ногу и о чем-то восторженно щебетала. Когда они подошли поближе, через оставленные щелочки донеслось завершение их разгово-

ра:

– Мы с вами, как всегда, поздно. Вас подвезти?

– Буду премного благодарна, – лисичка склонила голову, а сама как монетка начищенная сверкала.

Найджел галантно придержал для нее дверь машины и аккуратно захлопнул. Очень по-джентельменски!

Гамельн выждал, когда они отъедут и осторожно-плавно двинулся следом. Настоящая слежка! Леона едва не подпрыгивала и на телефон не снимала, как у них все круто и повзрослому. Жаль, доктор Найджел не гнал, не петлял, не хитрил и всегда останавливался на желтый сигнал светофора. Скучотень. То есть Найджел – молодец, правила соблюдает, девушку не пугает и пусть ездит как привык, но им ведь подстраиваться приходилось!

Поэтому когда пройдоха-док попросил довести его до метро, Гамельн с превеликой радостью рванул по трассе. И явно не только из вежливости выбрал не ближайшую станцию, а удобную для дока.

В итоге они и посадить его успели, повоевав за парковку и хором поблагодарив, и вернуться на трассу, включив аварийку, и Гамельн снова Леону поцеловал, явно дразнясь. Случайно чуть машину Найджела не проворонили! Хорошо, Леона поймала краем глаза знакомый силуэт. Задергала Гамельна, который задумчиво протянул: «А стоит ли...», – но все-таки поехал следом. С трассы свернули в самый центр Лондона, как всегда, яркий и шумный. Вокруг гуляли и раз-

влекались толпы по случаю завершения рабочего дня.

– Видно, сегодня не судьба.

Припарковавшись, Найджел вышел из машины, открыл дверцу лисичке, и они вдвоем направились в ресторан.

– Он за ней ухлестывает, что ли? – Леона таращилась на ладонь доктора, деликатно пристроенную на талии девушки. Лисичка сопротивляться и тем более возмущаться явно не собиралась, лишь прижималась теснее.

– Похоже на то.

– А как же этика?

– Срабатывает крайне редко. Где и с кем им еще знакомиться, если двадцать часов в сутки они живут на работе, – Гамельн снял очки и облокотился о руль, невероятно крутой, как актер из кино. Лучше.

***

– Лео, – Гамельн поймал ее взгляд, почти гипнотизируя, – хочешь, свожу тебя в ресторан?

– Зачем?

Леона хотела, чтобы ее сводили домой. Накормили и уложили на чистые простыни.

Гамельн вздохнул и откинулся на сиденье.

– Тебе подавай другую романтику, ясно. Ты знала, что здесь опускаются спинки? – на этих словах обе спинки с мягким шуршанием поехали вниз.

Гамельн навис над Леоной тенью, знамением, демоном.

Поцеловал совсем головосрывательно и потянул платье вверх.

– Гам-ммммфмм-ельн, что ты мфффелаешь?

– А непонятно? – он откинул платье куда-то в сторону и провел языком по губам. – Могу объяснить. На пальцах.

Леона задергалась.

– Но это стоянка! Мы в машине! И вокруг люди!

– Отменная наблюдательность, – Гамельн потерялся о нее до темени в глазах и прокрался пальцами в трусы. Мазком-касанием. – Плевать я на все это хотел. И у нас тонированные стекла.

Гамельн прихватил губами кожу под подбородком Леоны и спустился поцелуями по шее к груди, между каждым влажным касанием продолжая говорить:

– Никто... при всем желании... не увидит... что творится внутри.

Он откинулся назад, безумно красивый и грациозный, и снял с себя кожанку. Глянул остро, врубил вслепую музыку и навалился, притираясь всем телом. Бесконечной лавиной раскатывая в ничто. У Леоны кровь в ушах загремела, тело будто иголками искололи, между ног горело огнем.

Гамельн не давал возможности и времени паниковать: сорвал с себя футболку, а с Леоны – трусы. Невольно захотелось сжать ноги, но попробуй тут. Только ведь и для Гамельна показать свои ожоги – значит довериться кому-то полностью. От этой мысли в груди защемило.

Долго предаваться сентиментальности не получилось: Гамельн принялся ласкать ее, и от этого в животе будто искры вспыхивали. Дыхание терялось и с трудом находилось. Леона стиснула свою грудь, лишь добавив масла в огонь. Ощущения придавливали. Она то стонала, то скулила, вспоминала про стоянку – и смыкала губы до следующего толчка пальцев внутри.

Гамельн походил на безумца, сдержанного, застывшего во времени – и ждущего, когда сломаются тормоза.

– Какие же у тебя длиннющие ноги, – он обронил рассеянно и погладил ее по бедру.

Снова навалился, и член его распирает, входя внутрь. В животе будто образовалась пустота, а в легких закончился воздух. Леона вцепилась Гамельну в руки и услышала как сквозь вату: «Львенок, все хорошо». А потом он стал двигаться, и кожаная обивка заскрипела. Это «скрииип-скриииип» выворачивало мозг, особенно под грифы электрогитары.

Внутренняя заслонка пала в одно мгновение, подарив буквально шквал ощущений. По венам растекся жар, тело взмокло. Леона умирала всякий раз, когда Гамельн толкался вперед. Стонала протяжно. А коса металась по сиденью, удерживая на краю реальности.

Гамельн снова вытащил член перед разрядкой и кончил Леоне на живот. Застыл и размазал потеки в разные стороны, словно начертив личный знак. Ощущалось липко и стран-

но. Гамельн же усмехнулся и пустил струю воздуха на пупок. Леона вздрогнула и едва не заехала ему локтем в лицо.

– Прекрати!

Гамельн задумчиво склонил голову, опираясь на руки, и облизнулся.

– Глупая львица. Поздно стесняться.

Может, оно и так, но для Леоны все в новинку и вообще – стресс. Она и так адаптируется как может!

– Хм, придется на мойке доплатить за молчание. Или самим поорудовать... шлангом.

Леона покраснела – от слов, интонации и губ Гамельна. Покрасневших припухших губ. Ну, пиздец! Как они обратно-то поедут?!

Поехали, как оказалось, нормально. Леона сидела и боялась пошевелиться. Кожа живота зудела и чесалась. Гамельн обронил на светофоре: «Можем вместе пойти в душ», – и стало еще хуже!

А на пороге квартиры Гамельн снова полез целоваться и буркнул высунувшейся соседке: «Эклицио». Та округлила глаза и скрылась за дверью. Леона успела вообразить продолжение «магии единорожной дубинки», но Гамельн быстрее толкнул ее внутрь квартиры. Где их ждали темнота и полный интим.

***

Второй рейд оказался удачнее, хотя Леона всю дорогу то

краснела, то бледнела. Гамельн строил вид, будто вообще не при делах, и украдкой гладил ей колено. Гад!

Доктора Найджела они поймали на заправке. Тот вышел, чем-то озадаченный. На автомате потыкал в кнопки и направил шланг в бензобак. Леона старательно отогнала все неприличные ассоциации.

– Здравствуйте, – Леона закрыла лицо от шквала ветра с пылью и напрочь забыла все заготовленные слова.

Кто она, что ей надо... Найджел не выглядел испуганным или удивленным, но пауза явно затягивалась. Почему нельзя телепатически передавать мысли и переживания? Пик-пилик – и готово. А то интернет есть, а телепатии – нет. Ну что такое. Умеющий красиво складывать слова Гамельн остался в машине. Нечего лишний раз светиться. Но как продолжить-то?..

Найджел сказал за нее:

– Вы все-таки пришли. Эгрегиэ. Времени нет.

Найджел отогнал машину к обочине и пересел в их. Встретился с Гамельном взглядом и протянул ладонь для рукопожатия.

– Сюзен говорила, что за ней должны прийти. Обязательно. Теперь я понял, о ком она. Завтра ее собирается забрать мать. Не мать, а эсэсовец. Такие, знаете, в концлагерях заводили.

– Мы опоздали? – Леона сжимала кулаки, готовая вырвать Сюзен из любых пут и рук.

– Вы кстати. У Джорджии ночное дежурство. Связь есть. Думаю, она будет рада узнать, что у нее не глюки. Отлично придумали, мисс, притвориться пациенткой и пробраться в корпус. Даже я попался на вашу удочку.

– Джорджия – медсестричка-листочка, да? – Леону окутал на секунду стыд. – Она недавно работает?

– Вообще-то уже пятый год. Но речь сейчас не о ней.

– Да, извините, – Леона постаралась выкинуть лишнее из головы. – Каков план действий?

– Санаторий огражден не только забором, но и лесом. К лесу ведет калитка, поскольку туда выводят группы на экологические прогулки. Сюзен стоит выйти с территории самой. Это решит половину проблем и уберет лишние подозрения. Охранника Джорджия отвлечет.

– А потом мы перехватим Сюзен у шоссе, да?

Найджел вынул из кармана потрепанную карту и, пока разворачивал, пояснял:

– Да. Только не у того, от которого идет прямая дорога к санаторию. Если идти в обратную сторону наискосок – можно выйти к шоссе, ведущему к аэропорту. – Он пальцем прочертил путь, который казался сущей ерундой в масштабе один к ста. А на деле – долгий и трудный. – Очень надеюсь, Сюзен не заблудится.

– У нее будет с собой телефон? Хотя бы фонарик? – Леона едва за грудки доктора не взяла, нависнув так, что тот деликатно отодвинулся.

– Фонарик будет. Ути люксе. Телефон ей иметь при себе опасно. Умельцы не только звонки с сообщениями вскроют, но и местонахождение.

Леоне немедленно захотелось раздробить свой телефон дубинкой. Подсунуть единорожной соседке: «Будьте так любезны». И телефон Гамельна заодно. А что? Неадекватное поведение! Но это, наверное, перебор. Или нет?..

– То есть никакой связи? – в разговор неожиданно вступил Гамельн, который, судя по взгляду, просчитывал тысячу и один вариант удачного разрешения дела.

– Почему же, – Найджел улыбнулся. – Сьюзен однажды напела одну мелодию... Эсиопии Хамелини, как она назвала. Я подарил ей за это охотничий свисток. Звук у него хорошо разлетается. И ни с чем не спутаешь. Похож на крик буревестника.

– Во сколько?..

Найджел изысканно задрал рукав и сверился с часами.

– После восьми. До девяти у детей свободное время. Сьюзен выйдет порисовать. Она всегда рисует за корпусами. А там и калитка рядом.

– А дети шум не поднимут? – Леона вспомнила девочку-гимнастку и таинственную «без языка».

– У Джорджии ночное дежурство, а они со Сьюзен любят читать допоздна, – доктор Найджел сложил карту и покачал головой. Видно, врачебный долг боролся в нем с человечностью. Да что там: просто расставаться – это всегда грустно.

– Спасибо большое, – Леона постаралась вложить в простую фразу всю горячую благодарность.

– Пока не за что. На всякий случай для общей легенды...
– Найджел отследил взглядом значок камеры на заправке. – Я объяснял вам дорогу. Бенедиксимус.

– Гратиам аджимус, – Гамельн причудливо взмахнул рукой, и у доктора в улыбку закралось тепло.

Ну нет уж. Гамельн – ее, Леоны! Ее. Написать большими буквами, что ли? Найджел пускай к лисичке подкаты делает. Рестораны, то да се. Пока Леона пыхтела – Найджел успел не только выйти, но и уехать. Его машина выворачивала с заправки, моргая поворотником, будто подмигивая.

***

– У нас чуть меньше часа. Чем займемся? – Гамельн почти улегся на руль, лукаво стреляя глазами.

– Ты тоже знаешь этот колдовской язык? – Леона игривого настроения не разделяла и хотела хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей. – Что такое «эгрегий»?

– «Прекрасно» или «превосходно» на латыни.

– А «эсиопии Хамелини»?

– Колыбельная Гамельна, – Гамельн выпрямился и поджал губы. Свою колыбельную он пел всем детям, и это была еще одна связующая нить.

– Тебе не страшно?..

– Не боится только мертвец, львенок. А я вроде как жив.

Гамельн развернулся к ней, взял ее ладони в свои, дыхнул – сначала холодно, потом тепло, приложил к сердцу, которое билось не громко, не взбалмошно, но как-то завораживающе, потянул к паху – почти без намека, доверием. Хотя щеки у Леоны все равно запылали.

– Чувствуешь? Я чувствую. Волнуюсь. Злюсь. Радуюсь. Ликую. Люблю. Так много всего, Лео, что боюсь, а хватит ли меня? Но ты открываешь все новые и новые грани. Срываешь замки. Лезешь в пекло. Настоящая бесстрашная львица.

– Ничего подобного! – Леона вскинулась и разбилась о невозможно серьезного Гамельна. – Я кучу раз сомневалась. Аж поджилки тряслись. Хотелось спихнуть дело на кого-нибудь другого и уползти в домик. Я представляла все себе совсем по-другому. Что р-раз! – и...

– Лео, мы же не в волшебной стране, – Гамельн приобнял ее за плечи, погладил по спине. – Никакой магии, только сила духа и немного везения. А еще упрямство и упорство.

Он поцеловал Леону – прикосновением. Нежным и ужасно многословным, ужасно трепетным. Уткнулся носом в изгиб плеча.

– Не знаю, что бы без тебя делал. Как бы без тебя жил. Спасибо, что ты есть в моей жизни. Такая невероятная, потрясающая сорвиголова.

Леоне казалось – она сейчас айсберг растопит! Лицо полыхало адовой бездной. Слова застревали в горле «Т-ты чего вдруг?» и «Так обычно прощаются в мелодрамах!». Пока

она пыталась родить хоть что-то – Гамельн отстранился, супервзрослый и фантастически красивый. Сердце сжалось.

– Ну, по кофе и погнали потихоньку? На заправке кофе паршивый, но взбодрить должен.

– Гамельн... – Леона поймала его за край куртки, вцепилась дрожащими пальцами: смотреть прямо не получалось. Тот терпеливо ждал. – Гамельн... – Леона скомкала тонко выделанную кожу, неловко потянула на себя и сразу испугалась, что порвет.

– Ну чего ты, глупая? Лео... – Гамельн развернулся, приподнял ее лицо ладонями. – Рабы, еда и рабы с едой. Вот что такое мир для тебя. Ты – хозяйка, ты – царица. Чего ты хочешь?

– Я н-не хочу ни с кем тебя делить! Не хочу. Даже с детьми. Но они – семья, и ревновать к ним глупо. Я же не маленькая. Я знаю, что людей не присваивают себе в рабство. Ну, не в наш век, но... Р-р-р-а. Это порой невыносимо! И так глупо, и так...

– Ты хотела бы, чтобы я был твоим рабом? – Гамельн выгнул бровь – пока еще не насмешливо.

– Ты и так раб с едой, – Леона буркнула в сторону, и накопившееся напряжение лопнуло мыльным пузырем. Над какой херней она порой парится, ну а?!

– Знаешь, когда я влюбился в тебя? – У Леоны чуть глаза из орбит не вылезли на это спокойное, уверенное признание. – На берегу реки. Когда я вышел из тюрьмы, и ты ока-

залась единственной, у кого все наладилось с мамой. Тогда, спустя пять лет разлуки, ты сказала, что сама украдешь меня. Ты была такой... сексуальной. Но я не привык поддаваться мимолетным чувствам, да и тебе следовало... подрасти. Зато теперь, Лео, ты от меня так просто не избавишься.

Леона в который раз за день приложила костяшки к пылающим щекам.

– Ревность уже не так сильно гложет? Теперь точно глотаем кофе и гоним на место встречи.

Гамельн уже открыл дверцу и высунул ногу, когда Леона рывком потянула его на себя, разворачивая голову и целуя. Рычаг болезненно упирался под ребра, но было все равно. Гамельн ответил. И мягко отстранился, подставляя указательный палец к губам.

– Ты иногда такой тормоз, львенок. Хотя мне льстит, что для тебя это не просто так. Однако нам правда пора. Сюзен ждет.

Лео вздохнула. Да, Сюзен ждет. Ее и – Гамельна.

***

Не ревновать, не ревновать, не ревновать... Подростки затаились-сгрудились, словно чувствовали, словно внутри сработали предупреждающие маячки.

Навстречу Сюзен вышла одна Леона, затаенно-сраженная ночным лесом. Черно-изумрудным с дышащим, хлюпающим темным мхом. И воздухом, клубящимся у самой зем-

ли.

Крик буреветника загонял душу в пятки. Леона касалась коры деревьев, и та корябала ладонь, подпитывалась и будто посылала обратный пульс-импульс. Сильная воля, горячая кровь. Сьюзен не шла, а будто парила среди пронзающих небо стволов. Уверенная и потусторонняя, улыбающаяся чему-то своему. В зелено-желтом комбинезоне, ветровке и с деревянным чемоданчиком в руке. На шее болтался цветной шнурок со свистком. Она безбоязненно подошла к Леоне, так, будто они вышли охотиться за светляками и теперь возвращались домой. Леона коротко и крепко обняла ее и повела к машине. Лес провожал их шорохами и уханьем совы.

Они устроились на заднем сиденье вплотную друг к другу. Гамельн не оборачивался, ничего не спрашивал, и Сьюзен – тоже. Леоне показалось странным и стремным встретить. Так и доехали в тишине.

А при входе в дом Леоне резко захотелось, чтобы все спали, чтобы Гамельн для них остался видением-сказкой. Есть, точно есть, но находиться с ним рядом могла бы только Леона. Видеть, встречаться, трогать, целовать...

Но подростки как почувствовали их приближение. На кухне организовалась целая мини-делегация. Кучкующаяся возле ночника. И рассматривающая старые фотоальбомы. Да за что ей все это?..

Гамельн сказал просто:

– С возвращением.

Для «Я дома» было еще слишком рано и самонадеянно. И ему отозвались в унисон:

– С возвращением!

Они смотрели на ее – ее! – Гамельна с восхищением, радостью и легким неверием.

– Ты поседел, Гамельн, – Оллин склонила голову к плечу.

Из кармана ее платья выглядывал силуэт принцессы.

– И похудел! – Сьюзен чуть не кругом Гамельна обходила, длиннющая, уже почти догнавшая Гамельна по росту.

– И ниже стал. К земле клонит? – Чарли прищурился, насмешливый, а сам – сплошное напряжение, как только обнимать не кинулся...

Они все делали вид, будто расстались не столь давно.

– Возраст, – Гамельн пожал плечами и сам сгреб их всех, птенчиков – подросших, огрубевших, охамевших, но еще без толкового оперения и чувства полета, чтобы летать без боязни. Всех, кроме Леоны.

– Будете чаю? – мама незаметно сновала по кухне все подмечающей хозяйкой. Заботливого Рудольфа рядом не наблюдалось.

– Благодарю.

– Я к себе, переодеться, – Леона передернула плечами и ушла, ушла скорее. Немыслимо! Гамельн сейчас снова обворожит-заколдует каждого, и этот каждый станет посягать на его внимание. Бесит-бесит-бесит! Леона пнула попавшуюся под ноги спортивную сумку. Плюхнулась на кровать.

Навязчиво казалось, что Гамельн войдет, скажет насмешливо: «И куда ты провалилась? Нам тебя не хватает», – и потом что-нибудь сделает такого, отчего уши покраснеют. Да хоть наклонится и оближет эти самые уши! Но Гамельн не приходил.

Громко тикали часы – в полутьме циферблат не различался. От простыней пахло мятой: мама недавно стирала. В углу затаился мяч. Шею открутит, если узнает, что Чарли им играл. А Чарли играл... Именным мячом! С автографом! Ну, Леона задаст ему взбучку. Один на один. На кулаках. Пусть сопляк знает, как по-честному. Но уступать девочкам заплетание косы Леона не станет. Там и волос-то. А у Леоны – косища. Как у Рапунцель. Это не Леона, а Дороти сказала. Гамельн усмехнулся тогда: в точку. Ее Гамельн, ее.

***

Открыла глаза Леона, когда за окном нежно светило солнце. Подскочила ужом. Черт, черт, черт. Как так вышло вообще? Почему в эту ночь? Сердце скакало кроликом.

В гостиной стоял накрытый стол, усеянный баночками с джемами, корзинкой с тостами и чашкой с дымком.

– Доброе утро. Как раз собирался тебя будить. Сейчас на работу – каждый на свою, а потом – за документами. В тот клуб я тебя одну больше не пушу.

– В какой? Стрип? – Чарли колупался в зубах, и скабрёзность приобрела оттенок минус ста.

– Не исключаю, – Гамельн серьезно кивнул. – Поэтому тебя мы точно взять с собой не можем.

Чарли надулся как мышь на крупу.

– Я могу и тихо в машине посидеть... Нужны мне, что ли, продажные женщины.

Леона едва на ровном месте не споткнулась.

– У вас другое важное дело. Не забудь. – Гамельн отхлебнул из чашки и приподнял, показывая Леоне. – Это тебе. Вкусный чай получился.

– Помню-помню, – Чарли сник и забуравил взглядом стол.

– А девочки где? – Леона намазала на сэндвич абрикосовый джем и с наслаждением откусила.

– Спят. Мы только к полшестому разбрелись. А Чарли считает, раз не уснул до двух ночи – нет смысла вообще ложиться.

Леона вдохнула аромат чая, пахнувшего горячим лимоном и травами: в свое время она тоже начиталась всяких статей про пользу сна в зависимости от часов после полуночи. А когда стала совмещать учебу с работой, все это стало неважно. Леона и так дрыхла без задних ног.

– Гамельн, а Кевин?.. – голос Чарли звучал изломанно.

Гамельн присел перед Чарли и взял его руки в свои.

– Кевина мы все вместе навестим перед отъездом. Я... не решался один.

Чарли изломил брови и поджал губы. Кажется, понял. Или догадывался. Но верить пока не хотел.

– Его путь светел, – Гамельн будто сам себя убеждал. – Он стал настоящей вольной птицей.

Леона отвернулась, зацепилась взглядом за отсвет зеленого и задохнулась. На стене висела картина домика в лесу. Тот дышал солнцем и жизнью наравне с запущенностью, словно ждал, когда в него вернуться. Леона закусила щеку изнутри. Вернутся. Обязательно. Не сразу и даже, вероятно, не в этом году, но домик в лесу снова наполнится смехом. Вопреки всему.

– Допила? Уже пора выдвигаться, – Гамельн тронул Леону за плечо, и она едва не расплескала чай.

– А, сейчас, – Леона стала жадно глотать с микроперерывами – чай еще хранил горячий след, и после каждого глотка требовалась передышка.

– Опять растрепалась, – Гамельн потянул резинку вниз и зарылся в волосы Леоны, распуская косу.

Леона едва не застонала. Гамельн споро распускал прядки, и по телу как разряды тока проходились. А уж когда прошелся расческой – откуда только выудил? – и начал на макушке творить магию, Леона чуть не заурчала и прикрыла глаза. Чай остывал в ладонях, плескаясь у доньшка.

Гамельн плел споро и туго – коса тяжело касалась шеи. Девчонки из класса всегда завистливо вздыхали и даже несколько раз безуспешно хотели попроситься в гости – думали, это мама ей делала. Но та от природы оказалась косорука на приведение волос в приличный вид. Зато в Гамель-

не неожиданно открылся талант. И на голове Леоны стали появляться то «драконы», то «рыбы», то «французские плетенки».

Мудло всегда подкалывал «самая красивая и стильная девочка на районе». Ребята завели выражение «следуй за косой», а кто бегал на свиданки – фоткали для наглядных примеров.

Гамельн скрепил косу резинкой и поцеловал в висок. Леона уже выдохнула полустон, когда вспомнила про Чарли. Распахнула глаза – Чарли кемарил над телефоном, который купил несколько дней назад взамен старому, и явно залипал на ленте новостей или что он там листал. Гамельн фыркнул у Леоны над ухом и кивнул на выход. Да-да, им пора. А жаль.

Вместо снятой напрокат машины они поехали на машине Рудольфа.

– Камеры. Не забывай. Руди и ту машину на себя оформлял. Для отвода глаз. На самом деле он не в восторге от всего, что происходит. Глубоко не в восторге.

– Но все равно помогает? – Леона уставилась на профиль сосредоточенного Гамельна. Тот не отрывался от дороги ни на миг.

– Руди сильно любит твою маму. Действительно любит. Бетти поставила ультиматум: или он в деле, или пускай уходит и не возвращается.

– Мама?!

– Да. Ты даже не представляешь, какой путь она прошла

ради тебя. Насколько сильно переломала старые принципы и создала новые. Бетти – хорошая мать.

Леона сглотнула. Этот вердикт Гамельна – куда больше обычных слов. Многие просто не выдерживали его давления и силы. «А ты гордишься своей мамой?» Воспоминание о самой-самой первой встрече холодком прошлось по спине. Теперь Леона могла смело ответить: горжусь.

– Лео, послушай, – Гамельн подъезжал уже к «Оксфаму», и отчаянно захотелось утроить-учетверить-удесятерить путь. – Нам придется не видеться как минимум месяц. Может, дольше. Это цена безопасности – и твоей, и моей. Выдержишь?

Он припарковался и приглушил мотор. Шумы улицы обтекали, еще не прорываясь внутрь.

– А ты?

Гамельн усмехнулся горько и поцеловал – как в последний раз. Леона отчаянно ловила его язык и губы. Обхватила лицо, зарылась в волосы, не в силах оторваться. Гамельн отвечал тем же. Жадно целовал в губы, подбородок, нос, щеки, будто хотел запомнить каждую черточку.

– Мы еще вместе поедem в клуб. Доберешься сама?

– Да.

Гамельн застыл, пристроил ладони поверх ладоней Леоны, погладил пальцы. Будто просил: не отпускай, не отпускай... Прислонился лбом ко лбу. Прикрыл глаза. Между ними едва ли оставался миллиметр.

– Я что-нибудь придумаю, Лео, – Гамельн отчего-то шептал. – Обещаю.

– Я верю, – Леона выдохнула и оторвалась тяжело. – Пора. Гамельн лишь кивнул заторможено. У него были глаза человека, который боялся все потерять безвозвратно. Дурак! Леона поцеловала его стремительно-торопливо.

– Даже не думай от меня избавиться! Ты – мой.

– Твой, львенок, твой.

Гамельн уехал сразу же, как Леона выбралась из машины. И стоило больших усилий не пялиться вслед, а пойти, наконец, на работу. То-то сменщик удивится спонтанному возвращению. Нужно будет отдать ему смены и взять дополнительные. Забить себя работой под завязку. Она справится, она справится... У них есть еще целый вечер.

***

В клуб Леону сначала не хотели пускать.

– Где пропуск? – на входе стоял не длинный самурай, а мужик с лицом киборга. Автомат на него направь – не шелохнется.

– Я к мистеру Хэнкоку. У нас личная встреча.

– Мистер Хэнкок не оповещал меня ни о каких встречах.

– А вы можете ему позвонить? Уточнить. Память и сбои может давать.

Киборг глянул на нее так, что показалось – сейчас лазерами пополам разрежет.

– Я ничего не забываю. А мистер Хэнкок – тем более.

Леона чертыхнулась. И что делать? Гамельн задерживался – встрял в пробку. Перекантоваться в ожидании было особо негде. Не в караоке же тащиться! От караоке ее вообще мутило после празднования окончания девятого класса. Не лучший опыт – толпа горланящих бухих девчонок без слуха и голоса. Голос обнаружился только у Рут, которая фанатела по глэму, так что час от часу было не легче. У Леоны потом неделю в башке гудело.

Леона злобно таскалась туда-сюда: даже коса недовольно дергалась.

– Ты же Лео?

Леона обернулась. Перед ней стоял мужчина в стильном полупальто и шляпе с полями. Лицо выдавало суровость по-полам с готовностью слушать. Это был отец Эби-Дороти.

– Здрасьте, мистер Грегори.

«Вы же только по выходным сюда ходите!» – успешно проглотилось. А какой, кстати, сегодня день недели?..

– Как понимаю, спрашивать, что ты здесь делаешь, бесполезно, – они с Грегори устроились за столиком в верхнем зале, вполне благоустроенном и благопристойном. С ценами под небеса.

Леона кивнула. И уставилась на воду в граненом стакане с какими-то узорами по бокам. Эти стаканы появились как по мановению, стоило им сесть. «Сервис здесь достоин лучших ресторанов».

Вся ситуация тянула на театр абсурда. Леона попалась, словно глупая мышка. Она могла, конечно, напасть первой, мол, человек закона спонсирует нелегальщину... Однако уверенность и спокойствие Грегори как кирпичную стену между ними выстроили.

– С другой стороны – все понятно и без слов. Ты слишком напряжена и озадачена. Обескуражена. На вашем сленге: «Блин, влипла!». Значит, ты знаешь про это место больше, чем хочешь показать. Потому что ты не из той касты людей, Лео, кто станет шугаться отцов своих лучших друзей, – Грегори переплел пальцы между собой. – Но и я не из тех, кто читает морали и учит жизни. Бесплезное занятие по большей части. Люди учатся только на своих ошибках. Как правило. Хотя даже тюрьма – далеко не всегда решение проблем.

Леона вздрогнула. Зыркнула украдкой. Грегори неспешно ел принесенный ему салат с манго и креветками. А потом снова заговорил:

– В моей практике не так давно случилось дело, признанное закрытым, но я возвращаюсь к нему мыслями изо дня в день. Ты не очень чувствительная? В истории много мерзкого, – Грегори улыбнулся жестко и отложил вилку на край тарелки. – Поздно вечером девочку сбила машина. Защитная сторона водителя оперировала тем, что та сама кинулась под колеса. Сестра девочки утверждала, что водитель отвлекся на звонок и не следил за дорогой. Свидетелей, кроме сест-

ры, нет, неотвеченный звонок – есть. А еще есть выписка из психиатрической клиники, в которой девочка лечилась девять месяцев. Запись с видеорегистратора показывает, как она мчится в двух метрах от пешеходного перехода на мигающий красный и улыбается. Как думаешь, кто виноват?

– Водитель, – Леона поежилась, не совсем понимая, к чему это.

– Была когда-нибудь за рулем? На неосвещенном участке пешехода реально не видно. Он оказывается перед фарами как призрак. Даже если ты не отрываясь смотришь на дорогу.

– Но перед «зеброй» тормозить надо, вообще-то.

– Ты водитель, у тебя есть шанс проскочить светофор. На «зебре» и рядом с ней никого нет. Скажешь, не ускоришься?

– Что за штуки? Вы на стороне водителя?! – Леона внутренне взвилась и до боли впиалась ногтями в ладони.

Грегори помотал головой.

– Я ни на чьей стороне. Я независимый судебный эксперт и обязан рассмотреть все стороны вопроса, чтобы вынести справедливое решение. – Грегори отставил салат, и на его месте сразу оказалось горячее, а бокал наполнился вином. Официанты-невидимки! – Знаешь, почему девочка лечилась в клинике? На протяжении двух лет ее насиловал отчим. Сначала редко, а после смерти жены из-за болезни чуть не ежедневно. Девочка не выдержала и зарезала отчима ножом. В клинике она проходила курс реабилитации, и обследования перед выпиской показали положительную динамику.

ку. А когда выписалась – на следующий день ее сбила машина. Они шли с сестрой в парк смотреть на салют. Им оставалось перейти дорогу и еще чуть-чуть пройти. Когда загремели первые залпы, девочка сорвалась с места, желая поскорее увидеть «цветы на небе». Но этой мечте не суждено было сбыться.

Леона сидела, широко распахнув глаза. Сколько, сколько же в мире детей, которых необходимо забирать от родителей! Чтобы не ломались судьбы. Чтобы они просто... спокойно дышали, спокойно шагали по планете.

– Водителя приговорили к пяти годам лишения свободы, однако девочку это к жизни уже не вернет. – Грегори прихлебнул из бокала и поймал взгляд Лео. – Это дело напомнило мне другое. Тоже непростое. Мальчик на экскурсии постоял под водопадом, а ночью умер. У него оказалась пневмония с осложнением, и организм не выдержал нагрузки от долгой дороги, перепада температур и нарушенного питания. Чей недогляд: родителей, учителя или экскурсовода?

– Да всех! Как можно проглядеть пневмонию?!

– У него были проблемы с сердечно-сосудистой системой, которая дает похожую симптоматику. Он пил таблетки – и болезнь считали взятой под контроль.

– Но водопад!..

– Он очень хотел и сам напросился. Это подтверждают все, кто там был. Под струями мальчик провел пять секунд, после чего был тщательно вытерт и напоен горячим чаем.

– Хотите сказать: он сам виноват? Ребенок?..

– Лео, я независимый судебный эксперт и изучаю все стороны вопроса. Интересно, что именно этот мальчик проходил по еще одному делу – «Делу о Гамельне».

– Кевин... – Леона выдохнула и спохватилась, но Грегори словно не заметил ее оплошности.

– Изучив «Дело о Гамельне», я обнаружил, что со стороны родителей не первый раз отмечается безалаберное отношение к ребенку. Он недоедал, много времени проводил на улице, в том числе в холодное время года, а родители «запрещали ему жаловаться». Он и не жаловался. До самой смерти. Его мать приговорили к тюремному заключению, но...

– С Гамельном он был бы жив! – Леона стукнула кулаком по столу и скинула бокал, разлетевшийся брызгами. – Кто просил нас спасать? Кто?..

Грегори смотрел на нее спокойно-отрешенно. Достал из кармана ручку-диктофон и пододвинул к Леоне.

– Трое других детей сказали то же самое: «Мы хотим вернуться обратно к Гамельну». Как думаешь, это правильный выбор?

– Увидите сами, – Леона поднялась и опустила ручку во вновь принесенный и наполненный бокал с вином.

Грегори улыбался, когда она уходила, и вытирал руки теплым влажным полотенцем.

***

На улице поднялся ветер. Леона нахохлилась и запихнула руки в карманы шорт, высматривая Гамельна.

– Не замерзла еще? Извини, еле вырулил, – Гамельн прижался к ее спине, и хотелось стоять так пару вечностей, но время неумолимо тикало.

О пропаже Сьюзен уже должны были протрубить по всей округе. А за ней обнаружат пропажу и Чарли с Оллин. Дурацкие-дурацкие законы! Где ставкой могли стать здоровье и жизнь.

Гамельна на нижний уровень пропустили почему-то без лишних вопросов. Леона следовала за ним по пятам мрачным изваянием.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать! – Хэнкок в дурацкой маске арлекина кланялся направо и налево. – Вы у нас первый раз? По рекомендации? По приглашению? На кого желаете поставить?

– На Люстру.

– На люстру? Вон ту? Или ту? – Хэнкок потыкал в потолочные хрустальные произведения искусства и вдруг получил подзатыльник. От которого и маска слетела!

– Мистер Хэнкок, у вас завязки на соплях держатся.

Длинный самурай! Хэнкок развернулся к нему, кривя губы, будто говорил: «Ну что ты все портишь». А на них посмотрел уже с сияющей улыбкой.

– Кого я вижу! Лео! А вы, как понимаю, любимый человек моего любимого несостоявшегося бойца? – от подзатыльни-

ка на этот раз Хэнкок увернулся.

– А вы, как понимаю, владелец этого клуба? – Гамельн даже бровью не повел, передразнивая.

– Не только. Половина района под моей «крышей». Другая мне видами из окон не нравится, – Хэнкок вздохнул, будто и правда сожалел, что не может устранить эту проблему.

– И почему такой жесткий и властный человек, как вы, решили расщедриться? В чистоту душевных порывов я давно не верю. Все делается либо из корысти, либо из эгоистичных амбиций.

– Говорите так, будто у меня нет сердца! А я поняшек люблю и конюшню одну регулярно спонсирую. И в благотворительных фондах вы мое имя найдете. В первых десяти строчках! – Хэнкок едва ресницами не хлопал и руки лодочкой у сердца не держал. Кого он надуть пытался?

– Сердце у вас есть. В броне и с шипами. Иначе бы в мире акул вас давно сожрали.

Хэнкок вздохнул и скрестил руки на груди.

– Хорошо, хорошо, вы меня раскусили. Мне просто понравилась Лео. Как она яростно дралась! Как горел ее взгляд! О, какой бы успех она имела – стоя на ринге с оголенным торсом и растрепанной косой... Ай!

– Мы об этом говорили, Хэнкок, – самурай буквально впился пальцами Хэнкоку в плечо. – И вы обещали, что...

– Да-да, помню, – Хэнкок недовольно передернул плечами и замолчал таинственно-надменно.

Гамельн наседа на него медленно и осторожно. Как с хищником. А Хэнкок и был хищником, какой бы образ на себя не примерял.

– Так все же: почему вы решили помочь?

Хэнкок сощурился – полуласково-остро. Похоже, заготовил очередную пламенную речь – про нуждающихся, сырых и убогих, но самурай его перебил:

– Из-за меня.

Гамельн сразу направил все внимание на него, высокого и сурового. Возможно, он был единственным, кто в принципе мог воздействовать на Хэнкока. Иначе почему тот источал столько недовольства?

– Не повезло с матерью?

– Мы с братом сбежали из дома, – самурай пожал плечами, будто сообщал рядовой случай. – Нашу маму нельзя назвать плохой – ей просто хотелось эффектно выглядеть и поддерживать статус состоятельной. Богатые не клюют на лохушек, так она говорила. От богатых она и рожала. А потом трясла алименты и выбивала себе то драгоценности, то поездку куда, то машину. Очень умело держала в узде. Но с третьим ей не повезло – он оказался редкостным ублюдком. Унижал маму прилюдно, чуть не ботинки заставлял лизать. И нами помыкать пытался. А когда брат кинулся на него и отлетел от удара, мама ничего не сказала. Смотрела как кобыла: пусть дурно обращаются, зато седло с золотом и бахромой. Эти поганые отношения продолжились, поэтому мы

с братом собрались и ушли.

Леона в который уже раз за день похолодела от ужаса. Нет-нет-нет. Почему такое существует? Как? Ведь есть же службы, контролирующие семьи? И понимающие: здесь, за красивой картинкой, – грязь, а здесь хоть и не прибрано – счастья полные штаны.

– Как вы выжили?

– Только благодаря Хэнкоку. Он пересекся с моим братом, воруящим булку, и это его... впечатлило.

Хэнкок усмехнулся:

– Впервые выбрался в магазин без эгиды нянек-братьев, и тут такое – худющий пацан в болтающейся одежде, удирающий от пекаря. Но пекарь тучный, а я легкий и быстрый. Так что догнал-проследил.

– И тарасился из-за угла на то, как мы с братом жадно эту булку ели. А когда я его заметил – не испугался и не смутился, напротив. Вышел, представился и пригласил нас с братом на ужин. Булка была первой толковой едой за неделю, желудки бурчали пустотой – и я согласился. Так мы стали членами семьи и вечными должниками перед мистером Хэнкоком.

– Хочешь сказать: ты со мной из-за тарелки карри?

– Это был не просто карри. Семейный ужин в теплом доме, а потом теплые ванны и постель. Все за просто так, – самурай говорил ровно, но чувствовалось, как много для него это значит. – Плюс нам выделили целую комнату. В ней мы с братом смогли спокойно жить. Иногда чудеса случаются.

– Ко всему этому прилагаюсь я собственной персоной, – Хэнкок чуть в грудь себя не тыкал. – Или я уже не в счет?

– Хэнкок... Джоно. Ты – главное чудо.

Хэнкок расширил на миг глаза и расплылся обворожительной улыбкой. «Все как я и предполагал!» – едва не кричал он.

– Спасибо за рассказ. Теперь мы можем увидаться с Люстрой? И что насчет оплаты?

Хэнкок лениво обернулся к ним:

– Будете отдавать натурой. По очереди... Ауч. Сонна! Я вообще-то про поход по магазинам. Как раз хочу обновить коллекцию.

– Они не выдержат, – самурай вздохнул, как вздыхают перед противными, но неизбежными процедурами. – Этого даже твоя мама не выдерживает, а уж на что она только ни горазда, вырастив троих сыновей.

– Вот пусть и мучаются! А ты отдохнешь, – Хэнкок хлопнул в ладоши. – Решено. Отдай им папку от Люстры. Она в золотом сейфе.

Самурай сочувственно взглянул на Леону с Гамельном и скрылся за поворотом лестницы. Хэнкок скучающе протирал пуговицы, отливающие не то серебром, не то платиной. Сколько же лет они знакомы? И почему самурай до сих пор Хэнкока не придушил? Так сильно... любил?

Самурай вернулся довольно скоро и мягко-устало укорил:

– Опять код поменял.

Он протянул им папку: да, самурай явно не лыком шит, раз смог подобрать код за считанные секунды! За черным пластиком уместились все необходимые документы и даже медицинские карточки. Теперь подростки могли безбоязненно и полноценно жить новой жизнью.

– Спасибо, – сказала Леона от всей души.

– Если все-таки надумаешь стать бойцом – ради тебя пересмотрю правила насчет возраста. Про лекарство не забывай. Раз в неделю. Плюс физкультура. Жалко будет, если функционал растеряешь. Ну, Сонна! Что я такого сказал?!

Самурай крепко держал Хэнкока, и тот безуспешно вертелся ужом в кольце рук.

– Удачи вам.

– Вам тоже, – Гамельн ухмыльнулся, то ли работу имея в виду, то ли личную жизнь, и стремительно развернулся.

Леона еле за ним поспевала. Хотела поймать на выходе, но Гамельн сделал шаг вперед и застыл к ней спиной.

– Нам лучше разделиться. Здесь. Наш общий знакомый прислал сообщение про обыск санатория. И это только начало. Винтер позвонит тебе сама, возможно, ночью. Держи руку на пульсе, не делай глупостей и не лезь в пекло, очень тебя прошу.

– А ты? – Леона сжала кулаки.

– А я буду изображать человека, который живет скучной жизнью и ни о чем не подозревает. Все твои вещи я сложил в коробку и передал Бетти. Нужно еще наведаться к сосед-

ке. В чем-то придется быть быстрее полиции. Но не хитрее. Начнут копать – много чего откопают. Наша маскировка, без обид, сделана из говна и палок. Вызвать лишние подозрения – поставить крест на всем.

– Я понимаю.

– Тогда держись. Ты сильная львица, ты справишься. И я как-нибудь тоже, – показалось, у Гамельна сорвался голос.

Леона не успела ни подтвердить, ни опровергнуть сказанное – Гамельн ушел, растворился в улице, будто мираж. Сколько бы ни бежала – не было, не было, не было... Мимо Леоны текли совсем неинтересные люди-маски, шумные, пошлые, душные. Они смеялись, и горланили, и слишком много болтали. «Кого-то потеряла? Не меня ли?» Леона ускользала прочь, дальше, не заикливаясь, не задерживаясь. Оборачивалась кругом, искала знакомый силуэт. Но тщетно.

Попрощались перед разлукой, ага, офигенно. Глаза щипало обидой.

Перед перекрестком, поймав паузу между гудящими машинами, в кармане запищал телефон. Схватив, Леона даже не разобрала номер.

– Ну наконец-то. Это Винтер. Можешь сейчас говорить?

Леона сглотнула комочек, встряхнулась и заткнула второе ухо.

– Да, я слушаю.

***

Дети отправлялись во Францию, в школу-пансионат для трудных подростков. Там никого не заставляли учиться, но если выбрал себе предмет, то вкладывайся в него и уважай время других. Школа на фотографиях напоминала многоуровневый улей – единый и связанный, но каждый мог уединиться и заняться тем, к чему лежит душа. Стендап, музыка, программирование, живопись... Даже трек для скейтов обнаружился.

Подростки светились довольством – непритворным, такое сразу видно, – и при этом постоянно были чем-то заняты. Учебе каждый посвящал столько времени, сколько хотел. К тому же была возможность освоить несложную профессию, вроде парикмахера или столяра. Подростки сами себе готовили и убирали территорию школы, ухаживали за растениями и организовывали праздники. На пасху, например, устроили целый квест с поиском яиц и сделали из смеси досок, пластика и металла скульптуру зайца с корзинкой.

Учителя аккуратно направляли и курировали подростков, но всегда прислушивались к их мнению и подхватывали выдвинутые инициативы. Радовались успехам и поддерживали в случае неудач. А когда случались конфликты и ссоры, выслушивали все стороны и старались найти компромисс или корень проблемы.

Какая-то гребаная утопия.

«Ложка дегтя, конечно, есть: деньги-деньги-деньги. На

продукты, одежду, книги, спортивный инвентарь... На хоть какую-то достойную зарплату учителям и тренерам. Крупных спонсоров хватает на раз-другой, а траты идут постоянно, – Винтер, рассказывая, тоном подчеркивала важность этой информации. – Сейчас, во время теплого сезона, ситуация более-менее стабильна, но бывают и черные полосы. Поэтому туда крайне редко берут новеньких. Трое за раз – очень много, тем более в срочном порядке. Но сестра вроде все утрясла. Нельсон продал байк плюс обналечил свои накопления. Я тоже кое-чего добавила, так что на текущие расходы по транспортировке и размещению хватит. Но сама понимаешь: пускать на самотек это все нельзя. Взяла ответственность – неси до конца».

До дома Леона добралась с гудящей квадратной головой. Казалось, она ничего не успевает. Через полтора часа должен был подъехать минивэн, чтобы забрать детей и отвести на поезд. А Леона была не в состоянии даже толком поговорить с облепившими ее Сьюзен, Оллин и Чарли. Судорожно прикидывала: как им всем быть дальше.

Сколько времени детям нужно провести в пансионате, чтобы полиция прекратила поиски? В цифровой век информация распространялась очень быстро, но за границей, да в таком месте вряд ли кто соотнесет фотографии с живыми подростками. Кроме того, за пару-тройку лет они повзрослеют и станут куда менее узнаваемыми, а пока обошлись покраской волос, сменой причесок и цветными линзами.

Другой вопрос: сколько придется работать, чтобы обеспечить семью? Возможно, от «Оксфама» придется отказаться – и поискать другое, более прибыльное место. С другой стороны, можно поговорить с книжным боссом, чтобы транспортировать часть вещей в пансионат: книжек и шмоток всегда было в избытке.

– Можешь продать мои картины, – Сьюзен вдруг прижалась к боку Леоны. Она что, вслух говорила?! – Если их не выбросила мама. Я попросила доктора Найджела передать их тебе.

– Но там же...

– Я нарисую еще, – Сьюзен улыбнулась. – Те картины – грустные и больные. Им нельзя за нами.

Чарли потер нос:

– Я могу обналичить счет. Надо было сразу. Тупанул.

– Не надо, – Леона обхватила ладони Чарли, сжала холодные пальцы. – Засекли бы еще. Пусть видит: тебе не это от нее было нужно.

Чарли заторможенно кивнул. Словно только-только вспомнил про мать.

– А я... у меня ничего нет, – Оллин мяла платье, и ткань топорщилась волнами. – Но я могу играть на фортепиано. А после рассказывать какую-нибудь грустную историю.

– Ага, про принцессу, которая сбежала от рыцаря и полюбила дракона, – Леона потрепала ее по рыжим волосам, постараясь не потревожить куцый хвост на макушке. – Тебе

очень идет эта прическа.

Оллин покраснела и отвернулась. Сюзен с улыбкой покачала головой. Чарли фыркнул. Уютное единение снова окутало с головой, как было раньше, еще в домике в лесу. Тогда они могли понимать друг друга без слов.

– Лео, – Сюзен забралась на диван с ногами, – а тебе нравится Гамельн?

– Ну, да...

– Сильно-сильно нравится?

Леона сглотнула:

– Ну, так. А что?

– В машине ты с него глаз не сводила. И на ужин не осталась... – Сюзен выглядела расстроенной.

– Да она ревнует его по-черному, – Чарли фыркнул. – Мой-мой-мой-мой. Ба-а-альшими буквами.

– Ревнует? – Оллин подергала хвостик. – Это когда готов убить любимого человека, потому что увидел его с другим?

– Нет, это когда готов убить всех, кто окружает любимого человека.

– Получается, – Сюзен сместилась, заглядывая Леоне прямо в глаза, – ты хочешь нас убить?

Леона не знала, куда себя девать.

– Не хочу. Что за бред. Мы все – семья.

– Ага-ага, и поэтому отправляешь нас черт-те куда, – Чарли ковырялся в ухе, безмятежно-расслабленный хам.

– Я отправляю вас туда ради ваших безопасности и сча-

стья! – внутри Леоны как на расстроенных струнах играли.

Сьюзен нашла и сжала ее ладонь, прижалась к груди. Ныло, ныло все равно.

– Ну-ну, а домик в лесу власти забрали и дороги перекрыли, – Чарли широко зевнул. – Даже если туда наведаются, то увидят запустение, проведут быстрый обыск и уедут. Я смотрел «Мысли как преступник», я знаю. А мы поспим пару ночек в лесу, не помрем.

Леоне очень хотелось уйти в ванную и плеснуть в лицо воды. Голову под кран засунуть. А лучше – Чарли за волосы мокнуть в унитаз. Все, что тот говорил, Леона думала-передумывала сотню раз. Но...

– Чарли, ты дурак! – Оллин с размаху влепила Чарли пощечину.

Чарли схватился за щеку и зыркнул уничтожающе.

– Я? Да если бы не я, она бы еще тыщу лет решалась, а потом прикинула бы: ей и так неплохо живется. Чуть-чуть совестливо, но терпимо. И Гамельн под боком.

– Если бы не ты, Чарли, я бы не носилась с горящей жопой, не подставляла Гамельна, не напрягала абсолютно посторонних людей. Возможно, хватило бы месяца на подготовку, и мы бы уехали жить в домик в лесу. Но сейчас – нет. Для Лондона и окрестностей вы должны исчезнуть.

Чарли без страха смотрел на нее.

– Не взваливай все на меня. Ты изначально не была готова. Леона заскрипела кулаками. Внутри клокотало. Удиви-

тельно, как голос сохранил сталь:

– Что ты знаешь? Что. Ты. Знаешь?

– Лео, Чарли, перестаньте! – Сьюзен замахала руками. – Мы все устали. Просто очень-очень устали. Давайте попьем чаю.

– И ты бы, Чарли, крутостью не мерился. Не дорос еще, – Оллин скривила носик и развернулась в сторону кухни, удаляясь, как принцесса.

Девочки скоро раздобыли чайник, чашки, разлили дымящийся ароматный чай. Леона откинулась на спинку, закрывая глаза. Запах мяты окутывал и обволакивал. Взрослой оказалось быть очень сложно.

Чарли сидел неподалеку, навьюченный и колючий. Выждал, когда девочки уйдут за пирожными и фруктами.

– Мне кажется, ма не перенесет моего исчезновения. Либо совсем уйдет в работу, пока ее какой-нибудь инсульт не хватит, либо, наоборот, на все забудет, спустит деньги на лучших ищеек, станет ходить по каким-нибудь гадалкам...

Леона покосилась на него, взвешивая эмоции.

– Хочешь вернуться?

– Нет. Да. Не знаю! Я запутался!

– А уж как я запуталась, ты не представляешь. – Леона глотнула чаю и шикнула: слишком горячо. – Но счастье всегда требует жертв.

Девочки все не возвращались, возможно, смекнув, что им надо побыть наедине, и тишина обрушилась тревогой, хоро-

водом мыслей, которые отчаянно хотелось отогнать куда подальше. Только от правды не сбежишь, как ни пытайся.

– Знаешь... я ее уговорю отправить меня в этот пансионат. Набрехаю что-нибудь про любовь к Франции, про спортивную школу, не важно. Но пусть знает, где я... а не сходит с ума, – Чарли говорил слишком серьезно, и Леона почувствовала, как к глазам подкатывают слезы.

– Чарли, ты... – в следующий миг она уронила чашку на колени и подскочила от жжения. – Вот черт!

– Осторожно!

– Лео, ты как маленькая!

Девочки сновали заботливыми наседками, вытирали салфетками и прикладывали лед.

– Маленькая да удаленькая, – к Чарли быстро вернулось его ехидство, словно и не было минутного откровения. – Биг сис.

– Биг сис... – Сюзен повторила восторженно.

– Самая крутая и гр-розная биг сис! – Оллин подпрыгнула вверх.

Леона была готова умереть от смущения. А Чарли решил еще добить:

– Биг сис, – он придвинулся и неловко пихнул ее в плечо, – дашь мяч погонять напоследок?

И вот как тут откажешь-то?

***

А когда они уехали, дом сразу опустел. Чарли действительно направился обратно к себе в особняк. Оллин немного поколебалась: может, родная мать тоже с радостью сбагрила бы ее в пансионат? Но в итоге ограничилась письмом, что она-де влюбилась в одного рок-музыканта и сбежала с ним в турне, и попросила передать его, когда шумиха утихнет. Одна Сьюзен твердо приняла решение безвозвратно исчезнуть. Леона уважала выбор каждого из них. Но все равно не знала, куда себя девать.

– Мам, а где Руди?

Элизабет в скрытом раздражении передернула плечами и с особым зверством продолжила вскрывать банку помидоров.

– Работает. У него много работы.

– Он... тебя бросил? – Леона стиснула кулаки, готовая из-под земли Руди достать и как следует начистить ему рожу.

Элизабет громко стукнула банкой. Обернулась удивленно.

– С чего ты взяла? Нет, конечно. Надеюсь, что нет. Он сказал, что пока не может принять такую сторону меня и ему нужно подумать. Ну, пусть думает.

– Мам, почему ты помогаешь мне?

Элизабет вытерла руки и развернулась.

– Потому что люблю тебя, глупенькая.

– А Руди?

– Его тоже люблю. И детей я успела полюбить. Но любовь

бывает разной и приводит нас к разным решениям. Твоего отца я тоже любила всем сердцем, но он выбрал другую женщину, и мы расстались. А моя любовь к тебе в прошлом сделала меня слепой. Жизнь такова, что любовь приносит нам и радость, и боль. У нее слишком много оттенков.

– Мам... Я правильно поступила?

– Это покажет лишь время, Лео. Это покажет лишь время.

***

– Внимание, новости! Друг за другом пропали трое подростков из разных частей Англии. Все они шесть лет назад проходили по «Делу о Гамельне» и были найдены благодаря усердной работе полиции. Выпущенный полтора год назад Нельсон Салливан, которого признали виновным в «Деле о Гамельне», на ориентировочное время исчезновения имеет алиби. Полиция продолжает расследование. Пожалуйста, окажите посильное участие!

Новости преследовали Леону везде – за завтраком, обедом и ужином, дома и на работе, на улице и в кафе. Случившееся обсуждали все от мала до велика. Редко какой покупатель не склонялся над стойкой: «А вы слышали, да?». Некоторые еще рассуждали о случившемся, сетовали на пагубное влияние интернета, высказывали надежды и только тогда уходили.

Под вечер Леона чувствовала себя измотанной вовсе не из-за удвоенного графика. Сложно знать правду – и молчать.

Делать вид, что не имеешь к этому никакого отношения. И поздновато уже что-то менять. Шесть лет назад они переехали с мамой не для того, чтобы вокруг судачили и обсуждали причастность Леоны к «Делу о Гамельне». А стоит обозначить вовлеченность – заключают.

– Один из детей найден! По показаниям, Чарли Маккой никуда и не исчезал, а просто жил у друга. Полиция проверяет информацию на достоверность.

Леоне нестерпимо хотелось начать курить – впервые в жизни. Она стала колупать ногти и перебирать волосы, которые собирала теперь в конский хвост. Сменщик отметил ее нервозность и круги под глазами, но Леона отмахнулась от него: «Разошлась с парнем». Женщины-волонтеры сразу наострили уши и надавали уйму советов от «Сходи в клуб оттянись» до «Пришли ему резиновую вагину». Леона с содроганием вспомнила «Рахум» и яркими картинками секс на кухне и в машине – и скисла еще больше.

В этот же день, по закону подлости, одна из покупательниц задумчиво протянула: «Я кажется видела одну девочку здесь, в Уотфорде. Я не уверена, но, может, позвонить в полицию?». Леона ответила с максимальным ехидством: «Конечно! Службы поиска будут рады недостоверной информации». Женщина поджала губы и ушла.

Одна из волонтеров удивленно посмотрела на Леону: «Тебя перед месячными кроет, что ли?». Леону крыло, о да. Очень не хватало Гамельна.

А дома, стоило сомнамбулой пристроиться на диване, где уже с чаем и печеньем расположилась Элизабет за просмотром сериала, с характерной музыкой эфир прервали очередные новости:

– Срочное сообщение. К нам в студию поступило множество звонков: пропавших девочек вместе с мальчиком-подростком видели по отдельности и вместе в разных частях Лондона. – Лениво слушая ведущую, Леона вдруг вспомнила, как Гамельн давал подросткам какое-то поручение: уж не это ли? – По последним сведениям, девочек засекли камеры на станции Юстон, а трое людей видели их в Клиссолд-парке. Дальнейшее местонахождение неизвестно. Если у вас есть сведения об этом – незамедлительно сообщите по номеру горячей линии.

А можно она позвонит Гамельну?..

Словно бы услышав это нестерпимое желание, Леоне позвонила Винтер с рабочего номера, пересказывая горячие новости: у них творился хаос и цирк! К Гамельну прямо во время занятия прорвались журналисты. Стали тыкать камерами, микрофонами, кидаться тысячью вопросов: «Правда ли, что вы похищали детей?», «Вас вела любовь к детям или жажда мести матерям?», «Хотели бы вы восстановить справедливость?».

Пока Гамельн стоял в ступоре, вперед вышел главный по собранию жильцов в здешнем районе: «Молодые люди, позвольте узнать, где ваши удостоверения и разрешения на

съемку и интервью?», «Вы знаете, что находитесь на частной территории и нарушаете права собственника?», «А еще в курсе, что внедрение в рабочий процесс без предварительного согласования карается денежной компенсацией?». Еще и на значок о запрете фото и видеосъемки указал и потребовал фамилии с именами всех присутствующих.

– Эти журналюги сразу приуныли и напомнили сорок, ободранных бывалым котом. Так им и надо.

Леона прижимала телефон к уху и слабо-слабо на другом конце провода различала знакомую интонацию: Гамельн раскланивался перед старичками.

Полиция, судя по новостям, тоже ничего существенного не обнаружила. В специальном выпуске говорилось, что Гамельн, когда вышел из тюрьмы, временно жил у друга семьи, затем устроился на работу и снял квартиру. По барам не ходил, по бабам – тоже. Как примерный сын навещал раз в месяц мать. Короче, жил скучной жизнью человека, который осознал свою вину и исправился. Никаких пересечений и контактов с похищенными детьми: «Я похож на идиота?».

В следующий раз Винтер рассказала про еще один забавный эпизод, когда полицейские решили наведаться к соседке Гамельна. А потом удирали от единорожной дубинки как от чумы. «Это мой дом! Вы злые приспешники! Мой сосед знает радужный секрет, а вы – нет. И не узнаете. Эус! Гури! Памето!» Старички так вдохновились этой историей, что немедленно потребовали фанатку единорогов в свои ряды.

Гамельн обещал передать ей листовку и приглашение. Но лучше бы та отказалась!..

***

Полицейские пришли и к Леоне: один пожилой с цепким взглядом и знакомым лицом, другой лет тридцати в очках и скупающий чуть более, чем откровенно.

– Леона Снайдер? Могу я задать пару вопросов? – разговор начал пожилой: его распахнутое удостоверение показывало, что отказ не принимается.

– Только недолго. Я надеюсь успеть на работу, – Леона покосилась на время в телефоне. – Проходите.

Пожилой полицейский поклонился и прошел в гостиную, а второй остался снаружи курить. Наверное, договорились действовать сообща.

– Как давно вы работаете?

– С девятого класса. В «Оксфаме». Вернее, сначала я там волонтерила, а после выпуска меня взяли в основной штат.

– Понятно, – полицейский умело и быстро осматривал дом, пользуясь перемещениями Леоны, которая потеряла бейдж. Пусть осматривает. Хоть до позеленения. Леона наворачивала уже круг третий. – А университет не тянете?

– Тяну. Но не хочу, – Леона, разозлившись, вывалила на стол все из сумки и стала перебирать кучу полезного хлама. А бейдж смиренно лежал в наружном кармане, будто всегда там был.

– Понятно. Вы живете с матерью?

– Да, но планирую переезжать. Мама выходит замуж, а меня давно ждет взрослая самостоятельная жизнь.

– Значит, у вас все наладилось? Я рад. Вы не пытались поддерживать связь с другими детьми, вместе с которыми были похищены?

– У меня хватает друзей, – Леона зыркнула на полицейского так, как смотрела на мудилу, ляпающего про «прайд». – Шесть лет про них не слышала... С тех пор, как нас нашли в домике в лесу. А сейчас слышу из каждого утюга.

– Вы не думаете, что это снова действует Нельсон Салливан?

– Не думаю. Он не дурак. Зачем ему так рисковать? Мне вообще кажется – они сами ушли. Я бы ушла, если бы дома продолжилась жопа.

– Откуда знаете, что у подростков по-прежнему в семье разлад?

Леона достала из ниши стола мятый журнал и расправила на развороте. Фотографии сопровождал кричащий текст. Спасибо пронырам журналистам!

Полицейский поднял брови.

– Верите желтой прессе?

– Верю тому, что вижу. У них у всех глаза несчастных детей.

Карточки, которые курсировали по новостям под графой

«Пропали подростки», правда отличались редкостным пиздецом. Попадись Леоне в руки такие фото – она бы точно решилась на похищения гораздо раньше.

Полицейский покачал головой, проводя пальцами по матовым страницам.

– Я могу забрать?

– Как хотите.

Полицейский запихнул журнал в портфель. И остановился взглядом на картине дома с распахнутыми окнами, которую нарисовала Сьюзен перед отъездом.

– Иногда я корил себя, что закрыл дело. Что нашел – всех вас. Спасибо, что уделили время.

Он ушел, оставив в душе Леоны странный флер. Хоть беги и признавайся: все хорошо! Теперь все хорошо! Но нет. Дурой и самоубийцей она не была. А ответственность за принятые решения каждый должен нести сам.

***

Поднятый шум и не думал утихать. Снова, как давно, началась цепь передач, посвященных исчезновениям подростков, от тупой говорильни до интересных диспутов. Одна заставила Леону застыть у экрана вместо похода в туалет.

– У нас в гостях Итан Грегори, признанный независимый судебный эксперт, в прошлом много лет проработавший психиатром. Мистер Грегори, вам слово.

– Добрый день. Хочу напомнить присутствующим и слу-

шающим, что Нельсон Бенджамин Салливан, который получил прозвище Гамельн, похищал детей не из прихоти или извращенных порывов, а потому, что их матери не справились с воспитанием. Кевин Адриан Бон голодал и ходил в обносках, Сьюзен Зое Пэтерсон били за малейший проступок, Оллин Саманта Уолкер в роли служанки следила за хозяйством и младшим братом, Чарли Logan Маккой сидел в четырех стенах роскошного особняка без права гулять и с кем-то дружить.

После такой вступительной речи в зале поднялись шепотки, а Леону будто окунули в прошлое. Грегори же спокойно продолжил:

– Следует сказать, что в жизни этих подростков особо ничего не изменилось. А местами усложнилось и усугубилось. Считаю нужным сообщить, что Кевин скончался из-за безалаберного отношения родителей, которые вовремя не оказали сыну медицинскую помощь. Мальчик умер всего через два с половиной года после возвращения домой, – Грегори сделал паузу, давая возможность слушателям вникнуть в слова. – Мне удалось также выяснить, что Сьюзен, о пропаже которой сообщили первой, подвергалась множеству медицинских обследований все те шесть лет, как ее забрали домой. Оллин жила с сумасшедшей двоюродной тетей, которая считала девочку своей погибшей на пожаре дочерью. Жизнь Чарли на их фоне покажется вам райской: богатый дом и все, что душе угодно. Но из-за постоянной работы и разъездов

мальчик практически не видится с матерью. На расспросы полиции она не смогла ответить, с кем ее сын дружит, что любит делать в свободное время и где бывает чаще всего. Не знаю, как для вас, а для меня это большой показатель родительского равнодушия.

Грегори показал на камеры выписки из морга, больниц и школ, а потом разложил их веером и взял в руки только один лист. Издалека различались лишь цифры и то, что часть предложений были подчеркнуты.

– По косвенным признакам, таким как найденные примерно одинаковые записки, взятие с собой минимума одежды и регистрация на сайте «Возрождение», я пришел к выводу, что подростки нашли друг друга и решили совершить коллективное самоубийство.

В зале поднялись страшный шум и суета. Выкрики «Как вы можете!» и «Да что это делается?» сливались в нестройный гул. Все продолжалось минут пять, пока Грегори не постучал судебным молоточком. В кармане его носил, что ли?

– Мне больно это признавать, но статистика не на нашей стороне. С каждым годом процент коллективных самоубийств и интернет-суицида лишь возрастает. Власти не успевают отслеживать социальные сети, а родителей зачастую не интересуют внутренний мир ребенка, его проблемы и потребности. Потребности не в материальном достатке, а во внимании, поддержке, любви, насколько бы банально это ни звучало. Пропавшие подростки два раза прошли через

так называемое чувство ненужности. Исход очевиден.

– Но тела ведь не найдены! И Чарли вернулся домой!

– Вероятно, Чарли передумал в последний момент, потому что на могиле Кевина найдены четыре желтые гвоздики и записка «Мы идем к свету». Напомню, что за Клиссолд-парком, где в последний раз видели подростков, находится кладбище Эбни-Парк.

Одна из зрительниц, похоже, рухнула в обморок. Еще кто-то вскрикнул. Многие повскакивали. Персонал и съемочная группа забегали, успокаивая людей и разнося воду.

– А что насчет еще одной девочки? – мужчина во всем черном с бейджем «пресса» подался вперед. – Была же еще одна? Элеонора, кажется...

– Она старше остальных детей лет на пять, поэтому уже закончила школу и работает. У них слишком разный круг интересов и притязаний. Сомневаюсь, что Чарли, Оллин и Сьюзен пытались с ней связаться.

– А с Гамельном?

– Гамельн бросил их, если вы забыли. Предал. Показал другую жизнь и оставил одних, без защиты. Дети такое не прощают.

– Почему вы пришли к такому выводу?

Леоне самой захотелось возмутиться, топнуть ногой и все отрицать. Грегори крышей внезапно поехал? На фоне прочих холодных рассуждений это воспринималось горячечным бредом. Логичное по сути – и абсолютно абсурдное по на-

полнению. Гамельн не предавал их. Если Грегори встречался с другими детьми, он должен был это понять.

– Проблемы в семьях этих подростков начались не месяц и даже не шесть лет назад. Мне страшно подумать, сколько эти дети страдали. Они оказались пленниками ситуации. Но никто из них не слал письма в тюрьму – единственному взрослому, который был к ним участлив.

– Почему же они не совершили суицид раньше? – журналист направил на Грегори карандаш.

– На это сложно решиться в одиночку. А по сети не так-то легко искать нужных людей, особенно не зная полных имен. Кроме того, полноценный доступ к компьютеру из троих был только у Чарли. Думаю, он и нашел девочек. А идею предложила Сьюзен. Многие годы в больнице расширяют представление о действии лекарств, жизни и смерти. Почти потерявшая свою личность Оллин просто не сопротивлялась им, – Грегори потер переносицу. – Конечно, это мои личные догадки, но они основываются на собранных материалах по делу. Все желающие могут их изучить в моем присутствии.

– Спасибо, мистер Грегори, за как всегда профессиональный взгляд! А сейчас я пригла...

Леона выключила телевизор и закрыла глаза. Передача была поддерживаемой правительством. В зале даже присутствовал кто-то из сотрудников полиции. Хотя речь Грегори – кич и на самом деле страшный приговор, но... Лучше бы все и правда поверили, что девочек больше нет. Лучше бы все...

Леона распахнула глаза. Кинулась в свою комнату. Под кроватью в коробке лежали «подарки Гамельну» – мелкие вещи на память. Леона сгребла их в охапку и прижала к груди. Сердце стучало как сумасшедшее. Пальцы тряслись. С каждой секундой она все больше наполнялась уверенностью, что эта дикая идея сработает.

Если взяла на себя ответственность – неси ее до конца.

***

– Знаешь, я будто снова переместилась во времена, когда ты только вернулась.

Они ужинали в очередной раз вдвоем и в тишине. Элизабет перестала смотреть сериалы и читала книги. Хотя в этот раз Леона сама ждала выпуска новостей.

– Что? Почему?

– Ты очень напряженная и замкнутая. Тебе хочется вернуть все как было – чтобы и подростки, и Гамельн рядом. Я же чувствую.

Леона не донесла кусок мяса до рта, отложила на тарелку. Спрятала руки под стол.

– Перетерплю. Смысл поганить то, что работает?

– Даже когда начинает работать со скрипом? – мама попыталась поймать ее взгляд, но Леона не поддавалась, замотав головой.

– Ничего не!.. Не скрипит. Катится. И докатится! На хрена тогда было столько жертв и усилий?!

– Моя взрослая девочка. Со взвинченными нервами, – мама усмехнулась и отломил кусок мякиша, вылепляя из него фигурку. – А говорят, это беременных вечно штормит... Так и будут растить ребенка две истерички.

Леона стиснула пальцы на домашних штанах. Почему все вечно наслаивалось одно на другое? Исчезнувший Рудольф добавлял лишней головной боли. Ну не мог же он струсить! Не после всего.

– Не звонил?..

Элизабет вздохнула и сжала мякиш в ладони.

– Подумай лучше о себе. Хочешь, я свяжусь с Нельсоном? Пусть решит поискать какую-нибудь редкую книгу для себя. Он ведь маньяк до чтения.

У Леоны закружилась голова от перспектив. Но она же не сможет! Не сможет просто смотреть и говорить.

– Не надо... не сейчас. Пожалуйста.

Элизабет пожалала плечами и запихнула мякиш в рот.

– Тогда и ты не звони Руди.

***

– Лео! Тут тебя...

– Пусть... подождет... – Леона тащила тяжеленную стопку книг, не различая ничего.

– Эй-эй, куда столько набрала? – Гриденс, книжный босс, добродушно посмеивался.

Сам привез целый грузовик, забитый коробками, и стро-

ит из себя ангела во плоти! Впрочем, недавно от отправил в школу-пансионат два таких грузовика, поэтому жаловаться не приходилось.

– Сколько... смогла... столько... и взяла.

Леона хотела смахнуть пот, но лишней парой конечностей еще не обзавелась. Кое-как доволокла книги до нужного стеллажа, чуть не рухнув сверху, и стала быстро расставлять по полкам: перед покупателями нужно держать лицо. Она выровняла корешки и только после этого развернулась, поправляя рабочий фартук.

– Извините за ожида...

Возле стойки стоял Рудольф. С щетиной и одетый словно на скорую руку – на рубашке внизу отпечаталось пятно от апельсина, штанам явно не хватало ремня. Он сжимал потрепанный портфель как последнее, что у него осталось.

– Если вам нужна консультация, обратитесь лучше к парню за кассой. Я на разгрузке.

Леона вздернула нос – и отправилась за новой стопкой у черного входа.

– Лео! – Рудольф кинулся за ней, но на полпути был остановлен Гриденсом. Только тот клал руку на плечо так, что правонарушители буквально цепенели. Голос Рудольфа стал отчаяннее: – Лео! Дай мне пять минут.

– Нет.

– Три! Две!

– Одну, – Леона поморщилась, не зная, как испытывала

когда-то к этому человеку восхищение. К этому жалкому человеку, который пришел к дочери любимой женщины вместо того, чтобы рвануть к ней самой. – Мистер Грегори, можно выйти на минуту?

Грегори нахмурился, но железную хватку разжал, и Рудольф выдохнул, потирая плечо.

– Время засесть? – Грегори многозначительно покосился на настенные часы.

– Будьте добры.

На улице Рудольф вытащил из кармана смятую пачку сигарет, повертел и стал вытаскивать-убирать сигарету.

– Лео, я запутался.

– Распутывайтесь в другом месте. Мне мямленье нафиг не сдалось.

Рудольф дернул ладонью: пачка полетела вниз, и одинокая сигарета осталась в пальцах. Он смотрел на Леону без злости и испуга – с тоской.

– Ты злишься, Лео? Знаю, что поступил как мудака. Я готов объясниться. И хочу вернуться!

– А хочет ли мама, чтобы вы возвращались?

Рудольф округлил глаза, словно не представлял себе такого исхода. Самоуверенный индюк. На коленях пускай бы еще приполз. С цветами. И землю целовал.

– Мама не кукла. И не примерная домохозяйка. То, что она ждет от вас ребенка, не делает ее комнатной собачкой, которую можно задобрить косточкой, а потом отогнать сапо-

ГОМ.

– Я и не думал... Лео, я даже не думал о таком! – Рудольф едва не кричал на всю улицу.

– Ага, а как вам слово поперек сказали и за красивой картинкой показали грубый чертеж – вы сразу в кусты.

– Лео, ты все не так... Лео! Я смотрел новости! – Рудольф что, серьезно пытался ее таким удивить? Пора обратно. – Шестилетней давности.

Леона застыла как вкопанная и медленно-медленно повернула голову. Рудольф стал собранным и решительным, напоминая сейчас того, кто договаривался об интервью со звездами – и договаривался к обоюдному удовольствию.

– И что насмотрели?..

– Собственную слепоту, – Рудольф признавался спокойно: говорил правду. – Никогда не задумывался, почему ты стала хулиганкой. Почему Бетти замечает твои успехи и неудачи. Почему она словно видит меня насквозь, даже если мы говорим по телефону и я пытаюсь убедительно врать. А еще – почему я выбрал ее из тысячи женщин.

– Тогда сразу из миллиона.

– Из миллиарда, – Рудольф растер сигарету в пальцах, и вниз посыпался пепел. Серо-горький. – Прости, что засомневался – и в тебе, и в Бетти.

– Это лишнее. – Леона дернула плечом. Казалось, разрыв манжеты был в какой-то другой жизни. Слишком много событий навалились одномоментно. И склеить-состыковать

получалось с трудом. – Руди... ничего не делайте наполовину. Если любите – так любите. Доверяете – так всецело.

– Хорошо, Лео, хорошо! И спасибо, – Рудольф еще и руку ей поцеловать умудрился! Нахал.

– Вы еще долго тут торчать собираетесь? У меня работа, вообще-то. А потом встреча с подружкой. Но убью, если узнаю, что мама плакала.

– А если от счастья?

– Все равно убью.

Рудольф улыбнулся – немного криво: оснований воспринимать слова Леоны всерьез у него было в достатке. И понесся по улице, неверяще счастливый, как Эби-Дороти, когда однажды получила по математике «хорошо», хотя даже в начальной школе пользовалась калькулятором. Потом оказалось – учитель перепутал листы. Но неподдельная радость Эби-Дороти захватила тогда всех. Где-то там, в другой жизни.

– Минута успешно превратилась в десять, – книжный босс и волонтеры прилипли к телевизору, – но прощаю. Тут такое по новостям!

– В Клиссолд-парке обнаружены вещи пропавших девочек. В обрыве найдены бусы и платье, на котором есть пятна крови и следы белого порошка. А в мусорке неподалеку обнаружили несколько пустых блистеров из-под снотворного, – девушка-репортер эмоционально освещала работу поисковиков. – Только что водолазы вытащили из пруда санда-

ли и изрисованный блокнот! Тела пока не обнаружены. Поиски продолжаются.

Леона стиснула кулаки – спокойствие, только спокойствие. Она уже сделала это: как смогла симитировала смерть двоих подростков. Теперь оставалось лишь ждать.

***

Вечером у Эби-Дороти Леона по большей части отсыпалась. Подруга успешно занималась своими делами, не теребила, не кантовала. Куда-то уходила, возвращалась. Потом подседа к Леоне на кровать, вещая о каком-то суперважном семейном обеде: «Даже знаменитость пригласят!». Эби-Дороти страдала как фифа: а что надеть, а как себя вести. Леоне бы ее проблемы.

– О, точно, тебе отец просил передать. Он всегда так важные поручения оформляет. «Бдите за моей дочерью», ха-ха. Прикинь, если так и окажется?

Эби-Дороти протянула Леоне посеребрянный конверт со сложными вензелями. Дорогая плотная бумага, запах крепкого бренди. В конверте была записка. Чрезвычайно короткая – и дорогая: «Надеюсь, я не ошибся».

– Таинственно как, – Эби-Дороти нагло заглянула в текст и снова принялась донимать расспросами про имидж.

Есть же беспечные люди. А сама Леона будто лучше была! Шесть лет жила, не особо парясь о судьбе других. Год вовсе с Гамельном провела. И тут чухнулась догонять ушедший по-

езд. По дороге наломав дров и поломав судьбы. «Недостойные матери» наверняка задыхались сейчас в бессильном отчаянии. И мечтали крутануть время назад. Некого винить, некого винить, некого винить... кроме себя.

Кто бы ей сказал-подтвердил: «Ты все сделала правильно». Кто бы сказал...

Конверт Леона бережно убрала в сумку, спрятав между комиксами.

***

– Лео, девочка моя, не задерживайся сегодня допоздна, – у Элизабет голос звучал урчащим довольством. – А лучше отпросись пораньше.

– Мам, я же не в школе, – Леона, зажав телефон между плечом и ухом, сортировала выпуски журналов по годам и тематикам. Женщина, напоминающая учительницу, приволокла два объемных пакета. Сказала, муж собирал вплоть до развода, многие не распакованы, ей некогда разбираться. А им есть когда, ага. – Смена закончится – и приду.

– Все люди, Лео! Договорись.

Леоне на ногу упала увесистая стопень. Она беззвучно выругалась и кое-как пристроила на полке остальную половину.

– Мам, у меня работа. Пока.

– Нет, вы только на нее посмотри...

Редко когда Леона радовалась оборванной связи. Но работы и правда набралась куча. В буквальном смысле. Разря-

женный телефон улетел в карман до лучших времен. На чем она там остановилась? Ага, две тысячи восьмой, «География путешествий».

Освободилась Леона в итоге не то что пораньше – а на полтора часа позже. Зато все сделала. Одной головной болью меньше! Она потянулась, сохранила обновленную картотеку, торопливо закрыла программу и выключила компьютер. Все-все-все, сколько можно-то? В «Оксфаме» уже ни одной живой души не осталось, даже книжный босс ушел минут пятнадцать назад.

Леона пробежалась по магазину, проверяя сигнализацию, выключила свет и закрыла дверь. Улица дыхнула в лицо запахом яблок и прохладным ветром. Здравствуй, сентябрь. Леона вслепую закинула в сумку ключ от магазина, и тот стукнулся о холодный труп телефона. Упс. Мама, наверное, волновалась и злилась. С другой стороны – телефон «Оксфама» она знала, могла и набрать, если бы захотела. А если уж решила обижаться, Леона ничего с этим не сделает.

По пути до дома в голове разрозненной чередой шли мысли о последнем месяце лета. Некая секта признала, что нашла тела двоих девочек и предала сожжению. Анализ пепла косвенно подтвердил ДНК. Винтер же прислала почтой фотографии немного хмурых, сидящих в стороне, но то там, то тут принимающих участие в общих делах пансионата Сюзен, Оллин и Чарли, который крайне оперативно сдержал свое обещание уболтать мать. Тот еще когнитивный диссо-

нанс! Сойдет Леона такими темпами с ума – и ладушки.

– Я до...

Не успела Леона порога переступить, как ее сгребли в объятие. Слишком знакомое, крепкое, терпкое объятие! В нос ударили запахи кожи и домашней еды.

– Г-гамельн? Что ты где...

Гамельн без лишних слов впечатал ее в дверь и принялся целовать. Слишком жадно, спешно, до подкашивающихся ног.

– Г-гамельн, м-мама...

– Бетти и Руди ушли ночевать в новый дом, – Гамельн принялся расстегивать на ней рубашку и проезжался губами по обнаженной коже. Леона задыхалась.

– Мне надо... умыться...

Гамельн послушно потянул ее в ванную и чуть не сорвал кран. А Леона почти что искупалась, не в силах сопротивляться напору губ и языка. За спиной хлестала вода, ладони норовили соскользнуть с фаянсовых бортиков, а Гамельн целовал-целовал ее, налетами и глубоко. Язык шарил чуть не по глотке. Руки облапали-изучили буквально каждый кусочек кожи. Когда Гамельн с нажимом провел между ног – ладонь Леоны все-таки поехала... Она успела больно приложиться лопаткой о раковину, прежде чем Гамельн подхватил ее – и развернул. Лицом к зеркалу!

Гамельн хищником припал к шее, прошелся мокрыми поцелуями по плечу, справляясь с молнией и сдирая с Лео-

ны юбку. А Леона с трудом помнила, мылась ли она вчера. Смотреть на собственный лихорадочный румянец было невыносимо.

Леона зажмурилась и ухнула лицом в холодную воду: защитные системы перекрыли и кран, и слив. Пронырливый Гамельн выбрал, конечно же, именно этот момент, чтобы сжать ее задницу. Леона едва не захлебнулась. А потом чуть не задохнулась – Гамельн, недолго думая, стал ее ласкать. Его сейчас, кажется, не остановил бы и Армагеддон.

Леону сковали волнение и предвкушение. А Гамельн облизал губы и встретился с ней в зеркале взглядом, отчего захотелось пискнуть и раствориться. Взгляд прожигал насквозь. С таким откровенным желанием не во всякой порнухе смотрели. А Гамельн смотрел. Леона покрылась неравномерными красными пятнами чуть не до шеи. Воздух кое-как проталкивался в легкие. С волос капала вода.

Гамельн вошел в нее, словно специально подгадав сосредоточенность на отражении. Леона уставилась как приклеенная – на собственный приоткрытый рот, на торчащие бусинки сосков, на пальцы, вцепившееся в бедра. Гамельн трахал со вкусом: размеренно, с натягом, растягивая толчки. Своих рук Леона почти не чувствовала – настолько напряглись. Внутри разворачивалась бездна. Ее трясло. Раковину трясло.

А потом Гамельн оторвался, развернул Леону и распластал по кафелю. Хорошо еще полы были утепленными, и все равно прохладца гуляла по позвоночнику. Хотя скоро жар от

тел компенсировал все.

Гамельн, приподняв ее ногу, толкался глубоко, до осипшего горла, до скомканных застрявших стонов – и целовал-целовал-целовал... У Леоны голова ехала. Особенно когда Гамельн вспомнил про ее грудь и принялся ласкать. Мозг просто не выдержал, сворачиваясь трубочкой, но короткое отрубание не помогло. Гамельн все еще двигался в ней – мучительно медленно. С совершенно отрешенно-обдолбанным видом. Кончил он Леоне на живот, выдавливая сперму до последней капли. Наклонился низко-низко, почти испугав, и рухнул рядом.

Сердце Леоны не просто билось как сумасшедшее – норовило выпрыгнуть и умчаться в закат!

– Я планировал все более чинно. Но ты опоздала, – Гамельн сладко потянулся, стянул со стеллажа салфетки и стал Леону вытирать.

– Ноу... комментс... – язык Леоны заплетался, тело на отходняке из пружины норовило стать желе. Сознание еле шевелилось.

Как-зачем-почему перекрылись невозможно нежным:

– Я скучал, Лео.

Кажется, Леона успела сказать в обратную «Я тоже» и вроде даже «Люблю тебя, гада ненормального».

***

Утром Гамельн никуда не делся. Кивнул на стол:

– Завтракай и поехали.

Лишних вопросов Леона не задавала. Даже насчет работы. Гамельн все это должен был уладить. Бывалый, явно выдавший виды байк стоял возле дома – как Леона вчера проморгала? Хотя она вообще вчера... Неважно. Гамельн рядом с ней. Ее Гамельн.

Они ехали долго, и зелень рябила в глазах. А потом накатило щемящее-щемящее – Леона узнала дорогу. Домик в лесу на первый взгляд совершенно не изменился.

– Чтобы не сойти с ума, я наводил здесь порядок, – Гамельн слез с байка и раскинул руки, словно охватывая свое владение. Обозначая: «Это моя земля! Мой дом».

Леона спрыгнула следом – и задохнулась от воздуха. Солнце слепило. Трава липла к ногам и оплетала-шептала: «Вернулась!». Птицы орали: «Вернулась!». Вернулась... Припала к доскам всей собой. Дышащие теплом, те ласково-шершаво легли под ладони. Внутри правда оказалось чисто и прибрано. Прохладно. Леона ходила по комнатам замороженная и узнавала оставленные детали, сохраненные следы жизни. Лоскутное одеяло в углу, рисунки на стенах, вырезки рецептов ба на кухне, мягкие игрушки и футбольный мяч в зале. Сердце сжималось. Сколько же, сколько всего упущено! Но еще не поздно все восстановить.

– Лео! Иди скорее сюда!

Леона выбежала на окрик, и сердце защемило от вида невозможно счастливого Гамельна, который опирался о бам-

пер машины. От его глаз разбегались лучики. И весь он был такой красивый, открытый, свободный...

– Лео, привет!

– Доброе утро!

– Хай, биг сис.

Леона вздрогнула – и разобрала на телефоне Гамельна сеанс видеосвязи. Оттуда тарашились, заслоняя друг друга, три румяные мордашки.

– Кого я вижу! – Леона тоже прислонилась к бамперу, с удовольствием поднырнув под руку Гамельна, который обнял ее за талию.

– Да уж нас видишь, – Чарли как всегда зубоскалил, но сияющего взгляда спрятать был не в силах. – А у меня медаль, прикинь? За футбол. То есть за чеканку. Сто шесть раз за минуту!

– Да гонишь.

– А вот нифига. Есть видео и толпа свидетелей. Я второе место на целых одиннадцать отбиваний обогнал! Хотим еще на время устроить: кто дольше всех прочеканит. И лежа на спине, и марафон...

– Планов громадье, – Леону накрывала приятная ностальгия. Когда-то и она была таким же горящим энтузиастом. Может, у Чарли со спортом выгорит лучше?..

– А то!

– Он только и делает, что с мячом носится. Вместо головы уже скоро мяч будет. – Хвостики Оллин уже порядочно

отросли. И окрепла самоуверенность принцессы.

– А ты чем занята, Ли?

– Моделированием, – Оллин задрала носик кверху.

– Одежды?..

– Игрушек! – Оллин посмотрела на нее так, словно Леона сама должна была догадаться. – Многофункциональные игрушки для совместных игр детей и родителей. Пусть только попробуют отмахнуться.

– Но ведь заставить ты никого не сможешь...

– А обучающие видео для кого? – тон Оллин побуждал чувствовать себя идиоткой. – Мы вообще с Харли и миссис Ребеккой разрабатываем целую программу. Они в таком разбираются.

– Как серьезно все.

Кто Леона такая по сравнению с Харли и Ребеккой, ну право.

– А мою картину на конкурс отправляют! – Сюзен прикусила губу в предвкушении-ожидании. – Я ее просто так нарисовала. А девочкам настолько понравилось, что они именно ее решили на конкурс отправить! Всего одну картину от учреждения можно – и это моя!

– Поздравляю, Сью. Потом пришлешь фото?

Сюзен часто-часто закивала, прижимая руки к груди.

– А еще к Сью то волейболисты, то баскетболисты подкапывают. Рост типа подходящий! – Чарли снова перехватил инициативу. – Я им внушаю, что она – человек искусства.

Так те вздыхают, а через неделю опять: «Может, хоть разок попробуешь?». Идиоты. Не то что мы, футболисты!

– Да я сама кому надо по кумполу настучу, – Оллин задрала носик. – Мне Сью рисует картинки к игрушкам. Если и она с мячом начнет носиться – что получится?

– Не волнуйся, Ли, меня больше стрельба из лука привлекает. Это так созерцательно!

– Ого! – Леона усмехнулась, пузырясь от того, какие подруги все-таки славные.

Они были все вместе даже через расстояние – и в груди разрасталось невозможное, неопишное, концентрированное счастье. Пронзительно синее, насыщенно зеленое, пахнущее деревом, кричащее ястребом.

Гамельн смеялся и почти без умолку рассказывал истории из жизни. Про старичков, про длинного самурая, с которым сдружился и принимал участие в его чайных церемониях, про доктора Найджела, который все-таки женился на лисичке. Про силу и слабость, про ба и чтение ей сказок, про их тайну и важность хранить секрет. Говорил-говорил-говорил... А потом вдруг замолчал. И тут же Леона услышала, как вокруг заискрилась ярким солнцем и перистыми облаками теперь уже их общая колыбельная.